

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 49 ДЕКАБРЬ 1988

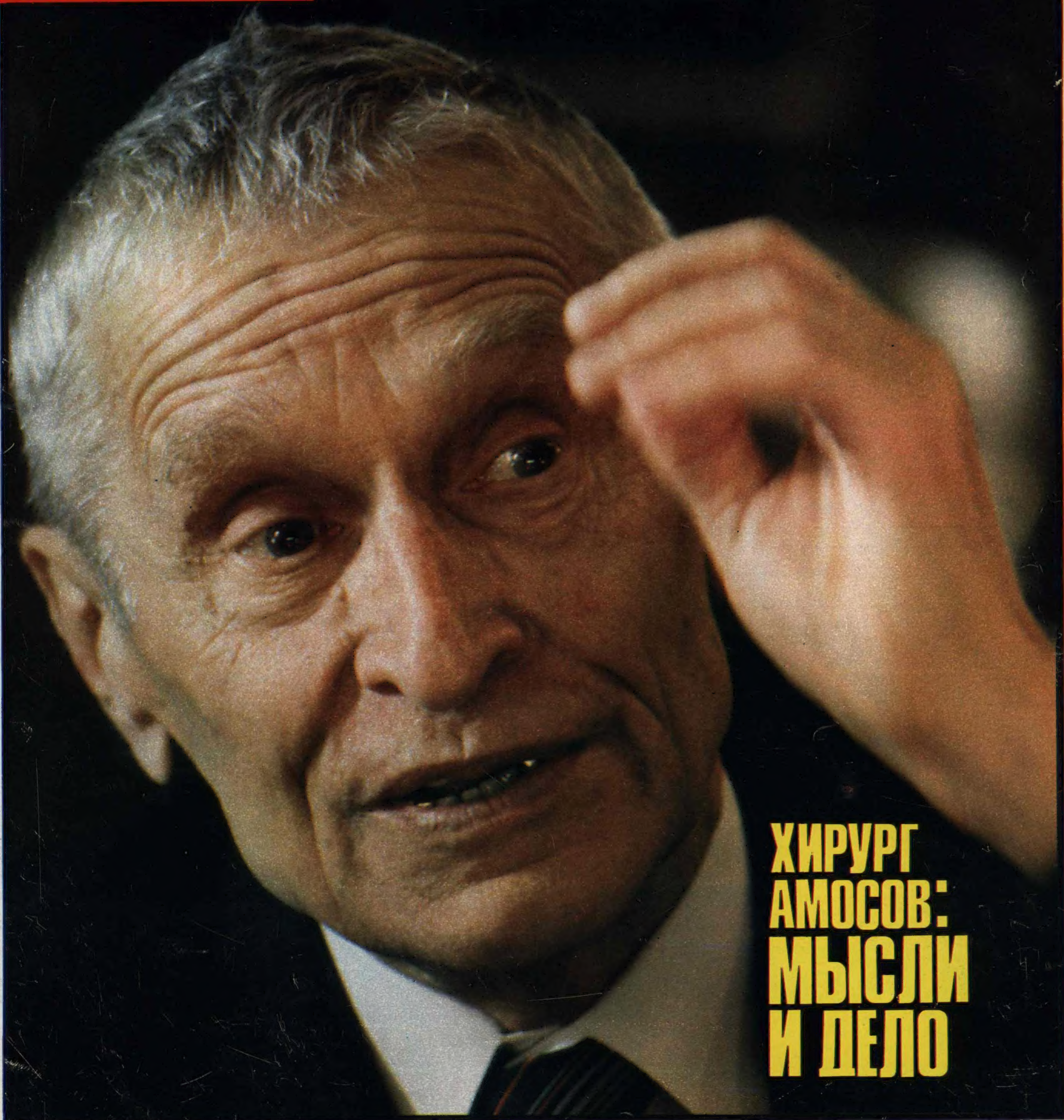
ИСКУССТВО
НА ВСЕ ВРЕМЕНА

КАК СУДИЛИ ПОЭТА

СВЕТОПИСЬ
ХАНСА ЗИВИКА

21-78

ХИРУРГ
АМОСОВ:
МЫСЛИ
И ДЕЛО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 49 (3202)

03—10 ДЕКАБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Николай Михайлович Амосов — хирург, кибернетик, писатель (См. в номере материал «Этот неуправляемый Амосов».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-59; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70

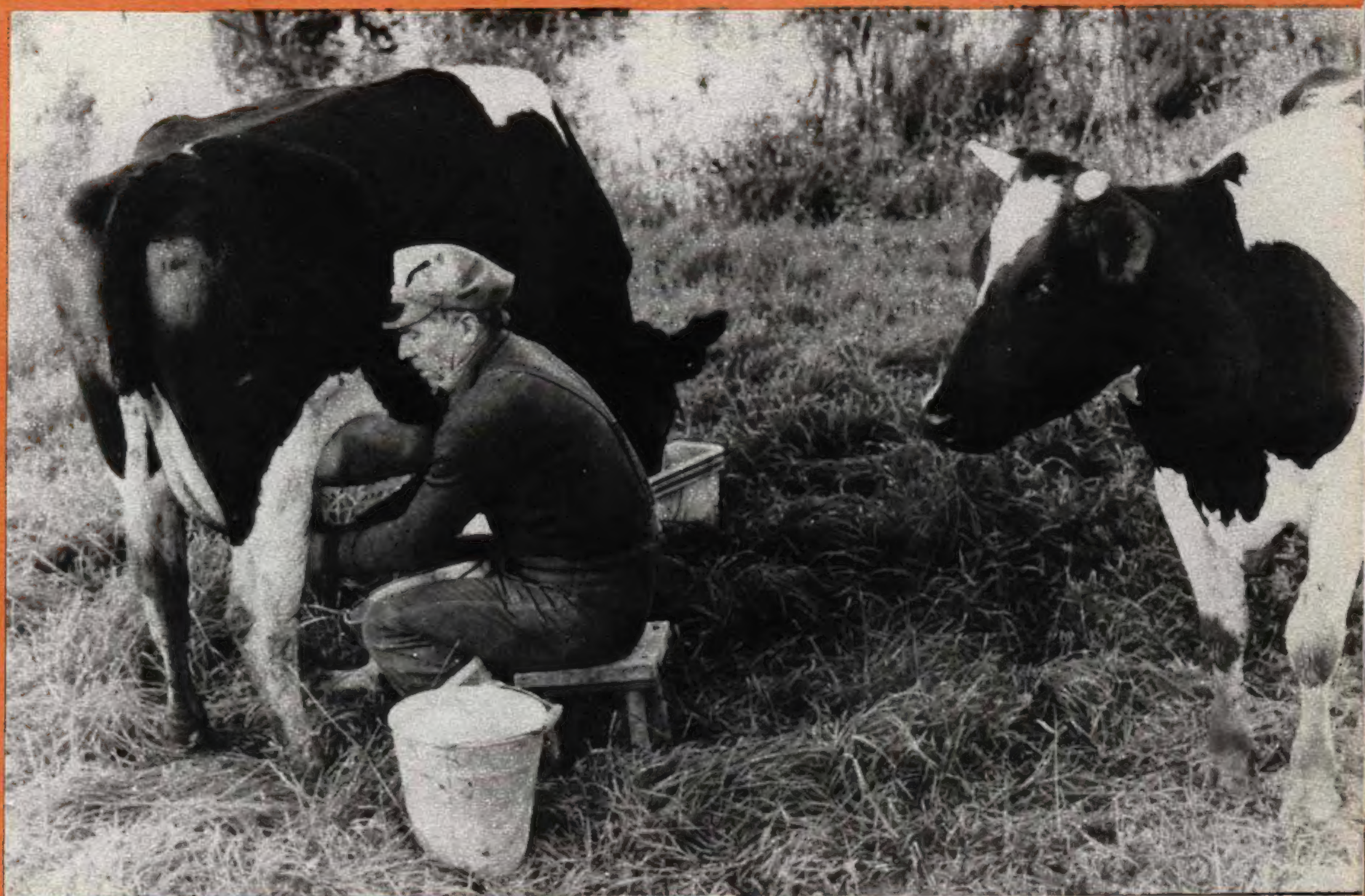
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.

Сдано в набор 14.11.88. Подписано к печати
29.11.88. А 10427. Формат 70 × 108½. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл.
кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3298.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

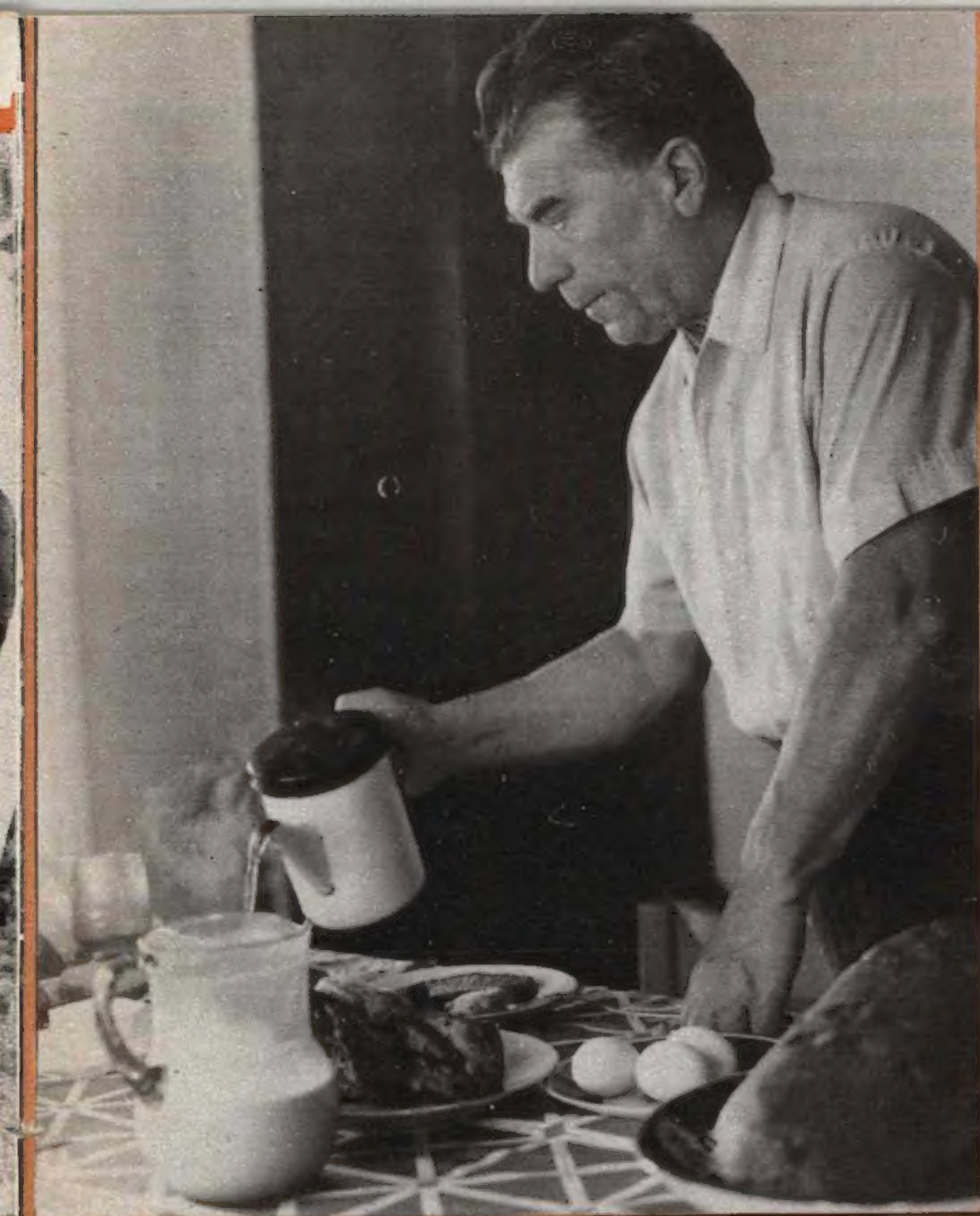

**ВОЗРОЖДАЮТСЯ К ЖИЗНИ ПО
СУЩЕСТВУ ЗАБРОШЕННЫЕ
ДЕРЕВНИ И ПОСЕЛКИ, ВНОВЬ
ВВОДЯТСЯ В ОБОРОТ ЗЕМЛИ
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
УГОДЬЯ. И ОКАЗЫВАЕТСЯ, КАК
МНОГО ЖЕЛАЮЩИХ СЕГОДНЯ
ПЕРЕЕХАТЬ НА СЕЛО,
ЗАНЯТЬСЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ
ТРУДОМ.**

Из выступления товарища ГОРБАЧЕВА М. С.
на совещании в г. Орле 15 ноября 1988 года

МИНИСТР СТА

Александр ГРАЩЕНКОВ,
фото автора.

Более двадцати лет занимал этот человек министерское кресло в правительстве Эстонской ССР, но не разучился держать в руках вилы и лопату, доить корову и пахать отцовскую землю.

Интересно, если сократить управленческий аппарат страны, то чем займутся уволенные специалисты, умеющие лишь подписывать входящие-исходящие бумаги и мастерски формулировать резолюции? Да ведь это тысячи личных драм, черные времена для людей, в большинстве вполне порядочных, аккуратно приходивших в учреждение, засиживавшихся там иногда допоздна... Поседевшие в борениях за интересы своих ведомств, могут ли они вдруг оказаться «лишними людьми»? «Полковниками без армий»? Куда же им?.. На «большую дорогу» или, как это сделал герой фильма Эльдара Рязанова, отправиться с протянутой рукой к воротам Госплана? Как правило, это отцы семейств, многим, наверное, поздно начинать сначала. Неужели все они ничегошеньки не умеют, кроме одного —

НОВИТСЯ ФЕРМЕРОМ

только руководить? Иначе — «феномен Черненко», дирижера оркестра, не владеющего ни одним инструментом... Значит, чиновник, оказавшийся без дела в результате реформы управления, — это действительно лишний человек в обществе, монументальный балласт, продолжающий тянуть вниз, не давая государству выбраться из болота?

САПОГИ

Эльмар Лепп, водитель Пярнуского РАПО, как-то рассказал мне такой эпизод. Однажды осенью лет семь назад нагрянул к ним тогдашний министр сельского хозяйства Эстонии Харальд Мянник и, собрав районное начальство, отправился осматривать поля картофеля. Остановил у обочины свою черную «Волгу», достал из багажника зеленые японские сапоги и уверенно зачавкал по вязкой, раскисшей земле. Дисциплинированным сопровождающим лицам не оставалось ничего другого, как закатать отутюженные брюки и последовать за министром, увязая по щиколотку, — прощайте импортные полуботинки!

И вот именно те самые зеленые сапоги в купе с зеленым фермерским комбинезоном и традиционной эстонской фуражкой шли нам навстречу! За их обладателем, коренастым седоволосым мужчиной, торжественно шествовало пять коров. Шумная гвардия белоснежных гусей твердо стояла на страже хозяйских владений, гуси шипением давали понять, что не собираются пропускать ни пешего, ни конного, и даже по нескольку раз ущипнули наши «Жигули».

— Моя личная охрана, — улыбается Харальд Мянник, бывший министр сельского хозяйства, шестидесятидвулетний пенсионер республиканского значения. — Я тут на хуторе живу один. На выходные дни приезжает жена Эстер, она еще работает в Таллине ветврачом. Или сын Яак с внучкой Марилиз.

МЕМОАРЫ МЯННИКА

— Не знаю, когда мне повезло больше: в 1965 году при назначении министром или через пять лет, когда за автоаварией в нетрезвом виде разжаловали и назначили директором совхоза, — вспоминает Харальд Александрович. — Работа в совхозе «Вильянди» пришлась по душе. Люди там работающие. Всей стране была известна доярка Лейда Пейпс. Сто десять коров было у нее, каждую в лицо знала. С такими специалистами, как Лейда, мы за два года отстающий совхоз в опорно-показательное хозяйство вывели.

Только все наладилось, новый поворот судьбы. Заходит вечером сосед с бутылкой коньяку. «Поздравляю, — говорит грустно, — тебя возвращают, опять министром сельского хозяйства назначили... Только что по радио передали». Поехал в ЦК... «Оставьте директором! — просил. — Не хочу больше от земли отрываться, и в заработках терять»... Напомнили про партийную дисциплину.

Я за кресло министра никогда не держался, и, может быть, поэтому мне и удалось кое-что сделать. Республика первой в стране перешла от «палочек» к гарантированной оплате труда колхозников еще в начале шестидесятых годов. Тогда теоретики здорово нас за это ругали, как же — отступничество от социализма! Да и в том, что удалось полностью механизировать фермы, и в частности дойку, есть и моя заслуга. Моя совесть перед крестьянином чиста: не заставлял выполнять кабинетные приказы, нередко приходилось огонь на себя принимать. Когда твердостью, а когда и хитростью брал...

Когда Трофим Лысенко придумал наших коров с импортными быками переkreщивать, меня на коллегии в Москве В. Мацкевич, союзный министр, строго спрашивал: «Почему Эстония до сих пор не закупила таких-то пород быков?» Я прикинулся протестом и ответил, что, дескать, пока мы эту теорию

переводили с русского на эстонский, выяснилось, что она ошибочна. Всю коллегию рассмешил!..

Харальд Александрович считает чувство юмора непременным качеством для руководителя.

— Если заставишь улыбнуться своего противника, считай, что победил! — сказал он. — Знаю, например, Урхо Кекконен любил анекдоты про себя, сам будучи большим шутником. А был он реалистом, серьезным государственным деятелем. С интересом читаю сейчас его биографию...

Финны добились немалых успехов в экономике. Лет двадцать назад я возглавлял делегацию Советской Эстонии в Финляндии. Запомнился тогда мукомольный завод под Коткой. Внешне обыкновенная мельница, а теперь это современное автоматизированное предприятие, управляет им один человек с помощью компьютера!.. К сожалению, в Эстонии таких нет...

ХУТОР МЕЛЬНИЧНЫЙ

Недавно была популярной песенка: «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз». Родина для Харальда Мянника — хутор Вески, по-русски Мельничный. Здесь он родился и вырос. Отец — Александр Мянник — был зажиточным крестьянином, все делал своими руками: и телегу зимой, и сани летом. А мать шила из домотканого материала. В хозяйстве держали семь коров, три лошади, овец десятка два, свиней, птицу. Работали с утра до вечера. Все умели делать. Примерно тридцать таких хуторов составляли как бы деревню Титувере. По праздникам ходили в гости друг к другу, молодежь — на танцы.

— В городской круговерти у меня бывало много бессонных ночей. Переживал я и уход на пенсию. Но, как только приехал на отцовский хутор, о котором не забывал все сорок лет, сразу почувствовал себя вольным казаком! Трудился до пота, засыпал, как убитый. Утром и вечером купался в реке. Пришло счастливое чувство спокойствия и уверенности в себе. Нет, подумал тогда я, жизнь не кончена в шестьдесят один год!..

...Потихоньку новоиспеченный пенсионер восстановил дом, запущенный после смерти отца. Все старался делать своими руками. Сложил новую печь. Печник Матти, известный на всю округу мастер, доверил бывшему министру черную работу: месить глину, таскать кирпичи. Вместе с сыном устроили водопровод, поставили ванну, потом — туалет, вполне городской, провели телефон. На ремонт ушли почти все сбережения, тысяч двадцать рублей.

В двух шагах от крыльца знатное место для рыболова. Однако в доме у Мянника не нашлось удочек: не до щук и окуней пока. Он арендует в колхозе сорок два гектара! Тридцать гектаров у него под зерновыми, шесть занимается пастбищем, а шесть — все остальное. Он откармливает трех быков, которые за полтора года набирают по семисот килограммов. Держит свиней. Из четырех коров каждая дает по пять тысяч килограммов молока с очень высокой жирностью — до 4,7 процента. Плюс два десятка гусей и два улья. Забот хватает.

— Конечно, если бы каждый персональный пенсионер сдавал государству по пять тонн мяса, двадцать тонн молока и сорок тонн зерна, то не пришлось бы нам столько времени болтать о Продовольственной программе, — смеется Мянник.

— Так, может, самое время начать пропаганду вашего опыта?

— Нет, рано пока, — посерьезнел мой собеседник. — Хуторянин будет вкладывать свои деньги только в свою землю. Чтобы развивать такие хозяйства, нужны гарантии, права на наследственное землепользование, закрепленные в статьях Конституции СССР, нужны законоположения о наследовании хуторов. И еще. Необходимо продать хозяину хутора технику, самую

современную. Причем технику можно бы брать в аренду. В удобные для крестьянина сроки. Или заказывать мелиоративные работы по своему усмотрению. Закупочные цены должны быть с такими же надбавками, как и для совхозов. Немаловажный вопрос для хуторян и социальное страхование. В общем, проблем немало...

— Я согласен, — продолжал Харальд Александрович, — что в Эстонии в принципе целесообразно возродить хуторскую систему. Вернуть в деревню жизнь. Таким образом, земля, скот, имущество пусть будут общими, кооперативными, а результаты труда крестьяне поделят между собой. Особенно это выгодно там, где нет смысла организовывать крупное производство.

А уж как хороши хутора с точки зрения демографической! На них живут, как правило, три поколения: старики помогают детям растить их детей. Восстанавливается связь времен, у человека — отчий дом, корни, Родина!..

Мянник убежден, что сегодня в масштабах республики страны гораздо реальнее развивать устоявшиеся колхозы на кооперативной основе — с их готовой технической базой, а главное — дать новым колхозникам, членам кооперации право распределять прибыль! Самим! И других форм ведения сельского хозяйства игнорировать нельзя, пусть конкурируют между собой! Без окрика со стороны районщиков, без приклеивания политических ярлыков. Жизнь выберет наиболее верные пути-дороги.

СВЕРХЗАДАЧА

Рабочий день пенсионера Мянника начинается в шесть утра. Я видел, как в шесть тридцать он везет через подвесной мостик бидон молока, предназначенный для продажи в совхозе. Этот сюжет Харальд Александрович просил не фотографировать. Стыдно ему? Отец когда-то возил свои бидоны на лошади, а сын толкает перед собой тележку, «как последний бродяга», по его словам.

Покормить скотину, подоить коров, навести порядок — на это уходит время до десяти утра. После завтрака — полевые работы и разные дела по хозяйству. И так до шести вечера с перерывом на обед. А в восемнадцать часов опять кормить, доить, убирать. Но за всеми хлопотами Мянник не забывает подумать над новой агротехникой на трудных аллювиальных землях для Западной Эстонии. Это его сверхзадача! Все, что узнал в детстве от отца, затем в Тартуском университете и за долгие руководящие годы, он испытывает теперь в своем маленьком хозяйстве.

— Мне повезло, что последние два года были экстремальными, — говорит Харальд. — Один с дождями, другой с засухой. Это позволило убедиться в эффективности моей агротехники. Оправдал себя и новый плуг для глинистых почв, надеюсь его запатентовать...

Да, вот такие мемуары. А в свободное от науки время он заготовил тридцать тонн сена и столько же соломы, да еще зерна сорок тонн. Сам управляет трактором ДТ-50, водит небольшой грузовик. Обходится ему техника недорого: трактор с топливом — полсотни рублей в день, автомашина — семь копеек за километр.

— Я могу себе позволить, — улыбается Мянник. — А для нормального крестьянина дороговато!..

Хозяйский глаз все стремится обратить на пользу. Артезианскую скважину еще отец пробурил. А он установит холодильник для молока, квашеной капусты и соленых огурцов. Рядом река с рыбой. Здесь он вместе с соседями займется рыбозаводством. Они хотят вернуть сюда и раков, попавших в Красную книгу. Проектов много, было бы здоровье.

ВЛАСТЬ — СОВЕТАМ, ЗЕМЛЮ — КРЕСТЬЯНАМ

И все же Харальд Александрович

упорно утверждает, что сегодня хутора «не пойдут». Почему?

— Да потому, что хуторянин работает по шестнадцать часов в сутки. Каторжный труд, — объясняет он. — Разве об этом мечтали мы, коммунисты?..

Позволю себе маленькое отступление. Сам Мянник, несмотря на пенсионный возраст, как говорится, «вкалывает день и ночь». Хотя никто его не заставляет. При этом он чувствует себя здоровым и счастливым человеком. Но «для народа» хочет легкой жизни. Мне кажется, демагогический взгляд на социальную сущность ситуации в деревне его поколение впитало с молоком матери, затвердило по школьным учебникам, что чрезмерная работа на земле не есть благо. Несчастных спившихся бездельников встречал в жизни немало, а все люди счастливые всегда очень много работали! Другое тут важно: работа должна быть творческой, свободной, не из-под палки.

На своей земле крестьянин может делать все, что ему нравится! Все, что выгодно! Это ли не творчество? Это ли не стимул? В нынешнем совхозе человек — поденщик, обрабатывающий малый кусок хлеба, часто без масла. На хуторе он хозяин, фигура значительная...

Хутор — для любителя. Не хутора, а колхозы поднимать надо! — считает Мянник. — Глупо бросать их на полпути, часто в запущенном состоянии. Корень зла в том, что «народная власть» — на деле власть армии чиновников. Именно они распоряжаются народной собственностью. В результатах труда людей не заинтересованы лично. Острейший вопрос перестройки — дать народу реальную власть! Просто так никто ее не отдаст. Колхоз — это лишь реальная база для кооператива свободных крестьян, свободного труда.

— Здесь очень важно время, — размышляет бывший министр, взявшийся за гуж. — Сейчас многие эстонцы с надеждой смотрят на Михаила Горбачева. Его реалистичная политика, хозяйственная и национальная, дает стране шанс выйти из кризиса.

— Харальд Александрович, а вы могли бы служить министром, продолжая жить и работать на хуторе? — спросил я.

— А почему бы и нет? В довоенном правительстве Эстонской республики министр сельского хозяйства Теодор Поол жил на хуторе, крестьянствовал, а в столицу наезжал по мере надобности. Вот только не знаю, какой у него был аппарат...

Путешествуя по Эстонии лет десять назад, я встречал развалины некогда солидных домов, уютно устроенных в лесу, на берегу речки или озера. Эти хутора — боль эстонцев.

Первые энтузиасты начинают поднимать заброшенные отцовские хутора. Арвет Берг из совхоза «Нымме» уже пятый год трудится на своем хуторе Юлте-Ярве в Пярнуском районе. Так же как и Мянник, он сторонник щадящего землепользования. И — без химии.

Сегодня здесь пустующих домов практически не осталось. Дальновидные хозяйственники скупили. И восстанавливают. Даже если они эти дома раздадут потом бесплатно своим работникам, все равно в выигрыше останутся все. Будет ли хуторское хозяйство развиваться? Прогнозы разные. Решит жизнь.

С. Н. Федоров и Н. М. Амосов.

«Уж и не знаю,— сказал Амосов, поднявшись на трибуну под всеобщие аплодисменты,— одобряете ли мое появление, или, наоборот, прогоняете?» Он лукавил. В любой аудитории у него возникает прочный контакт с залом. На сей раз это был зал Кремлевского Дворца съездов, а аудитория — делегаты Всесоюзного съезда врачей...

ЭТОТ НЕУПРАВЛЯЕМЫЙ АМОСОВ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
фото автора.

Но я не буду пересказывать выступление академика. Не буду и представлять известнейшего хирурга: Амосова в нашей стране знают все.

Когда, лет двадцать назад, Кристиан Барнард пересадило первое человеческое сердце, лауреат Ленинской премии, известнейший в нашей стране хирург воскликнул: «Как же он здорово сумел организовать работу в клинике!» Не мастерство отметил прежде всего, не искусство рук, а возможность ОРГАНИЗОВАТЬ. Совершив ежедневный обход по своей клинике, отстояв несколько часов у операционного стола, выдержав после этого изматывающий прием в своем кабинете сначала просто как врач, потом как депутат, он собирал свой легкий портфельчик и ехал на завод «Арсенал». Здесь он становился просителем — не за себя, за больных, которые умирали, а могли бы жить. Амосову была нужна простая железная бочка, правда, достаточных размеров, чтобы

превратить ее в барокамеру. Ту самую барокамеру, о нужде в которой он подробно написал в книге «Мысли и сердце». Это когда ж он о ней писал, когда ж книга вышла, а вот той самой бочки до той поры не было, и с величайшим скрипом шли дела...

Когда вышли «Мысли и сердце», книга напугала многих врачей. Как можно выдавать тайное тайных — сомнения врача, его неуверенность, ошибки — широкой аудитории, будущим пациентам? Когда Амосов стал утверждать, что человек — машина, многие обиделись. И тем не менее все функции человека могут быть познаны, выражены математическими формулами, смоделированы, словом, «повторены» не таинственным божественным путем, а путем разума, расчета, логики. Когда Амосов заявил, что если бы уже существовала возможность выхватить еще не умерший мозг из уже умершего тела с тем, чтобы обеспечить нормальное его функционирование — способность мыслить, он бы дал в буквальном смысле

голову на отсечение. Это напугало шокировало всех. А Амосов продолжал «пугать». Отказавшись от заработной платы за свою медицинскую деятельность, он получает оклад за кибернетику. Суть его взглядов: наука только тогда становится наукой, когда может опираться на математический аппарат, оперировать количественными отношениями, может быть описана строгими математическими формулами, смоделирована. Относится это и к общественным наукам.

Много мыслей было высказано на Всесоюзном съезде врачей. А я сидел и думал: ведь читал же я вот это, читал. Когда? Да тогда же, лет 18 назад. И в те времена задумывались о неблагополучии в нашем здравоохранении. Ну, может быть, не все видели наши беды одинаково рельефно. Но Амосов видел и делал попытку докричаться сквозь пелену самодовольства и благопристойности, покрывавшей наши грехи и беды. В статье, так и не опубликованной тогда ни в «Известиях», ни в «Правде», Амосов писал о неблагополучии

в подготовке медицинских кадров, о праве лишать несостоявшихся врачей диплома и жестко отсеивать неспособных и нерадивых студентов, писал о праве пациента выбирать врача, писал о многих пороках здравоохранения, но печатного слова не дали. Как, впрочем, не давали и слова устного. Как-то раз позвонили ему из верхов, спросили: выступал ли когда на сессии Верховного Совета, или нет? Тогда вроде мелькнула надежда подняться на высокую трибуну, видную со всех точек Союза. Но что бы там мог наговорить этот неуправляемый Амосов да еще в «благополучные» времена? На том звонке все и окончилось, хотя Николай Михайлович со свойственной ему прямоотой и сарказмом спросил: самому ли ему готовить речь, или уже все написано за него... «Теперь я уже делаю мало операций. Чего там — каких-то сто в год...» По его меркам, это мало — сто жизней в год, многие из которых уже «за гранью». А ведь Амосову — семьдесят пять!

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

28 ноября 1988 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум рассмотрел вопрос «О мерах по осуществлению политической реформы в области государственного строительства». С докладом по этому вопросу выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В прениях по докладу выступили: В. И. Воротников — Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, В. К. Фотеев — первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС, М. С. Мендыбаев — второй секретарь ЦК Компартии Казахстана, В. М. Малыхин — бригадир электриков Волжского автомобильного завода имени 50-летия СССР, Куйбышевская область, А. А. Логунов — вице-президент Академии наук СССР, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Е. Е. Соколов — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, В. И. Вяяс — первый секретарь ЦК Компартии Эстонии, В. И. Мироненко — первый секретарь ЦК ВЛКСМ, А.-Р. Х. Везиров — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, Н. С. Конарев — министр путей сообщения СССР.

С заключительным словом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Пленум принял по обсуждавшемуся вопросу постановление, которое опубликовано в печати.

На Пленуме заслушан доклад Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова «О работе по подготовке проекта Концепции экономического и социального развития СССР на период до 2005 года». Пленум принял по этому вопросу постановление, которое опубликовано в печати.

Пленум утвердил персональный состав Комиссии Центрального Комитета КПСС по основным направлениям внутренней и внешней политики, образованных сентябрьским (1988 г.) Пленумом ЦК КПСС. Постановление по этому вопросу опубликовано в печати.

На Пленуме рассмотрен организационный вопрос.

Пленум вывел Усманходжаева И. Б. из состава членов ЦК КПСС, Джаббарова И. и Салимова А. У. из состава кандидатов в члены ЦК КПСС как скомпрометировавших себя.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и Алексея ГОСТЕВА

ВНЕОЧЕРЕДНАЯ ДВЕНАДЦАТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОДИННАДЦАТОГО СОЗЫВА

29 ноября в 10 часов утра в Большом Кремлевском дворце начала работу внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР XI созыва. Она открылась совместным заседанием Совета Союза и Совета Национальностей.

Аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей Горбачева М. С., Воротникова В. И., Зайкова Л. Н., Лигачева Е. К., Медведева В. А., Никонова В. П., Рыжкова Н. И., Слюнькова Н. Н., Чебрикова В. М., Шеварднадзе Э. А., Щербицкого В. В., Яковлева А. Н., Бирюкову А. П., Власова А. В., Лукьянова А. И., Маслюкова Ю. Д., Разумовского Г. П., Соловьева Ю. Ф., Талызина Н. В., Язова Д. Т., Бакланова О. Д.

Заседание открыл Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР А. Э. Восс.

Единогласно утверждаются повестка дня сессии и порядок ее работы. На обсуждение вынесены вопросы:

1.0 мерах по осуществлению политической реформы в области государственного строительства.

2.0 выборах народных депутатов СССР.

Вопросы внесены Центральным Комитетом КПСС и Президиумом Верховного Совета СССР. Предложение о включении их в повестку дня сессии одобрено Советом Старейшин Совета Союза и Советом Национальностей.

Доклад о мерах по осуществлению политической реформы в области государственного строительства сделал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев.

В «Огоньке» № 33 я прочитал письмо рядового А. Макарова и скажу откровенно: не могу успокоиться до сих пор. Обидно стало за армию, в которой прослужил более 30 лет. По отношению к армии люди делятся на тех, кто прошел ее суровую школу, и тех, кто нет. За первых можно быть спокойным, таких, как А. Макаров, среди них найдутся единицы, а вот вторые получают заведомо искаженную психологическую и нравственную неустойчивость автора письма информацию.

Может, мило было подборщику писем (в духе времени) противопоставление взглядов полковника и «рядового срочной службы». Но почему автор не назвал его фамилию, а только звание? Я тоже полковник, но не буду утверждать, что в армии с «дедовщиной» покончено. Ведь причин, порождающих ее, множество и самая трудная среди них — психология самих макарowych. Цитирую его письмо: «Недавно пришло молодое пополнение. И теперь они будут по утрам драться из-за швабр, пока я буду досыпать, набивать уголки на одеялах, пока я буду умываться, ровнять снег по нитке, пока я буду курить. Потому что если это не будут делать они, то буду — я».

Что могут сказать эти слова человеку, не знающему армейского уклада? Только одно: какой идиотизм, какое самодурство, что за система такая?

Но я-то знаю другое: и что система глубоко продумана, и уголки набивать и ровнять в армейской жизни занятие осмысленное, и что с «дедовщиной» ведется целенаправленная борьба на всех уровнях. Получай читатель такую информацию, радостней будет и армейскому ветерану и материнское сердце будет биться спокойнее.

Не спорю, в армии есть офицеры-хамы, к великому сожалению, есть. Но есть же разница между офицером-хамом и офицерским хамством.

И еще. Очень опасно, если сотрудники редакции думают, что неприкосновенность Родины можно обеспечить армией, созданной методом народного ополчения.

Не пресловутая честь мундира, не желание выглядеть красиво или оправдаться побудило меня писать вам. В армии сейчас идет откровенный и честный разговор обо всем, что мешает ей совершенствоваться.

В то же время армия нуждается и в конструктивной критике, особенно со стороны, но при этом непременно должно соблюдаться одно условие: об армии должны писать люди, знающие ее и хотя бы относящиеся к ней без предвзятости.

А. ДИДЫК,
полковник

Я предлагаю журналу ввести рубрику, которая, на мой взгляд, быстро завоеует популярность. Главное, она плеснет добрую волну энергии на колеса нашей перестройки. Назвать рубрику можно, предположим, так: «Вопросы ответственным товарищам». Ведь на то они и ответственные, чтобы отвечать на вопросы.

А суть вот в чем. В сегодняшних газетах, журналах, теле- и радиопередачах достаточно и проблем, и остроты. Но, к сожалению, большинство выступлений, непрерывно следующих одно за другим, как бы

наталкиваются на ватную стену. Вопрос поставлен, со всех сторон проанализирован, досконально изучен и... до конца, увы, так и не доведен. Мы карабкаемся и карабкаемся на вершину, но добраться до самого пика у нас все еще не хватает смелости. Как правило, кто-то самый главный молча отсиживается на вершине за той облачной ватой. И мы, воспитанные в духе строгой субординации, почтительно вытягиваем руки по швам, смущаясь обратиться вверх с простым и ясным вопросом. Вежливо попросив на тот вопрос простого и ясного ответа.

Скажем, кто дал команду на введение лимита на подписку? Кто принял ошибочное решение, искусственно раздув ажиотаж вокруг подписки, нанеся моральный и материальный урон обществу? Почему у нас всюду келейность, закрытость, какая-то нелепая секретность? Почему мы не учимся открыто признавать свои ошибки? С подпиской, с водкой, с сахаром.

Начинаю читать в журнале «Звезда» № 9 этого года публицистический очерк Антона Антонова-Овсеенко «Карьера палача» о черных делах печально известного Лаврентия Берии. Велось следствие. Затем по приговору суда Берия расстреляли. Но, как пишет Антон Антонов-Овсеенко: «К сожалению, документы многолетнего дела Берии нам пока еще не доступны».

Почему? Ну, почему же?! Хорошо, если бы с новой, заявленной рубрикой появилась и другая: «Ответы ответственных товарищей». Чтобы вопросы эти звучали не в пространственных статьях, когда сам вопрос как бы тонет в рассуждениях и фактах.

К. КУРБАТОВ,
писатель

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

КАКОГО ЦВЕТА БЕЛОВ?

Выступая 23 ноября по Центральному телевидению, писатель В. Белов признал, что прежний, «старый» «Огонек» он ощущает сегодня «красным». Мы очень рады, что даже раскритикованный нынешним, «новым» «Огоньком» за свою неудачную последнюю книгу писатель признает, что прежнему журналу было чего стыдиться и надо бы покраснеть.

Одновременно сообщаем, что на 15 ноября, когда была завершена индивидуальная подписка, на «Огонек» подписалось два миллиона восьмисот тысяч человек. Это раз в десять больше, чем в те годы, за которые сегодня, не только по мысли В. Белова, стоило бы покраснеть. И не только прежнему «Огоньку»...

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! СПАСИБО ВАМ ЗА ДОВЕРИЕ!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ДЕЛЕГАТОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СЪЕЗДА МЕДИЦИНСКИХ КООПЕРАТИВОВ г. МОСКВЫ
МИНИСТРУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР тов. Е. И. ЧАЗОВУ

Уважаемый Евгений Иванович!

Наш съезд стал «чрезвычайным» в результате тревожного положения, сложившегося для кооперативного движения в здравоохранении за последние несколько недель.

Как и все советские врачи, мы глубоко встревожены крайне неудовлетворительным состоянием отечественного здравоохранения. Мы отчетливо сознаем, что во многом здоровье советских людей (мы занимаем 50-е место по детской смертности и 32-е по средней продолжительности предстоящей жизни) зависит не столько от качества медицины, сколько от долговременного игнорирования в нашей стране проблем защиты окружающей среды, низкого материального и культурного уровня жизни, фактического принципа «остаточного» финансирования здравоохранения, слабой медицинской промышленности и других причин общего характера. Однако нельзя не признать, что во многом плохое здоровье нашего народа связано с дефектами организации здравоохранения, которые привели к целому ряду очевидных диспропорций: при первом месте в мире по числу врачей и коечному фонду мы значительно отстаем по технической оснащенности здравоохранения и при этом используем этот катастрофически малый и отсталый технический парк крайне неэффективно. В последнем обстоятельстве трудно винить кого-либо, кроме себя.

Советские люди остро нуждаются в современной диагностической технике, но не могут воспользоваться полностью даже тем, что имеют, из-за плохой организации ее эксплуатации: около 90 процентов всей современной диагностической техники помещено в стационары, а подавляющее большинство методов диагностики по своей сути амбулаторные. Поскольку существующая организация здравоохранения чрезвычайно затрудняет амбулаторные исследования в стационарах, пациентов, нуждающихся в специальной диагностике, приходится госпитализировать. Именно подобная организационная несуразность ведет к неудержимому росту коечного фонда в стране.

Программа создания диагностических центров, осуществляемая сегодня, призвана выровнять эту диспропорцию. Однако осуществлена она будет лишь в течение 8—10 лет. Больные не могут ждать этих радужных перспектив, а нуждаются в немедленной помощи.

Существующая организация здравоохранения не способствует интенсификации отрасли. Об этом свидетельствуют и самые последние ведомственные шаги — приказы эксплуатировать оборудование в 2—3 смены; в рамках прежней организации и структуры здравоохранения это практически невыполнимо. Во-первых, это потребует дополнительно десятков, а может, и сотен тысяч высококвалифицированных врачей, а врачей уже и так в стране избыток. Во-вторых, потребуются годы на их подготовку, а больные не ждут. В-третьих, интенсивное ис-

пользование дефицитной для больного техники практически невозможно в структуре научно-исследовательских и учебных институтов, не располагающих соответствующими штатами, а тем более ведомств, располагающих значительной долей импортного оборудования. Наконец, в-четвертых, это потребует значительных бюджетных ассигнований. Словом, такой приказ невыполним по ряду существенных объективных обстоятельств.

Но у нашей отрасли есть способ быстро и при минимальных дополнительных вложениях резко интенсифицировать эксплуатацию остродефицитного диагностического оборудования — хозрасчет! Тому свидетельство — МНТК «Микрохирургия глаза», Курганское научно-производственное объединение и медицинские кооперативы. Если первые два формировались в течение ряда лет, то последние достигли удивительных успехов в считанные недели и месяцы.

Закон «О кооперации в СССР» оказался чрезвычайно эффективным катализатором экономической регуляции отрасли. Только в Москве не многим более чем за год без всяких приказов и понуканий создано более 130 медицинских и медико-технических кооперативов (более 80 процентов из них образовались с момента принятия Закона о кооперации). В их составе стали в свободное от основной работы время трудиться более 4000 врачей. За всю историю московское здравоохранение не получало в амбулаторную сеть такого отряда квалифицированных специалистов: от кандидата медицинских наук до академика АМН СССР — работники крупных стационаров (клиник) и научно-исследовательских институтов, ранее практически недоступные амбулаторному больному. За короткий срок они начали принимать до 100 000 больных в месяц, увеличив объем квалифицированной амбулаторной помощи в 5—6 раз!

Но произошло труднообъяснимое — началось мощное административное давление, направленное на свертывание этой удивительно эффективной деятельности. Последовала серия некорректных, слабо аргументированных заявлений в прессе и по телевидению высших руководителей аппарата МЗ СССР и МЗ РСФСР: о недопустимости сдачи в аренду кооперативам оборудования; о высоких ценах медицинских услуг, объясняющихся якобы алчностью кооперативов, хотя порой до 80 процентов платы в них отходит государству; о социальном несправедливости кооперативного здравоохранения (и это при наличии ведомственной и хозрасчетной медицины в стране?!). И др. И, наконец, последовал приказ МЗ СССР № 785 от 27.10.88, явно дискриминационный в отношении больных, обратившихся к помощи кооперативной медицины.

Мы убеждены, что кооперативное движение принесет огромную пользу охране здоровья советских людей. Быстро, эффективно, при минимальных бюджетных ассигнованиях и

затратах человеческих ресурсов исправит многие несоответствия и ошибки в организации здравоохранения. Это движение молодо и не лишено недостатков. Их нужно анализировать и устранять, но не административными, а экономическими способами (главным образом путем конкуренции между кооперативами, как частными, так и государственными).

Десятки тысяч врачей сейчас в кооперативном движении в стране, но они не были представлены на съезде врачей. Как же случилось, что эта важнейшая проблема перестройки в здравоохранении не обсуждалась при должном представительстве? Результат не замедлил себя ждать: съезд принял необоснованное, скоропалительное решение — не рекомендовать сдачу в аренду кооперативам дорогостоящего оборудования, а Вы, Евгений Иванович, немедленно издали приказ № 785. И начали прекращать свое фактическое существование 1—2 кооператива в неделю в Москве, а с ними и быстро снижаться объем квалифицированной амбулаторной помощи больным.

Даже оставив в стороне правовое соответствие этих действий Закону «О кооперации в СССР», они в первую очередь нарушили права сотен тысяч больных, которые свободно предпочли кооперативную медицинскую помощь (в среднем более квалифицированную при всех частных издержках). И лишь во вторую очередь — дискриминировали тысячи врачей кооперативной медицины, ставя их в неравные условия с госсектором. С какой стороны ни рассматривать эту проблему, результат останется один — снижение уровня и объема квалифицированной амбулаторной помощи, который стал стремительно нарастать с открытием медицинских кооперативов.

Уважаемый Евгений Иванович, Вы — министр и должны объективно решать вопросы, касающиеся отрасли, в которой заинтересованы все. В условиях развивающихся гласности, демократии и формирования правового государства голое администрирование неуместно. Необходимо быстро, беспристрастно (руководствуясь только интересами налогоплательщика), без неуместных перед лицом больного взаимных обид и обвинений рассмотреть с медицинскими кооперативами за «круглым столом» весь комплекс проблем этого интереснейшего экономического эксперимента.

Уважаемый Евгений Иванович, делегаты съезда голосуют за «круглый стол» во имя лучшей организации охраны здоровья населения и протестуют против административно-погромной тактики. Мы обязаны найти оптимальное решение для существования и развития различных форм хозрасчета в медицине — единственно эффективного способа перестройки отрасли.

Делегаты чрезвычайного съезда
медицинских кооперативов
г. Москвы.
Принято единогласно.

СКОРБНОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ,
КОТОРОЕ ИСПЫТЫВАЕШЬ, ЧИТАЯ
В СПИСКАХ КОМИССИИ ПО
РЕАБИЛИТАЦИИ ПОЧТИ ЗАБЫТЫЕ
ИМЕНА УНИЖЕННЫХ
И ОСКОРБЛЕННЫХ, НЕ УМАЛЯЕТ
ПОТРЕБНОСТИ ОСМЫСЛИТЬ ПРИЧИНЫ
ТРАГИЧЕСКОГО ПАРАДОКСА
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ: РЕВОЛЮЦИЯ,
ПОДГОТОВЛЕННАЯ НЕСКОЛЬКИМИ
ПОКОЛЕНИЯМИ РУССКИХ
ИНТЕЛЛИГЕНТОВ И ДАВШАЯ СТРАНЕ,
ПО ВСЕОБЩЕМУ ПРИЗНАНИЮ, САМОЕ
ИНТЕЛЛИГЕНТНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
В МИРЕ, ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ
ОБРАТИЛА МЕЧ ПРОТИВ СВОИХ ЗАЧИ-
НАТЕЛЕЙ.

О «ФЕНОМЕНЕ ЛОХАНКИНА» И РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вячеслав КОСТИКОВ

Официальной истории придется немало потрудиться, чтобы обосновать уни-
зительное отнесение ин-
теллекта нации к «прос-
лойке». В литературе, теа-
тре, кино постепенно на-
саждался образ хныкаю-
щего, сомневающегося, неу-
стойчивого, напуганного революцией и враждебного
рабочему классу «хлюпика». Образ ин-
теллигента настойчиво накладывался
на образ меньшевика или эсера, к кото-
рым все крепче шьется ярлык «врага
народа». Начинает падать престиж ин-
теллигентности. В научную литературу
все шире внедряется тезис о ее контр-
революционности.

Практически все процессы тридцатых
годов, независимо от того, против кого
они фабриковались — троцкистов, ле-
вых и правых уклонистов, промпартии,
шахтинское дело и т. д., — были, в сущ-
ности, процессами против творческой
мысли. Необходимость умственного
труда признается сквозь зубы: надо же
кому-то изобретать машины, строить
самолеты, развивать науку. И вместе
с тем искусственное отчуждение основ-
ной массы населения рабочих и крестья-
н от интеллигенции вполне очевидно.
Н. Бердяев в своей книге «Самопозна-
ние» вспоминает, что когда в начале
двадцатых годов нужно было зарегистри-
ровать Всероссийский союз писате-
лей (профессиональная внепартийная
организация), то не оказалось такой
отрасли труда, к которой можно было
бы причислить писательский труд. Со-
юз был зарегистрирован в конце концов
по категории типографских рабочих.

Выходцам из среды интеллигенции
начинают чинить препятствия при по-
ступлении в высшие учебные заведе-
ния, обрекают на интеллектуальное вы-
мирание. Опасения, что интеллигенция
«размозет» своей «гнилой» идеологией
и нравственностью революционный
класс, приводят к жестокому нормиро-
ванию доступа в партию, а в качестве
героев подражания молодому поколе-
нию все чаще выставляются павликов мо-
розовых, «воровшиловских стрелков»,
«буденновцев», чекистов, в лучшем
случае — героев-челюскинцев, и все
реже — писателей, художников, уче-
ных.

Подозрительность Сталина к «про-
слойке» привела к тому, что в каждом

новом составе правительства доля ин-
теллигентов сокращается. И это, есте-
ственно, приводит к тому, что политику
(в том числе в области культуры, науки,
искусства) начинают определять люди,
для которых интеллект и культура
являются чем-то последним в ряду ка-
честв, необходимых руководителю. И
дело не только в наличии или отсут-
ствии дипломов. Ведь дипломы при вы-
сокой партийной должности в сочета-
нии с холуйством академических кругов
сами просились в карман или попросту
покупались, как это делалось в ряде
союзных республик. Дело в общем па-
дении культуры власти.

Разумеется, легко сыщутся желаю-
щие указать на «ленинскую традицию»
в кадровой политике. Но во времена
Ленина и понятие партийца было иным,
чем в последующие десятилетия. Пар-
тийная гвардия состояла в подавляю-
щем большинстве из интеллигенции
и образованных рабочих. Интересные
данные в этой связи можно найти в ис-
следованиях, проведенном Орграспре-
дом ЦК РКП(б) в 1924 году. Оно показы-
вает, что ведущее место среди ответ-
ственных работников в это время зани-
мала партийная интеллигенция. Среди
сотрудников Наркомпроса, например,
она составляла 93,3 процента, во ВЦИК
и Совнарком — 76,6, в Наркомфине —
69,7. Среди председателей губернских
исполкомов интеллигенты составляли
63,2 процента. Нужно ли удивляться,
что политика, как в центре, так и на
местах, была более гибкой, умела кор-
ректировать себя в зависимости от об-
стоятельств и оценок собственных оши-
бок. Примеры тому — нэп, Генуэзская
конференция, отношение к сотрудниче-
ству с буржуазной Европой.

Однако после смерти Ленина, с нача-
лом массовых «призывов» в партию
эпохи Сталина понятия «член партии»
и «интеллигент» едва ли не противопо-
ставляются. Уже в 1925 году в партии
около 30 тысяч полностью неграмот-
ных, таких, которые не могли ни читать,
ни писать. Количество же малограмот-
ных было, несомненно, много больше.
Среди делегатов XVI съезда партии
в 1930 году большинство имели только
начальное или неполное среднее обра-
зование. Это уже была та пластилино-
вая масса, из которой при малейшем
прогреве можно было лепить любые
фигуры. Иммунитет партии к невеже-

ству, к безгласному послушанию, спо-
собность ее членов активно, самостоя-
тельно, творчески мыслить, делать по-
литику резко снижаются. Смысл этой
политики яснее ясного: превратить пар-
тию из коллективного мозга и авангар-
да страны в послушное орудие в борьбе
за власть, а затем в подпорку личной
диктатуры. Цель эту Сталин преследо-
вал неизменно. Объявляя себя учени-
ком Ленина, его наследником, Сталин
в отношении интеллигенции стал, по
сути дела, последователем Махайско-
го, считавшего ее враждебным проле-
тариату классом. Тень махаевщины ви-
тала над советской интеллигенцией
в течение долгих десятилетий. Даже
Хрущев, отмежевываясь от Сталина,
не смог преодолеть эту подозритель-
ность. Некоторое исключение он делал
лишь для «технарей», понимая, что его
лозунг «догнать и перегнать Америку»
без технической интеллигенции невы-
полним.

Нынешнее отставание по многим на-
правлениям науки, техники, деградация
экономики и общественных наук — это
та цена, которую мы платим теперь за
пренебрежение к интеллигенции в пе-
риод Сталина — Хрущева — Брежнева.

Не революция замедлила развитие
культуры в России. Несмотря на разру-
ху, на исчезновение материальных
средств для искусства (красок, полот-
на, мрамора, бумаги) в России наблюда-
ется настоящий взрыв творческой энер-
гии. «В самые тяжкие дни России она
стала похожа на соловьиный сад, — пи-
сал о том времени Андрей Белый, —
поэтов народилось, как никогда рань-
ше; жить сил не хватает, а все запели».

Беда русской интеллигенции состоя-
ла не в том, что у нее отняли кусок
хлеба и краски, а в том, что извраща-
лось самое ее понятие, выхолащива-
лось самое главное, то, что составляло
ее суть: свободомыслие, независимость
от господствующей власти, ее приоб-
ретенность к мировой культуре, культур-
ный и духовный интернационализм, не-
приверженность догматическому мыш-
лению.

Отсчет начала наступления на интел-
лигенцию следует, вероятно, вести
с 1922 года, со времени, когда Ленин по
болезни уже не мог активно противо-
действовать бюрократизации государ-
ственной и интеллектуальной жизни.
Появление в «Правде» статьи «Дикта-

тура, где твой хлыст?», подписанной
таинственным инициалом «О» (суще-
ствует предположение, что статья на-
писана Троцким), открывает гонения на
ту часть интеллигенции, которая про-
должает отстаивать право на независи-
мость мнений от господствующей идео-
логии. Вслед за статьей последовали
и практические меры по «очищению»
страны от несогласных. В августе 1922
года из страны без суда, администра-
тивным решением ГПУ были высланы
160 человек, открывших первый список
советских «диссидентов». Больше все-
го «непримиримых» оказалось в выс-
шей школе, в публицистике, филосо-
фии, медицине, сельскохозяйственной
науке, кооперации. Чтобы снизить нега-
тивный эффект, населению разъясня-
ют, что высылаются лишь «идеологиче-
ские врангелевцы и колчаковцы», что
среди них почти нет крупных имен.

Однако среди высылаемых в Герма-
нию находились ректор Московского
университета профессор зоологии Но-
виков, ректор Петроградского универ-
ситета профессор Карсавин, группа ма-
тематиков во главе с деканом матема-
тического факультета Московского
университета профессором Стратоно-
вым, экономисты — профессора Зворы-
кин, Бруцкус, Лодыженский, Прокопо-
вич, известные в стране кооператоры
Изюмов, Кудрявцев, Булатов, историки
Кизеветтер, Флоровский, Мякотин, Бо-
голепов, социолог Питирим Сорокин.
В числе высланных известные русские
философы-идеалисты: Бердяев, Франк,
Лосский, Вышеславцев, Ильин, Трубец-
кой, Булгаков.

Массовая высылка несогласных ин-
теллектуалов страшна была, однако,
не тем, что страна лишилась крупных
умов и организаторов науки. Умами
Россия оставалась богата. Смысл вы-
сылки состоял не столько в том, чтобы
наказать, сколько в том, чтобы «предо-
стеречь», напугать интеллигенцию. По-
священная высылке статья в «Правде»
так, собственно, и называлась — «Пер-
вое предостережение».

И цель была достигнута. То, о чем
Е. Замятин предупреждал в романе
«Мы» как о некоем фантастическом ва-
рианте — о превращении личности в но-
мер, а интеллекта в придаток Единого
государства во главе с Благодетелем,
постепенно становится кошмарной
явью. И вот уже старый писатель Вере-

саев, душой принявший революцию, пишет: «Мы не можем быть сами собой. Нашу художественную совесть все время насилуют. Наше творчество все больше становится двухэтажным — одно мы пишем для себя, другое — для печати». Возражать может еще лишь Горький. В этом же 1922 году он резко протестует против суда над эсерами, обращается к А. Рыкову и Анатолию Франсу с просьбой вмешаться.

«Я прошу Вас сообщить Л. Д. Троцкому и другим, — пишет он Рыкову, — это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо за время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране. Ныне я убежден, что если эсеры будут убиты, — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России». Моральная блокада была объявлена, но только позднее, когда в Европу стали проникать свидетельства о чудовищных преступлениях Сталина, когда начал иссякать тот огромный моральный кредит, который имела революционная Россия в глазах западноевропейской интеллигенции. И эта моральная, а вслед за ней и политическая блокада уже подталкивала нас к самым противоестественным делам...

Трагизм судьбы русской интеллигенции прослеживается и на судьбе самого Максима Горького. Вернувшись в 1928 году в Москву, он вскоре будет вынужден принять «правила поведения». Чтобы иметь хоть какое-то право защищать судьбу русской и советской культуры, он станет лукавить, идти на горькие компромиссы с собственной совестью. Человек, еще недавно защищавший преследуемых, обрушится на подсудимых фальсифицированного процесса промпартии, обвиняя их еще до суда в контрреволюционном заговоре. Отчасти оправдывая Горького, мы можем сказать, что он не знал правды и искренне поверил обвинению. Но Горький не мог не видеть, когда побывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала, принудительного труда тысяч заключенных. И тем не менее в письмах иностранным друзьям он опровергает факт участия каторжников в грандиозной стройке социализма. Он участвует в создании вероятно, самой постыдной книги в истории советской публицистики о Беломорканале, восславившей трудовой подвиг ГУЛАГа, где проводится мысль, что работой чекистов в лагерях наглядно демонстрируется гуманизм пролетариата.

Чего же было ждать от других, от тех, которые не были защищены славой Горького?

Насилие и начавшая пронизывать всю общественную жизнь ложь неминуемо тягивали интеллигенцию в самый худший из пороков — угодничество. Рушатся последние, в сущности, уже эфемерные надежды на достойное сотрудничество с властью. В «Красной нови» под защитой старого большевика А. Воронского «попутчики» еще осмеливаются на подобие полемики. У непролетарских интеллигентов еще есть последние защитники в ЦК — в лице Николая Бухарина. На требование немедленно учредить пролетарскую интеллектуальную диктатуру, Бухарин с иронией отвечал представителям Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, что «вначале надо учить грамоте, учить мыть руки».

Академик П. Сакулин, выступая в 1925 году на совещании в Московском комитете партии, говорил от лица интеллигенции, готовой сотрудничать с Советской властью, что «нельзя брать монополию на истину... Ее суще-

ство требует свободы преподавания, исследования и научного соревнования». Но это уже звучит слишком смело. Это уже из последних всплесков самоубийственной отваги русского интеллигента. Большинство уже начинает привыкать к горькому факту: без реверансов в сторону властей, без жестокой самоцензуры не удержать остатков свободы. Интеллигенция уже как бы готова признать свою неполноценность и обнажить шею для последующих ударов. «Нам, беспартийным интеллигентам, даже и тем, которые твердым шагом идут нога в ногу с Советской властью, — говорит Ю. Ключников (из бывших «сменовеховцев»), — давать сейчас полную политическую свободу опасно — разболтаемся». И собравшиеся в Большом зале Московской консерватории новые интеллигенты встречают, как свидетельствует стенограмма отчета, это заявление аплодисментами.

Ключников был не одинок в самобичевании. Известный критик двадцатых годов П. С. Коган уже не просто кланяется, а призывает «изгнать мечты о свободе для того, чтобы не ослабить дисциплины. Прекрасное иго, не золоченое, но железное, solidное и организованное — вот что пока принесла революция нового: вместо золоченого — железное ярмо. Кто не понимает, что это единственный путь к освобождению, тот вообще ничего не понимает в совершающихся событиях».

Русский интеллигент, ведущий свою родословную от Радищева, Новикова, Чаадаева, перестает существовать, ибо истинный интеллигент не может воспринимать собственную покорность. Ошеломленный и запуганный, он скоро предстанет перед читателями в облике сексуально озабоченного нахлебника, лежащего на диване в подтяжках и зеленых носках. Догадывались ли Ильф и Петров, рисуя интеллигента Васисуалия Лоханкина, высеченного коммунальной квартирой за то, что тот не гасил в сортире свет, что за хихикающими рассуждениями на темы «Лоханкин и его роль в русской революции», «Лоханкин и трагедия русского либерализма» встает действительная трагедия интеллигенции, высеченной в огромном коммунальном бараке, в который превращается страна, и при этом униженно благодарщей своих экзекуторов? «А может быть, так надо, — подумал Лоханкин, дергаясь от ударов и разглядывая темные панцирные ногти на ноге Никиты. — Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва...»

Велика трагедия — судьбой бывших интеллигентов теперь распоряжался отставной дворник гражданин Никита Прякин, человек с панцирными ногтями, выкрикивающий зычным голосом: «Как пожелаем, так и сделаем».

В сущности же, под розгами отставных дворников и отставных генералов, в изобилии приставленных к культуре, интеллигенция уже давно превратилась в ее «ширпотреб». Даже Н. Бухарин бросает в каком-то затмении летучую фразу: «Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике». И вот уже поэты подхватывают новую метафору, расщелкивая ее соловьями на все лады. И ведь восторг изъясляют не худшие, не самые гибкие. «Товарищ!.. обдумай нас, включи наши нервы. И наладь в ход, как любой завод...» (И. Сельвинский); «Мы сами готовы горючим лечь в плавильную печь» (И. Уткин). Но Сталин нашел более просторное место для переплавки интеллигенции — «архипелаг ГУЛАГ».

В 1929 году арестован А. Воронский, защищавший «попутчиков». Осенью того же года начинается травля

Б. Пильняка и Е. Замятина. Выбор не случаен: первый — председатель московского отделения союза писателей, второй — председатель ленинградского отделения. Бьют высоко. Цель та же, что и при высылке интеллигентов в 1922 году: забить «зачинщиков», напугать остальных. Жертвы должны быть показательны. Все должны понять: бьем кого хотим, бьем когда хотим. Ответа спросить уже некому. Политической оппозиции не существует. Нравственная оппозиция в лице Горького нейтрализована в особняке у Никитских ворот под присмотром секретаря, сотрудника ГПУ.

С попутчиками было покончено. Попутчики больше были не нужны. Требовались лишь подпевалы, умевшие на манер поэта Сашки Рюхина из «Мастера и Маргариты» строчить вирши на тему «взвейтесь и развейтесь». В 1937 году добивают последних — даже уже и не попутчиков, а своих, которые были плоть от плоти самой революции и которые, соглашаясь во всем, все приветствуя, лишь робко напоминали о своем желании быть самими собой, о праве на собственное «мироощущение». Но внимание к «художественной индивидуальности» уже расценивалось как опасная ересь. Протестуя против травли, литературная группа «Перевал» говорит о необходимости создания «такого общественного мнения, которое не запугивало бы писателей». В эпоху Ежова это было равносильно выпад против сталинского НКВД. Члены группы — Иван Катаев, Борис Губера, Николай Зарудина, Абрама Лежнева, Бориса Пильняка арестовывают. Зарудина расстреляли. Катаев получил 20 лет лагерей, Губера — пятнадцать. Лежнев, судя по некоторым свидетельствам, умер при допросах. Бориса Пильняка примерно в 1939 году видели в концлагере на Медвежьей горе. Автор «Повести непогашенной луны» валил лес.

Шигалев в «Бесах» Достоевского, излагая свою программу, говорил: «Высшие способности... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями». Члены писательской группы «Перевал» не были гениями, они честно и в меру своих скромных дарований хотели служить народу. Но сталинские ревнители идеологии пошли дальше шигалевщины. Даже средние способности казались им опасными. Над огромными просторами одной шестой части света простирали свои серые крыла бездуховность и насилие.

Духовная жизнь страны окончательно монополизировалась Единым Государством. Регламентации посредством «постановлений» подлежит все: музыка, балет, кино, песня и, главное, литература. Идейной перековке подвергается и спорт. «Мы должны раз и навсегда покончить с нейтралитетом шахмат, — заявляет еще в 1932 году ценитель шахматной игры, уже прославленный обвинитель политических процессов нарком юстиции Крыленко. — Мы должны организовать ударные бригады шахматистов и начать выполнять пятилетний план по шахматам».

К моменту завершения коллективизации, к 1932 году, был, по сути дела, завершен и еще один, чреватый пагубными последствиями процесс — коллективизация сознания, таланта, интеллекта. В этом году создается единый союз советских писателей. Вслед за писателями к присяге единомыслия приводятся и другие группы интеллигенции. Коллективизация интеллигенции, лишение ее всех прав, кроме права воспевать вождей и их «свершения», завершает процесс извращения идеи социализма в России, у истоков которого стояла русская интеллигенция, выд-

винувшая из своих рядов Плеханова, Ленина и целую плеяду пламенных революционеров. Коллективизация интеллекта давала возможность вырабатывать столько лжи, сколько было необходимо для поддержания узурпированной власти. Страна вступала не только в период долгого страха, но и долгой, затянувшейся до апреля 1985 года лжи.

Завершая грустные эти заметки о судьбе русской и советской интеллигенции, мне хотелось бы напомнить слова великого страдальца за судьбы русской духовности — Чаадаева: «Прошлого уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас». Чтобы будущее это было иным, не таким, каким его видели в своих зловещих снах махаевы, нечаевы, ждановы, сусловы, нужно знать причины того падения, в которое вместе с интеллигенцией была вовлечена и вся страна.

В России испокон веков жила страстная вера в силу правды. И для того, чтобы добыть эту правду, нужно вопрошать и осмысливать собственную историю и собственную судьбу.

«Винновны ль мы — коль хрустнет ваш скелет»

В тяжелых, нежных наших лапах?» Да, виновны!

Винновны в том, что отделяли социализм от демократии. Винновны в том, что изымали из понятия социализма свободу. Винновны, что правду коммунизма заслоняла тоталитарная ложь. Винновны, что в погоне за химерами величия топтали личность. Винновны, что извратили смысл и цель социалистической революции.

Значит ли это, что социалистическая революция была ошибкой истории?

Николай Бердяев (опричники Жданова шельмовали его на всех страницах истории философии), указывая на трагизм русской революции, вместе с тем подчеркивал, что революция в России могла быть только социалистической, хотя по духовному русскому складу она могла быть только тоталитарной. И, несмотря на то, что, писал философ: «Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл!»

Рост культурной и нравственной жизни, который мы наблюдаем сейчас и который проявился сразу же, как только порвались первые путы страха, свидетельствует о том, что духовные ключи не иссякли. Не иссякла и память культуры. Казалось, что мертвящие потоки «ждановской жидкости» полностью вымыли из пластов культуры имена честнейших интеллигентов. Но стоило приостановиться гильотине идеологических временщиков, как память вначале робко, а теперь все смелее шепчет имена страстотерпцев правды: Платонова, Пастернака, Флоренского, Булгакова, Бухарина, Розанова, Замятина, Пильняка, Филонова, Федорова, Вавилова, Шаламова, Чаянова...

Нет, есть еще, конечно, рецидивы холуйства, еще памятна паническая речь литературного «генерала» на XIX партконференции, еще сильно сословие авгуров, возвестивших брежневское «Возрождение». Но стремление выжать из себя раба нарастает. Путь от духовного рабства к свободе не прост и не близок. Но дорога к храму уже видна. Идет ручная расчистка котлована будущего правового государства от завалов ложных формул и устрашающих указов. И в многотрудной этой работе важно суметь соединить ожившие ключи интеллигентности с теми «огромными силами русского народа», которые пробудила социалистическая революция.

СОБРАНИЕ
РУССКОЙ
ЖИВОПИСИ

XX
ВЕК

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАНДИНСКИЙ

1866—1944

На протяжении своей довольно долгой жизни Василий Васильевич Кандинский был гражданином трех стран — сначала России, затем Германии, а под конец своего жизненного пути — Франции. Последняя «прописка» художника была вынужденной: он покинул Германию, где пришел к власти Гитлер и картины Кандинского были объявлены новой администрацией особого рода «дегенеративным искусством».

Несмотря на то, что мастер вошел в художественную жизнь Франции, французским художником его не назовешь. Что же касается первых двух государств, с которыми связала его судьба, то здесь он был своим. Можно сказать, что Кандинский законно поделен между двумя «художественными державами». Само происхождение мастера давало повод для различных национальных ориентаций. К его русской крови были примешаны немецкая (бабушка по материнской линии) и монгольская. Не зря Кандинского тянуло не только в Германию, но и на Восток, на Север, где внимание художника привлекали разные народы, их верования, шаманизм, своеобразный быт, местное народное искусство.

Кандинский поздно начал путь профессионального художника. Он учился в Одессе в гимназии, затем поступил в Московский университет, изучал право, специализировался в области политической экономики, интересовался этнографией, предпринял несколько путешествий по Российской империи, связанных с его научными интересами. К тридцати годам он готов был занять кафедру в Дерпте (ныне Тарту), однако резко переменял свои намерения и уехал в Мюнхен для обучения живописи. Итак, линия жизни Кандинского резко повернула в сторону и уже до конца оставалась прямой, связанной исключительно с живописью. Жизнь в искусстве продолжалась долго — около пятидесяти лет.

Творчество Кандинского являет собой редкий случай удивительного всплеска при позднем начале и замедленном становлении. До конца 1900-х годов художник не оставлял особенно заметных следов в современном ему искусстве. Он был равным среди многих, словно дожидаясь своего часа и до поры до времени старательно собирая все необходимые данные для будущих открытий. Несколько лет поучившись в частной школе Антона Ашбе, а затем некоторое время у знаменитого Франца фон Штука в Мюнхенской академии, художник преодолел трудные для него барьеры ученичества. Занятия у Ашбе и Штука не приносили желанной радости. Позже Кандинский вспоминал, с какими мучением и отчужденностью работал он над обнаженной моделью, как теснили его стены школы. К счастью, ученичество было недолгим. Великим оно Кандинского не сделало. Здесь лишь начинался трудный путь обретения собственного лица.

В 1901 году Кандинский возглавил созданное им и его друзьями объединение «Фаланга», где был

избран президентом, и даже организовал тут художественную школу. Опыт «Фаланги», просуществовавшей до 1904 года, не пропал даром. Именно благодаря Кандинскому родились позже знаменитые мюнхенские общества — «Новое художественное объединение» (1909), а затем и «Синий всадник» (1911). При этом, правда, надо иметь в виду, что не столько Кандинский создавал объединения, сколько они сами возникали вокруг него. Тому причиной — притягательность его личности.

Тем временем художник синтезировал, формировал себя, и не только путем собственных исканий, но и вбирая опыт других. 1900-е годы в его творчестве представляются широким полем, где пересекались самые разные течения и стилевые направления, взаимодействуя друг с другом. Это поле в конце концов принесло небывалые всходы, обозначившие рождение нового Кандинского.

В Мюнхене в начале XX века сосредоточились значительные силы немецкого югендстиля (национальный вариант общеевропейского стиля, который в России получил наименование модерна). Там работали многие мастера-новаторы, в том числе А. Эндель и А. Хельцель, оказавшие воздействие на Кандинского. А в «Фаланге» выставлялись художники модерна из других стран — финн А. Галлен-Каллела, француз А. Тулуз-Лотрек. Вместе с тем Кандинский проявлял постоянный интерес и к русскому варианту этого стиля — к Билибину, Рериху, Борисову-Мусатову; он поддерживал связь с журналом «Мир искусства», являясь его мюнхенским корреспондентом. Современники научили Кандинского ценить выразительные возможности линий, цветового пятна, орнаментальную организацию картинной поверхности, ее декоративную целостность. Правда, лишь перечисленными формами не исчерпывается этот период творчества Кандинского. Большую роль в нем играет и «натуральная» тенденция, которая развивается на протяжении всего десятилетия, постепенно приближаясь к символической. Кандинский создает большое количество натурных этюдов. Чаще всего это пейзажи. Они написаны широким сочным мазком, постепенно переходящим в преобладающую цветовую плоскость и придающим небольшим холстам романтическую приподнятость.

В последние годы первого десятилетия XX века Кандинский жил и работал в Мурнау — небольшом местечке близ Мюнхена. Именно здесь в его работах оказались собраны воедино все тенденции и находки раннего творчества. Художник воспринял опыт французских фовистов, проведя незадолго до мурнауских открытий некоторое время в Париже, и немецких художников-экспрессионистов первого призыва — группы «Мост». Модерн Кандинского органически перерастал в экспрессионизм. Этот процесс был закономерным: мы можем наблюдать его в немецком искусстве начала XX столетия. Но экспрессионизм Кандинского всегда тяготел к беспредметности и, как известно, в начале 1910-х годов привел

окончательно к ней художника. Здесь важнейший узел всей творческой и теоретической проблематики Кандинского.

Творческая зрелость совпала с наступлением зрелости теоретической. Основные положения своей теории Кандинский формулирует в книге «О духовном в искусстве», написанной в 1910-м и изданной в 1912 году. В отличие от большинства русских авангардистов, включавших в свои манифесты элементы эпатажа, Кандинский придавал своим изысканиям традиционно научную форму. Несмотря на ярко выраженный интуитивизм художника, его практика неотделима от теории. Они как бы вместе формулируют новые принципы искусства, открывая перед ним неизведанные горизонты.

Важнейшей задачей Кандинский считал поиск новых способов выражения духовного начала, освобожденного от материальных оков, а они в представлении художника отождествлялись с предметностью. Мастеру предстояло сделать решающий шаг в новое измерение. Он долгое время абстрагировал реальность, зашифровывал предмет беспредметной формой или, наоборот, опредмечивал беспредметную композицию, оставляя при этом мосты между предметностью и беспредметностью. И дело здесь было не в том, что художнику не хватало смелости сразу отрешиться от материальной оболочки вещей. И не в том, что он должен был предоставить зрителю какие-то возможности для догадки. Дело не в расчете на зрителя, а в эволюции художественного сознания мастера. Беспредметный мир должен был явиться в сознании Кандинского в том же органически закономерном качестве, в той же своей внутренней необходимости, в каких являлся до этого мир предметный. Нужно было на место прежних взаимоотношений реальных предметов друг с другом поставить новые взаимоотношения, но не реальностей, а чистых эмоций и духовных представлений, абстрагированных форм, линий...

Поначалу Кандинский искал равновесие между реальностью и абстракцией, в котором могли бы реализоваться внутренние законы художественного образа. Обретенная целостность была еще неустойчива. Затем, отдаляясь от материальной оболочки вещей, оставляя некоторое воспоминание о ней, художник словно контролировал этими воспоминаниями найденное единство. И лишь после этого он окончательно порвал со следами зримой предметности.

К рубежу первого и второго десятилетий XX века относится целая группа произведений Кандинского, которые мы можем условно назвать «полуабстрактными». В картине «Озеро» (1910) предметный и беспредметный принципы еще сосуществуют. Мы довольно четко различаем лодку, гребцов, весла, силуэт замка. Что касается остальных частей композиции, то здесь разгадка предоставлена зрителю, который может синие полосы принять за обозначен-

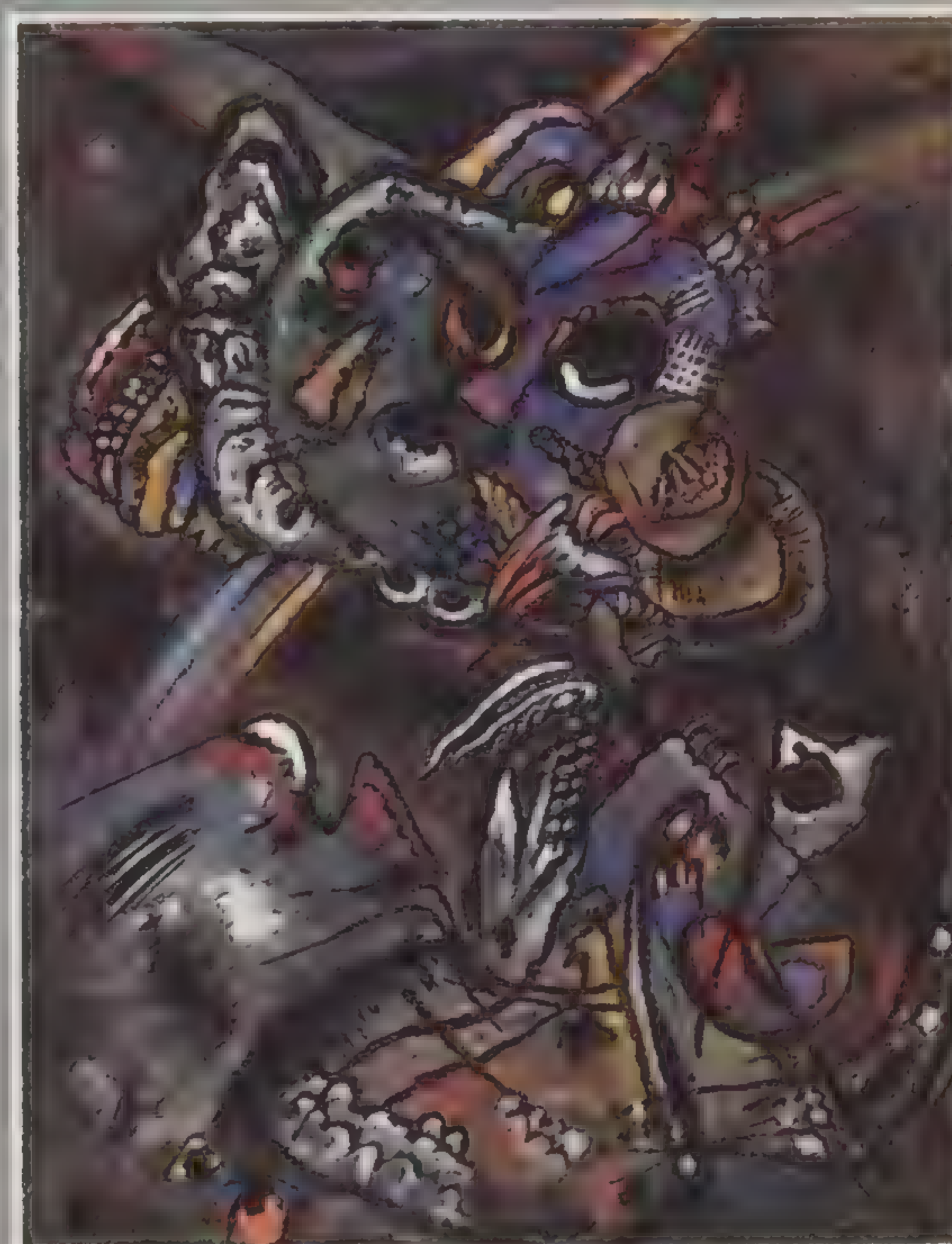

ОЗЕРО. 1910.

ние воды, а может без усилий и оторвать цветочные пятна от конкретных вещей. Цветовая драматургия приобретает самостоятельность. В центре картины художник имитирует некое подобие взрыва, который сообщает всему холсту энергетический заряд. Будто озаренные светом этого взрыва, белые лодки плывут над черной бездной. Вода оказывается бездонным пространством, а небеса, сияющие светлым пятном, скорее напоминают воду. Акт восприятия, как и акт творчества, сопряжен у Кандинского с возможностью различать предмет, узнавать его, а потом вновь погружаться в небытие.

Во многих «Импрессициях», «Импровизациях» и «Композициях» 1910—1912 годов (да подчас и в более поздних) еще можно найти следы связи с реальными предметами. Узнаваемые детали чаще всего распределяются по всему холсту, они выявляют свою многозначность, побуждая к различным ассоциациям. Много ассоциаций связано с апокалипсическими мотивами — падающая башня, скачущая лошадь, силуэт города. И даже в тех случаях, когда у зрителя есть все основания считать картину полностью беспредметной, в ней остается отдаленный изобразительный подтекст. Но главным становятся колорит и композиция, осуществляемые особыми возможностями линии, пятна, каждого отдельного цвета и их сочетаний.

Сам Кандинский разделял свои произведения на «импрессию», «импровизацию» и «композицию». Это три стадии удаления от первых визуальных впечатлений. Острые, яркие впечатления — от реальных

СУМЕРЕЧНОЕ. 1917.

КРАСНАЯ ЦЕРКОВЬ. Около 1903.

Продолжение на вкл. 3.

Александр ЮДАХИН

ЖИВЫЕ ЧЕРТЫ

Козлобородый государь
Всея Руси
поставил рядом божий храм
и место лобное.
С какой ноги наутро встал —

тому и быть.
Кваску кровавого испил,
забрызгав платье.
Вон обездоленные псы
устали выть.
Пересекаясь в небесах,
летят проклятья.
Для куража
с боярской дочкою шалишь.
В постели мочишься, не спишь
в ночи безлунной.

Страх точит душу,
омерзтителен как мышь.
И прожигает темноту
твой взгляд безумный.

ПРАВНУК

В городе ложь да скупая любовь,
за город вышел — попал в мелколесье.
Кровь Шаховских и крестьянская кровь
вспыхнули в жилах гремучею смесью.
Сколько ни бьюсь — виноват без конца.
Глядя на пир на большом гобелене,
жрал потроха, подышал без отца,
так мне и надобно в третьем колене.
Деда звала на допросы тюрьма.
Кашляла тонкая мама нутужно,
от безысхода сходила с ума,
так мне, наивному волку, и нужно.
Господи, грешен, хотел помереть,
в реанимации бредил Парижем,
но обошла похоронная медь —
рожей не вышел. На Родине выжил.
Горько целую ее валуны

на пепелище губернского сада,
камень грызу в искупление вины.
Так мне и надобно. Так мне и надо.

Мама твоя уходить не хотела
в иные края.
Господу было угодно,
чтоб за тебя
выполняла железная мама твоя
функцию громоотвода.
В тесной московской квартире,
как будто в избе,
до петухов поднималась.
Там, где тебе
не хватало сомненья в себе,
мама твоя сомневалась,
где не хватало
простого умения жить,
молча в беде заслоняла,
не позволяла
срамиться, душою кривить
и за грехи извиняла.
Ну а случилось,
что друг поделом не прощал,
чудился ночью и денно,
друга, смягчая вину, приглашала ко щам
Ольга твоя Алексевна.
Вот и узнал,
как без матери люди живут,
стягивай пояс потуже,
будь жизнестойким —
без устали молнии бьют
и изнутри, и снаружи.
Ну а почувешь в себе недобор доброты,
холод в душе непокорной,
вспомни, что мама
глядит на тебя с высоты
с тихой тоской беспокойной.

Печерский чернец,
черновицкий спудей-иудей,
иркутский купец,
незаслуженно канувший в Лету,
рисую живые черты
интересных людей,
известных дворян
и крестьян, потерпевших победу.
Язычников сырых,
которых покинул Перун,
Великих княгинь,
упеченных в святую обитель.
Но даже когда
перед нами отчаянный врун,
печатный тиун,
закононый вагонный грабитель,
и даже когда
я рисую правдивый портрет
худого уroda,
который сродни василискам,
ни злости во мне,
ни судейского холода нет,
а есть состраданье
к его окружению, близким!

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Хотел бессмертия —
покоя не проси.
Рука холодная дрожит,
глаза голодные.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

ГРАНИЛЬНЫЙ ЦЕХ

Отдаленного скрежета эхо
И сухая работа резца...
И под небом гранильного цеха
Я стою, вспоминая отца.

Этой глыбы коснувшись покатою,
Зимовавшей в глубоком снегу,
Ни гражданской войны, ни блокады
Я представить себе не могу.

Даже в детстве моем пожилого,
А потом уж совсем старика
Возвращаю все снова и снова,
На пустые гляжу облака.

Между давней и свежей датой —
Эти войны, утраты, труды.
Прост и прочен гранит красноватый,
Ни креста на плите, ни звезды.

Оттого, что не верило в бога,
Потому, что навеки мертво
Это видевшее так много
Поколение отца моего.

ХРОНИКА

Вот оно, немое поколение
Жертвенной могучей глухоты!
Чем непостижимей отдаленье,
Тем красноречивее черты.
В день июня где-то на вокзале
Эти люди сумрачной земли,
Радио послушав, постояли
И с другими лицами пошли.

ТАЙГА

Кричит река на перекатах,
Качает мертвую тайгу,
Рыб неживых, продолговатых
Выталкивая на бегу.
Не зеленеть лесам векови,
Костями усеян берег весь,
Вольноотпущенные «зеки»
Живут и промышляют здесь.

РАБОТА РЕЗЦА

Перебирая рыб останки
И отгоняя мошкарку,
Угрюмо загоняют в банки
Гнилую, дохлую икру.
Наутро вынесут к составу
И пассажирам продадут...
Забудь, забудь любовь и славу,
Благослови презренный труд!
Небесный край блаженно-перист,
Нежна таежная звезда.
От этих мест, где кончен нерест,
В закат уходят поезда.
Там где-то митингует «Память»
И маршируют любера,
И никого переупрямить
Не могут росчерки пера.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Чугун кагульский, ты священ...
Пушкин

Поля послевавилонского ВИРа,
В минированном парке тишина,
Но все звучней журчащий голос
мира,
Цветет сирень, и музыка слышна.

На солнце сохнут веялки, комбайны,
Делянки огородников ЛСХИ,
И все сильнее какой-то ветер
тайный,
Дрожащий звук, похожий на стихи.

Тревожно веет, внятно-покаянно
Листовою вязов, ясеней, осин,

И движется на дачу Микояна
Булганинский блестящий лимузин.

Сирень цветет, блаженствует
природа,
Но чудится, что вслед ему летят
Газеты пятьдесят седьмого года
И парков царскосельских листопад.

На перекрестке оседает шина.
Ворочаясь цыпленком в скорлупе,
Седой, учтивый, в галстук мужчины
Смущенно улыбается толпе.

На днях, на днях его в битком
набитой
Я видел «Кинохронике», когда
Они сидели на слоне с Никитой,
В индийские вступали города.

И на руках несут его, как папу,
Обстал авто ликующий народ.
Нетленный кадр: премьер снимает
шляпу,
Цветет сирень, и жимолость цветет.

Мне десять лет, я Пушкина читаю,
Запоминаю барельефов ряд,
И Кюхельбекер, Пушкин, Чаадаев
На площадь привокзальную глядят.

Пришли потом Распутин и Есенин...
Не знаю ничего... Но в этот миг
Чугун кагульский все еще
священ,
Фелицын лебедь мощен и велик.

О ПРОПУЩЕННОМ, ОПУЩЕННОМ И НЫНЕ ДОПУЩЕННОМ

Татьяна ИВАНОВА

Техтерях, Сусуман, Берелех, Хатанах... Точки на карте страны? Список лагерей, пройденных отцом Николаем Смирновым, жителем города Мышкина Ярославской области. Письмо Н. Смирнова опубликовано в девятом номере «Волги». Это отклик на воспоминания Ильи Таратина «Потерянные годы жизни», недавно опубликованные тем же журналом.

В лагерях доходяги ползали на четвереньках, когда приносили баланду. Посуды не было у доходяг, им баланду лили в горсть, они ее из горсти высасывали.

Чьи-то отцы и матери. Чьи-то доченьки и сыночки. Наши братья.

Один критик, обретший известность потому, что его писания не раз опровергались Б. Сарновым, В. Кичиным, Н. Ивановой, А. Марченко, Л. Овруцким и другими, опубликовал в журнале «Москва» подборку откликов на свое собственное произведение. «Прочитал с большим вниманием, потом еще раз прочитал с огромным удовлетворением», «С огромной радостью прочитал», «Большое спасибо вам, Владимир Григорьевич», «Умная, острая, изящная по форме статья», «Благодарим». Не стала бы я приводить эти цитаты, если бы не одна фраза, легко оброненная упомянутым Владимиром Григорьевичем («благодарим», «благодарим...»): «Мне интереснее наблюдать современный литературный процесс, вспоминать старые болячки не испытываю нужды».

Владимир Григорьевич, поделитесь! Научите, как это вам удается «не испытывать нужды». Так хотелось бы пожить хоть день, проспаться хоть ночь, «не испытывая нужды», думать о несчастных. Так хотелось бы переключиться на веселые победные думы, упиваться музыкой чьих-то красиво расставленных слов, завораживающих ритмов, упоительных рифм... Но «пепел Класа» стучит и стучит в сердце.

*Мертвым выдана индульгенция
в утешение нам, живым.
Совесть века — интеллигенция —
детей некуда, это мы.
На Лубянке к стенке
поставленные,
и вернувшиеся с Колымы,
и слагавшие гимны Сталину,
и молчавшие — все это мы.
Кем мы были и чем мы стали?
Мы, которых из года в год
приучали жить по уставу:
«Кто чихнул? Два шага вперед!»
Краснобаи и неврастеники
с анекдотами про запас,
именами поставленных к стенке
окликает эпоха нас.*

Как вам стихи, Владимир Григорьевич («благодарим», «благодарим»)? С точки зрения художественности? На-

Рисунок Валерия ЧУМАКОВА

верняка не понравятся. И тем, кто доверял к печатанию сборники Виктора Полякова в 1962, 1967, 1982 годах, они тоже не нравились (мало художественности!). Их всегда выкидывали из сборников. Вместе с другими, в разные годы выкинутыми, их опубликовал в седьмом номере новый журнал «Подъем». То есть журнал-то, конечно, старый, но перестроившийся. Во всяком случае, очевидно перестраивающийся.

И я хочу, товарищи читатели, чтобы мы вместе порадовались: когда редакции удастся выпустить такой номер, веришь, что отнюдь не столицей единой

жива литература, что в провинции, на периферии можно выпускать журнал и не хуже столичных.

Хорошо, что я подписалась на «Подъем». А когда подписывалась — совсем недавно ведь — такой уверенности у меня вовсе не было. Думала, для обзора нужно, для сравнения, вообще чтобы понимать, кто, где и чем дышит. А вот все как повернулось.

Кроме стихов Виктора Полякова (а вся его подборка, на мой взгляд, интересна)... Кроме рассказа Андрея Платонова «Волы» (журнальные подписчики к концу нынешнего года переплетут бо-

гатое «Избранное» Андрея Платонова, во второй том самодельного «Избранного» можно включить множество воспоминаний о нем; серьезно коллекционирующим сообщаю, что обширные воспоминания о Платонове опубликованы в девятом номере «Волги»; это Лев Гумилевский — фактура его не бесспорна, судя по ряду сообщаемых им деталей о других писателях и поэтах, но знатоки всегда сумеют отделить зерна от плевел...) Кроме опубликованного в полном объеме даже и с «аплодисментами» и «смехом» доклада Н. И. Бухарина на Первом съезде советских писателей (позже вернусь к этому во многих отношениях замечательному произведению), кроме захватывающе интересной статьи Виктора Чекирова, главного редактора Центрально-Черноземного книжного издательства (разговор об издательской кухне, но на уровне весьма деликатном, человеческом), так вот, кроме всего этого, в номере опубликовано еще произведение Галины Серебряковой «Смерч».

Не один только замечательный Владимир Григорьевич («благодарим», «благодарим») не испытывает нужды ковыряться в старых болячках. Многие считают, что о лагерях хватит, о репрессиях и пытках тоже. К чему, мол, приходить от таких произведений в волнение, ведь все это уже известно даже школьнику...

Баракы, могилы в мерзлой земле, все эти баланды, пытки, унижения, кровь, весь этот ад, вся эта наша мука. Читать об этом прискучило. Может быть, даже в зубах навязло.

Не знаю, какую мне написать сейчас фразу. Может быть, «Не образумлюсь... виноват. И слушаю, не понимаю...»? А может, они и правы. Если могут так жить, пусть живут.

А кто не может — ведь и таких нас немало, — тот не пропустит ни одной «лагерной» публикации, ни одного стихотворения, ни одной страницы воспоминаний, пусть и совсем неумело написанных. Он будет думать над ними, пытаться дорисовать в своем воображении то, о чем не сказано, будет ставить себя на место страдальцев. И может, хоть так повинимся перед ними, своими согражданами и соотечественниками, перед своими братьями и сестрами, чью участь мы не делили.

Недавно я забрела в стол заказов, увидела в наборе банку кофе, глаза мои, видать, алчно блеснули, потому что продавщица сказала: «Мы по талонам. Населению не отпускаем». Я — население. Но судьба в те годы выдала мне талон, от населения отделила, уберегла...

Знатоки терминов и понятий как дважды два четыре объяснят нам сейчас, что население и народ — не одно и то же. Но это слишком тонкие дефиниции, надежда постичь их мною давно утрачена.

«Там, где мой народ, к несчастью,

был», — очень понятно писала Ахматова. И безвестный Илья Таратин, и знаменитая Галина Серебрякова, сияющая молодостью, талантами, благополучием, красотой, и мы, читающие их воспоминания, — все мы народ. Сочувствовать ли больше тому, кто сам меньше виноват? Сочувствовать и жалеть в зависимости от величины вины? Честных ли революционеров, не сумевших противостоять культуре, создавшему мощный репрессивный аппарат и в результате пожавших с поля, где жестоко сеяли. Или «простых» людей, население, народ, не сумевший оказать сопротивления произволу и — будем смотреть правде в глаза — поддержавший репрессивный аппарат, утвердивший культ личности, зачастую слишком уж легко веривший, что доносы нравственны, благи и необходимы, выходявший на площади с плакатами, требующими смертной казни врагам народа... Многие предлагают сейчас жалеть с разбором и сочувствовать не всем подряд. Знаете, есть такая детская приговорка: так и надо, так тебе и надо, не ходи, куда не надо.

Для меня тут нет вопроса, товарищи читатели. Все это моя беда. Беда моего народа.

Только к катам во мне сочувствия нет. К тем зверям, что бросили Серебрякову на ледяной пол в одиночку, резали ей грудь ножом, к тем, кто пытал... Так пытал, что Бутырская тюрьма цепенела по ночам от ужаса, слыша вопли, стоны, удары и еще какие-то леденящие звуки (это описывает Евгения Гинзбург, чьи воспоминания «Крутой маршрут» полностью опубликованы в последних номерах журнала «Даугава»).

Молодая немка, сокамерница, показывала Гинзбург шрамы на своем теле: «Это гестапо... А это НКВД...» Вот этим катам нет и не может быть прощения.

Мастера по составлению всякого рода списков, а сейчас многие из них работают все целенаправленной и, сказать бы, государственнее, сделали бы святое дело, создав список сталинских жертв. Без памяти нет и не может быть истории, нравственности, самосознания. Без памяти мы манкурты, мы собственную мать не узнаем, нас не ровен час спросят: «Каин, где брат твой Авель?» И ведь мы ответим, как привыкли отвечать за долгие годы: «Разве я сторож брату своему?»

Эти списки нужны не только для процесса над Сталиным и сталинизмом, который должен в конце концов состояться (а без списков состояться не может). Эти списки нужны прошлому, настоящему и будущему, ибо никому неизвестно, когда кончается прошлое, и кончается ли оно вообще, и где граница между настоящим и будущим. Ведь наш каждый день почти такой же, как вчерашний, но немножко другой, а наш завтрашний день чуть-чуть отличается от сегодняшнего, а оглянешься — жизнь-то прошла и вокруг все другое...

И слишком быстро растут дети.

Произведение Галины Серебряковой — часть ее книги, некогда не напечатанная. Вот еще одна «Опущенная глава» (так и называется) в сентябрьском номере «Севера». Ее автор Урхо Руханен. Он рассказывает, как в 1937 году собрание в Союзе писателей в Петрозаводске открыл Ялмари Виртанен словами: «В обкоме считают, что в нашем Союзе писателей слишком много финнов. Нам надо рассмотреть этот вопрос». Урхо исключили единогласно. Потом началась кампания в газетах. Он преподавал то, чему его учили в советских вузах, а его в этом обвиняли. «Да и вообще как можно обвинять за преподавание какого бы то ни было языка и литературы?»

Оказалось, все можно. Впоследствии Руханен сидел в камере на сто несчастных, а рядом поэт Шмидтгоф. На окне камеры, кроме решетки, еще и «намордник», так что В. Шмидтгоф, бывало, слышал, но не видел маршировавших мимо окна пионеров, которые пели написанную им песню: «Эх, хорошо в стране советской жить...»

Кстати, в камере, когда приводили нового человека, узнав его профессию,

все тут же определяли, в чем его обвиняют. «Студенты обычно были террористами, родившиеся за границей или там побывавшие — шпионами, инженеры — диверсантами, военные — предателями Родины, а принадлежащие к иным национальностям — националистами».

Я бережно выписывала эту цитату, а вы, видимо, бегло прочли ее. И, может быть, не заметили проходное слово «иные»: «принадлежащие к иным национальностям». К иным — в отличие от какой? От русской...

Нет, счастливые люди, которым интереснее заниматься текущим литературным процессом, которым неохота копаться «в болячках прошлого» и которым кажется, что хватит ворошить во избежание новых бед старые могилы, которые считают, что «Память» во многом не так уж и не права и не считают для себя зазорным протянуть ей руку помощи, — эти люди, разумеется, над выделенным мною словечком задумываться не будут. А я перечитаю статью Мананы Гигинейшвили «Святая святых» в «Литературной Грузии» (номер восемь), ужаснусь ее страсти, ее знакам препинания, где преобладают вопросительный вместе с восклицательным... «На английский язык переведен с оригинала даже Важа Пшавела, труднопереводимый писатель, ибо его поэтические произведения несут следы диалекта горцев и нелегки для понимания... А кто из русских занимается нашей литературой, кто изучает наш язык? Кто из русских писателей перевел хоть одну грузинскую строку без подстрочника?! Большинство наших учреждений, большая часть научных институтов ведет работу на русском языке. В них нет даже грузинской пишущей машинки... Чего же еще хотят от нас?»

Перечитаю грустную статью Мусабига Хабибуллина в сентябрьском номере «Волги». «Право быть самим собой» — про то, что выпускники десятилеток, окончившие русские школы, не попадают в институты, потому что поверхностно знают предметы: говорят они на смеси татарского с русским, по-татарски ни читать, ни писать не умеют, по-русски пишут, говорят и читают плохо... А руководители республики «не решаются даже выступать на родном языке, боясь, видимо, получить ярлык националиста».

В четвертом номере журнала «Таллин» взглянусь в фотографию: многотысячный митинг на Певческом поле — делегаты Эстонии получают народный мандат на XIX партконференцию. А в 3-м в статье Р. Титова прочту: «Очищение человеческих душ от наслоений обид, враждебности, подозрительности, отчуждения — задача неимоверной сложности. Каждый из нас может влить лишь малую капельку в грядущую могучую реку, которая способна смыть и унести прочь смрадный ил былого. Но кто поскупится на эту капельку — грош тому цена».

Видимо, чтобы до конца понять, что чувствует представитель какого-либо малого народа (а в нашей стране в сравнении с русским все народы малые — я вкладываю в это слово только один-единственный смысл: малочисленные), надо быть самому представителем малого народа. Зато чувство, которое, видимо, от природы положено испытывать большому и сильному среди малых и слабых — «как бы не зашибить, не наступить, не задеть, как бы объяснить, чтобы не боялись, как бы не обидеть, не ранить» — это чувство тоже не самое приятное и не самое необременительное. «Защищу, никому не дам в обиду, поведу счастливой дорогой» — это все так, конечно. И сколько раз в обиду не давал — это все помнят. Но ведь помнят и другое. Помнят, как на счастливую дорогу сволокивали за шкирки.

Как прочтет глубокоуважаемый Владимир Григорьевич («спасибо вам за прекрасную публикацию», «от всей души спасибо!») статью, опубликованную в июльском номере «Литературной Грузии» под рубрикой «Трибуна писателя»? Она называется «Мартовская трагедия 1956 года в Тбилиси». Написана

Тенгизом Буачидзе. Видимо, литераторы, которые не испытывают нужды копаться в старых болячках, на такие публикации вообще не глядят: какое это имеет отношение к текущему литературному процессу? А писатели, понимающие литературный процесс как часть живой жизни, пишут со всей страстью.

Конечно, информация здесь не слишком оперативная: речь идет о событиях, происшедших более тридцати лет назад.

Но тридцать лет назад об этом только ходили слухи. Между тем тогда, в марте, сталинизм собрал с площадей и улиц Тбилиси кровавую дань — память жива не только в тех семьях, где были убитые или раненые (а таких было немало), но и в тысячах других семей... «Именно те люди, по приказу которых в Тбилиси была открыта стрельба и пролилась кровь ни в чем не повинных юношей и девушек, вдалбливали нам в голову на протяжении десятилетий, что Сталин был «вдохновителем и организатором всех наших побед», «гением всех времен и народов», «что без Сталина погибнет мир».

Забыли ли те дни наши братья-грузины? Нет, они не могли о них забыть. И мы, если не Каины, должны делить с ними думы, память. Только теперь стало можно говорить, вспоминать о трагических днях. Так давайте стремиться, чтобы срок говорения вслух, срок памяти был, во всяком случае, не короче, чем срок молчания, срок безгласности, беспамятства. Иначе ведь мы не успеем ничего понять и осмыслить.

Только теперь, сегодня стало можно опубликовать «Стенограмму общесоюзского собрания писателей 31 октября 1958 года», что и сделал журнал «Горизонт», который я представляла вам в прошлом обзоре. Теперь никакие толки и слухи больше не имеют права хождения. Каждый может прочесть, кто же на самом деле что сказал. И у любого есть возможность убедиться, что десять фраз Бориса Слуцкого (десять — я сосчитала) — самые обтекаемые десять фраз во всей стенограмме. Даже и странно сравнивать их с длинной и страстно погромной речью А. Софронова, например, или А. Безыменского — те были очень усердны и неподдельно пафосны. И сразу видно, как хитрил, составляя речь, Леонид Мартынов, чтобы сказать, но и не сказать, а Галина Николаева, Валерия Герасимова, В. Перцов уж так старались обличить пострашнее, заклеить похлестче...

Оттенки неважны? Еще как важны! Прочтите стенограмму, вам тоже станет понятно, о чем я. И вы уже не позволите заморочить себе голову рассуждениями типа: «Время такое, все вели себя одинаково, все равно виноваты...»

И благодаря «Подъему» (я уже упоминала об этой публикации), где опубликована стенограмма выступления Бухарина на писательском съезде, благодаря августовскому номеру «Вопросов литературы», где с весьма содержательным предисловием Александра Лациса опубликован некогда знаменитый, а сейчас бесперебойно, но нечестно цитруемый бухаринский фельетон «Злые заметки», благодаря повести Леонида Лиходеева «Поле брани, на котором не было раненов» в девятом номере «Дружбы народов» и воспоминаниям А. Лариной «Незабываемое» в «Знамени», — благодаря всем этим публикациям мы больше не позволим морочить себе голову насчет личности Николая Ивановича Бухарина.

«Здесь я прошу моих слушателей извинить меня, что некоторое количество времени они должны поскучать, но скупка, как зло, будет лучше оттенять добро, которое последует в следующей части, где будет не так скучно и где я натолкнусь, может быть, на ожесточенные возражения. Можно сослаться здесь на блаженного Августина, который говорил, что зло существует только для того, чтобы оттенять добро. Исходя из ссылки на такой крупный авторитет, я прошу вас немного потерпеть...»

Думаю, даже по одному этому абзацу видно, что давно уже не слыхивали мы подобных речей на писательских съездах.

Прочтите эту речь, прочтите «Злые заметки» — уверена, вы только усмехнетесь потом, услышав, что Бухарин травил Есенина. «Был он одним из тех интеллектуалов, которые хотели осуществить в XX веке нравственные понятия XIX», — пишет Леонид Лиходеев об Н. И. Бухарине. — Они играли по правилам долгого XIX века. Но получилось не так, как они хотели. Потому что они не знали, что в нашем веке против шахматных фигур будут играть миллиардным кием».

Что же, век длится, и кий до сих пор в ходу. Среди больших и малых конвертов, тяжелых бандеролей, которые передали мне в редакции (отклики на мои обзоры), была бандероль из журнала «Охота и охотничье хозяйство». Вот уж я подивилась... Дело прояснилось, однако, сразу, как только я открыла журнал. В редакции, догадываясь, что журнальный обозреватель «Огонька» вряд ли интересуется охотой, хотели, чтобы мимо нашего с вами внимания не прошла статья «В защиту Зубра и Зубров». Автор ее О. Гусев, кандидат биологических наук. А вот и он на фотографии, правда, очень старой, 1962 года, рядом с седым, довольно широким в плечах человеком, сощурившимся от солнца. Рядом с Зубром, с Тимофеевым-Ресовским.

Конечно, у охотничьего журнала немалый тираж. Но мне очень жаль, что эта статья опубликована не в массовом широкодоступном издании. Помнится, новую охоту на Зубра уже в самые наши, демократические и перестроечные дни открыла одна центральная газета устами критика, считающего себя молодым, так сказать, вопреки быстротекущему времени. Затем Владимир Григорьевич («благодарим за прекрасную публикацию!»...) поусердствовал, к нему присоединился член редколлегии «Нашего современника»... В последней из названных мною статей, по словам О. Гусева, «хорошо просматривается консультация одного из генетиков, научного недоброжелателя Зубра», но это «не освобождает доктора исторических наук от серьезной моральной ответственности за злонамеренные измышления».

Для неспециалиста в текстах новых охотников на Зубра был один момент, на который не знаешь, что возражать. Собственно, его-то, видимо, и подсказали охотникам специалисты-недоброжелатели, не сумевшие управиться с Зубром в свое время. Момент этот, точка преткновения — евгеника. Не знаю, как в других, а в моей голове откуда-то накрепко застряло, что занятия этой наукой все же безнравственны.

Так нас, наверное, в прошлые годы, неспециалистов, «покупали» и на генетике, и на кибернетике, и на резонансе...

Но, оказывается, в Большой медицинской энциклопедии еще в 1978 году было напечатано, что евгеника — учение о предупреждении возможного ухудшения наследственных качеств человека, а в перспективе — об условиях и методах влияния на совершенствование этих качеств... «Перед евгеникой ставились самые гуманные цели», — сообщает энциклопедия. А автор журнальной статьи добавляет, что сейчас в США и СССР начала осуществляться программа «Геном человека». Человечество очень надеется, что она поможет ему избавиться от многих страшных болезней.

Охотники на Зубра, наши современники, по словам журнала, на несколько десятилетий опоздали: и генетика, и евгеника, и кибернетика, и много других «етик» давно уже не числятся в «продажных девках империализма»,

* Я вновь не называю фамилий, потому что многие только и ждут упоминания собственных фамилий в критических статьях «Огонька», осознавая, что это для них единственный способ приобрести известность.

а верой и правдой служат не только всему человечеству, но и нашему народу.

Попытки обвинить Тимофеева-Ресовского в искании сытой жизни (в них преуспел особо доктор исторических наук) журнал трактует как «анекдотически-нелепые». У ученого начисто отсутствовало влечение к так называемым «благам жизни». Это было следствием состояния его души, его постоянного, пожизненного увлечения наукой. Его научная жизнь требовала полной самоотдачи. Наука для него была самым невыгодным занятием. «Не имея нужных бумажек, степеней и званий, он, будучи заведующим лабораторией, получал какой-то совершенно неприличный оклад. Но никогда ни на что не жаловался, ни о чем не просил».

Нет, восклицает О. Гусев, «гордый дух Зубров» еще никому и никогда не удавалось вытравить до конца.

Тут интересно мне вот что. Почему хотелось, почему хочется вытравить? Почему жива в согражданах душевная потребность опорочить Зубра и после его смерти? Почему вообще не прекращается у нас охота на Зубров?

Что, люди, принижающие, чернящие одного Зубра за другим, делают это из каких-то высших соображений, может быть, из любви к своему народу (наиболее старательны в принижении Зубров именно те печатные издания, которые больше всех говорят об этой своей любви)? Но ведь народ тем счастливее и богаче, чем больше в нем Зубров — разве это не аксиома? Разве не аксиома, что и славнее народ, у которого великих поэтов, музыкантов, ученых, политиков больше? Так почему же одни рады открыть соотечественникам великое имя, а другие уже стоят наготове с бильярдным кием, чтобы сбить фигуру: ничего такого великого и прекрасного в ней нет, нечего «выискивать новоявленных гениев», надо смотреть на них объективно.

Это я к тому говорю, что люди, особо озабоченные сегодня низкой культурой дискуссий, все-таки не вправе забывать о сути этих дискуссий.

*Историки литературы
вспомнят еще обо мне.*

*Я был знаменитым поэтом
в провинциальной тюрьме,—*

это стихи Николая Володарского из Ухты, поэта, автора нескольких поэтических сборников. Его подборку опубликовал «Север» в августе. И по этой подборке, как по нескольким другим в других журналах, как по разным повестям, рассказам и романам, как по главам, изъятых из ранее опубликованных произведений и напечатанных только теперь, отчетливо видно то, что томит меня давно, и чем дальше, тем больше: мы не знаем, какая у нас литература, только что по листочкам стали мы доставать ее из письменных столов, из архивов и частных собраний. Узнаем ли мы наконец, какая же у нас в самом деле литература? Узнаем ли? Когда?

Пример с главой, опущенной при публикации романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» (эта глава воспроизведена отдельно в девятой книжке «Октября»), избыточно красноречив. Редакция тактично сообщает, что при всех перипетиях с рукописью немудрено было утратить и эти несколько страниц.

Я вовсе не хочу сказать, что именно эти две странички в романе играют какую-то существенную роль, но они сами по себе существенны. Мысли сформулированы с такой точностью, с такой удивительной простотой и так неопровержимо убедительно, что, мне кажется, отменяют необходимость пространств трактатов на эту тему.

В нашей литературе давно есть Фазиль Искандер. Но в ней не было «Сандро из Чегема», в том виде, как его опубликовал журнал «Знамя» в осенних номерах. И стало ясно, что такого Искандера у нас не было. Литература была беднее на такого Искандера и на такое произведение.

От нас ушел журналист Николай Дубинин. «Урал» в августовском номере публикует его повесть, написанную по-

сле XX съезда, «История скрипача Жалеики» — и мы знакомимся с хорошим писателем, которого при его жизни узнать не успели.

В восьмом номере «Невы» (в девятом и десятом не пропустите интересную публикацию Зои Маслениковой «Портрет Бориса Пастернака») Даниил Гранин представляет подборку стихов Ивана Елагина — и наш восторг перед богатством и разнообразием русской поэтической школы возрастает, мы узнаем поэта, которого впервые прочитали только в антологии Евтушенко.

«Низкое небо печальных широт! Что мое сердце к тебе привязалось?...» Строки Виктора Кириллова из поэтической подборки в третьем номере «Таллина». Он живет в Нарве, ему сорок лет. Известно ли вам его имя?..

Еще один сорокалетний, в том же «Таллине», Михаил Веллер. Имя, знакомое прежде? Но «Рандеву со знаменитостью» (повесть? наверное, повесть...) написано с таким блеском, что далее это имя будет, пожалуй, широко известным. Если вы разыщете «Таллин»... Так же как имя Мати Унта (для доказательства вы прочтете в журнале повесть «Лунное затмение»).

Латышский писатель Валентин Якобсон принес этим летом в журнал «Даугава» самиздатовскую тетрадку стихов с неизвестной никому фамилией автора — Тарновского — под названием «Заполярные стихи». Юлиан Тарновский до лагеря никогда поэзией не занимался, он был разведчиком. А в северной империи ГУЛАГа встретился с большим латышским поэтом, Янисом Меденисом, брал у него уроки. Терцины, ронделли, триолеты, акrostихи Тарновского вместе с опубликованными в номере 9-м воспоминаниями Якобсона дают богатую почву для раздумий на ту же тему: мы только начали узнавать, как богата наша литература.

Потрясение — вот что испытала я, прочитав в журнале «Наука и жизнь» в 7, 8 и 9-м номерах документальную повесть Г. Б. Федорова «Басманная больница».

В одной больничной палате тяжело болеют, умирают и с трудом выздоравливают мужчины. В их характерах и судьбах, как в капле воды (простите за банальность), отразились характеры, для нашей жизни типичные, узнаваемые, родные... Представьте себе мысленно, какие книги у нас сейчас в руках, какие славные имена на обложках. И вот скромное имя Г. Б. Федорова, маленькая его книга уверенно выдерживает уровень.

Его героев и героинь я не забуду. Его ум, кажется, помог кое-что уразуметь, его сарказм великолепен, его боль вызывает сострадание, наблюдения над нашим общим путем неординарны...

Почему приютила Федорова «Наука и жизнь»? Потому что он ученый? Потому что его произведение можно назвать и документальным, и философским? Или просто потому, что у редакции есть чутье на беззащитные перед литературными спецами таланты и стремление поддержать их?..

Не могу себе представить, чтобы мои читатели не прочли «Факультет ненужных вещей» — великолепный роман Юрия Домбровского, опубликованный в нескольких номерах «Нового мира». Прочли, конечно, даже и критические статьи о нем уже прочли. И дорожат собственной точкой зрения об этом произведении. Сужу по письмам. Мне, заскучавшей с романом Вл. Орлова «Аптекарь», читатели так доброжелательно и умно доказывали в письмах, что это не только очень интересный и талантливый, но и очень современный роман. И я радовалась не только за писателя — почитатели его прозы хорошо начитанны и ясно мыслят, они готовы постоять за то, что им дорого. Не только за себя — мои корреспонденты не теряют доверия к обозревателю, даже если и не согласны с ним. Но и за то еще, что у всех нас, наконец, появляется реальная возможность выбора. Можно, наконец, читать прозу такого напри-

вления, а можно этакое. И стихи. И критику...

Совершенно невозможно мне предположить, что мои читатели, например, пропустят в «Новом мире» Федора Бурацкого, «После Сталина». Или выпустят номер из рук, не прочитав письма Владимира Короленко к Анатолию Луначарскому. Не прочтут в «Октябре» Дмитрия Волкогонова «Триумф и трагедия», не поразятся, что в том же журнале, где они недавно читали роман «Жизнь и судьба», теперь для них приговлена пьеса С. Михалкова «Кавардак», а чуть раньше был длинный роман А. Проханова (по мнению В. Гусева, невозможно художественный, а по моему мнению, к художественности не имеющий даже касательства). В голову не придет, что в «Знамени» останется непрочитанным Василий Гроссман («Добро вам! — Из путевых заметок») — любая строка Гроссмана сейчас читателю нужна и необходима, так же как и любое свидетельство о его жизни и творчестве. (Не пропустили ли вы «Литературную Россию», один из ноябрьских номеров? Там стенограмма обсуждения романа «Жизнь и судьба» на редколлегии «Знамени» в давние времена, в канун ареста рукописи. Что-то мне начинает казаться, что нет ничего более захватывающего — и художественного! — чем стенограммы. Прочтите, это готовая драма. Или трагикомедия?..) Конечно, прочитан Алесь Адамович в ноябрьских «Знамени» и «Дружбе народов» — острейший ум, страсть, сарказм, изумительный темперамент... Ноябрьскую «Юность» вы, видимо, тоже читали по листочку — и Андрей Платонов, и Владимир Набоков, и даже Мартемьян Рютин! Наконец-то мы можем взять в руки его письмо «Ко всем членам ВКП(б)». «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис... Сталин... порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти». Вот оно, наше Соппротивление... Вот то, чем нужно гордиться, на чем и воспитывать патриотизм.

Но когда вы прочтаете в этом номере «Юности» повесть Юлия Даниэля «Искушение», я советую вам снять с книжной полки старый сборник Фазилы Искандера, вот хоть «Дерево детства», изданный в 1974 году. Перечитайте рассказ «Летним днем», вспомните его и свои думы в связи с ним. Не написаны ли оба произведения на одну и ту же тему: о трагедии общества, в котором никто никому не верит. Написанная в 1964 году повесть только что через долгие муки пришла к нам. Искандер, виртуозно использовавший эзопов язык и уверенный (по справедливости) в нашем читательском совершенном владении этим языком, почти двадцать лет назад сказал, что хотел, и был понят. Почти не сомневаюсь, многим из вас «Летним днем» перечитывать не придется: он в памяти. Это было одно из тех произведений, которое помогало пережить немоту застоя, давало понять, что и мысль, и честь еще живы...

А читаете ли вы бюллетень «Век XX и мир»? Этот тоненький ежемесячник издает Советский комитет защиты мира. Я прочла от доски до доски, например, девятый номер и давала читать друзьям: раскрепощенная мысль царствует на каждой странице. И не проходит ли мимо вас журнал «Вопросы философии»? Если проходит, то, во всяком случае, за шестым номером пойдите в библиотеку. Прочтете неопубликованные статьи П. Я. Чаадаева, статьи А. Бутенко о диалектике производственных отношений, В. Асмуса — «В. С. Соловьев: опыт философской биографии», Д. Фурмана — «Выбор князя Владимира»... И, может быть, поспешите подписаться, хотя бы с февраля.

Сейчас нельзя пренебрегать журналами, которые прежде были неинтересны. Перестройка шагает, новое мышле-

ние проникает в издания, овладевает ими.

Подождем, не сразу, не сразу разнообразие (предпочту это слово модному плюрализму) станет нормальным для нас. Ко всему нужна привычка, нужен навык.

Так вот, я не сомневаюсь, что вы, товарищи читатели, были внимательны к журналам «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность» — здесь, как и во весь нынешний год, было много замечательного. Я сегодня специально вела вас далекими тропинками, чтобы остановить ваше внимание на том, чего вы без меня, может быть, и не увидели бы.

Вот я упоминала публикацию стенограммы собрания московских писателей в журнале «Горизонт», а ведь о ней сейчас очень много говорят и пишут. Но вы попробуйте прочесть ее вместе с письмами Н. Клюева, опубликованными в «Новом мире», подряд прочтите одно и другое. Одна публикация бросит ответ на другую, и судьбы двух русских поэтов поймутся глубже, полнее. И множество мыслей, самых разнообразных, закружится в голове. По чести сказать, невеселых... Вы, может быть, задумаетесь не только о том, почему мы бываем (ставить глагол в прошедшее время не вижу оснований) трусливы перед обстоятельствами, перед большинством, перед возможностью поступить или даже сказать не как все. В конце концов никто не вправе требовать от человека героизма — сами обстоятельства обязаны быть человеческими. Но вы, может быть, задумаетесь и о том, что даже такие естественные, врожденные человеческие свойства, как жалость, сочувствие к страдальцу, милость к падшим, нам, на беду, удалось в значительной мере преодолеть в себе.

Вы прочли уже множество статей, документальных и художественных произведений о коллективизации. А теперь возьмите рассказ о толстовской коммуне — он тоже из «Нового мира», и я боюсь, что вы могли его пропустить. Мне кажется, что это очень интересная глава в истории Родины. Никогда не читанная нами глава. А написана она человеком, знавшим, по его собственным словам, истинное счастье.

Надеюсь, что вы оформили подписку не только на центральные издания, не только на самые известные журналы — сколько раз мы с вами в течение этого года находили замечательные публикации в других изданиях!

Ведь в этом году мы победили с вами, товарищи читатели. Победили — и давайте вместе как следует порадуемся этому, поздравим друг друга. Я убеждена, что, проглотив молча информацию о лимитах на подписку, так и были бы лимиты. Правда, с солидарностью у нас было весьма слабавато: каждое издание било тревогу из-за введения лимита на него самого, редко упоминаемые. Правда, те, на кого лимиты не вводились, писали о всех поразившем безобразии весьма сдержанно... Но все же писали!

Мы с вами понимали введение безжалостных ограничений на подписку как удар по гласности. Давайте же по справедливости поймем отмену ограничений как победу гласности, от души порадуемся за перестройку и сделаем для себя логический вывод, наше дружное сопротивление всему, что стоит на ее пути — единственный залог ее необратимости. Наша дружная поддержка ее идей — залог ее развития.

Командир Форта Беннинг двухзвездный генерал Льюер.

Р

ота идет несколько минут молча.

— В семьдесят втором году, — говорит Билл Уолтон, — лишь 70 процентов сержантов нашей армии решили продолжить службу в рядах вооруженных сил. Зато сегодня около 90 процентов тех сержантов, чей срок службы уже вышел, хотели бы продлить контракты с Пентагоном.

— Они, — Сориано засовывает флягу в чехол, — обучают не только солдат, но и вторых лейтенантов — выпускников военных училищ, передают им основные навыки обращения с рядовыми. Что интересно, лейтенанты в течение трех-четырех недель подчиняются сержантам. Прямо как солдаты. При этом молодые офицеры не считают для себя унижением выполнять приказания сержантов. Не в обиду лейтенантам будет сказано, но без них армия обойтись может, а вот лиши ее сержантского состава, моментально наступит, как говорят в Голливуде, «конец фильма».

— Дэрик, ты все время служил в Штатах?

— Нет, я был в Западной Германии. Там, кстати, женился.

— Ты имеешь право брать жену с собой всюду, куда бы тебя ни отправили служить?

— В большинстве случаев. Запрещено, правда, это делать, если ты служишь, к примеру, на границе с Северной Кореей. Есть еще несколько исключений.

— Какую натовскую армию — я имею в виду ваших европейских союзников — ты считаешь наиболее боеспособной?

— Трудно сказать. Я очень уважаю западных немцев.

— А англичане?

— Крепкая армия. Но Фолкленды показали, что

ков штабов в Вашингтоне. Порой эти приказы противоречили друг другу.

— Об этом Уэстморленд и по сей день вспоминает.

— Верно, — Сориано поправляет противосолнечные очки на переносице, — во время вьетнамской войны он сильно страдал от отсутствия единого стратегического штаба, который бы мог руководить всеми американскими военными операциями в Юго-Восточной Азии.

«Бедненький Уэстморленд, — думаю я, — он страдал от отсутствия единого стратегического штаба. Еще, говорят, он здорово страдал от жары. Но задумывался ли генерал над тем, что вьетнамцы страдали и гибли под его, уэстморлендовскими, бомбами?»

Огромный плац, окруженный со всех сторон лесом, утыкан десятками пластмассовых фигур в человеческий рост. Каждая фигура «держит» здоровенную палку, имитирующую винтовку. У опушки установлен бак с водой. На нем кто-то нацарапал: «Дерьма нам не надо!»

— Солдаты! — орет сержант на всю округу. — Я хочу, чтобы каждый из вас сосредоточил все свое внимание на кончике штыка, прикрепленного к M-16-A1. Вы меня поняли?

— По-оняли!

— Вы меня поняли? Не слышу! Отвечайте, как подобает солдатам, а не девственницам! Вы меня поняли, солдаты?!

— По-о-оняли! У-а! У-а-а!!

— Если вы меня впрямь поняли, то слушайте дальше. За последнюю пару веков мужчины стали слабонервными и женоподобными. Наши прадеды, бывало, потрошили врага, отрубали ему руки-ноги саблями, выковыривали из черепа мозги, а после того шли с большим аппетитом завтракать. А мы?

КАК Я БЫЛ СОЛДАТОМ АРМИИ США

Артем БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Командир батальона рэйджеров, ветеран Вьетнама, полковник Роберт Хоффман.

у них серьезные проблемы с взаимодействием родов войск. Во время войны с Аргентиной английские сухопутные части, флот и авиация действовали сепаратно. Потому и потери были слишком большими для такого малого конфликта. Важно, чтобы как можно больше офицеров имели за плечами опыт работы в объединенном штабе родов войск. Иначе будет бардак. Между прочим, учения обычно хорошо выявляют такого рода недостатки. Когда я думаю о Фолклендах, я вспоминаю Клаузевица¹, его мысли насчет необходимости единоначалия и командования войсками из одного центра. Кстати говоря, большой проблемой Уэстморленда² во Вьетнаме было то, что он получал приказания не только из штаба Тихоокеанского командования³, но и из комитета начальни-

¹ Карл Клаузевиц (1780—1831) — немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал. Участвовал в войнах с Францией. С 1812 по 1813 год — на русской службе. Клаузевиц первым разработал положение о войне как продолжении политики.

² Генерал Уэстморленд — командующий американскими войсками во Вьетнаме.

³ Тихоокеанское командование — штаб ТК находится в Гонолулу на Гавайских островах.

Мы, конечно, еще способны выстрелить в какого-нибудь мерзавца с расстояния в тысячу ярдов⁴, но, упаси нас, увидеть, как он истекает кровью... Так вот, солдаты, ваша задача — преодолеть этот психологический барьер. Вы должны приходить в восторг при виде вражьего сердца, бьющегося на острие вашего штыка!

Роты внимательно слушают сержанта. Он стоит, широко расставив ноги. В каждом стеклышке его черных очков отражается солнечный диск. Указательным пальцем он смахивает с бровей пот.

— Солдаты! — кричит сержант. — Вам здорово повезло: где еще вы можете убивать, кромсать, резать противника на маленькие кусочки и получать за это деньги?! Запомните: быть на войне садистом — значит быть реалистом. Представьте, что напротив каждого из нас стоит живой противник. Звать его... э-э... Фред. Фред — мазохист. Он обожает, когда его пытаются, бьют, режут, протыкают насквозь. Давайте же осчастливим Фреда. Давайте дадим ему то, чего он так жаждет. Я сказал: давайте дадим ему!

— Давайте дадим ему! Давайте дади-и-им ему!! — отзываются хриплые солдатские глотки.

— Но надо знать, как. — Сержант подходит к пластмассовой фигуре. — Есть пять смертельных штыковых ударов.

⁴ Ярд — 0,9144 м.

Окончание. Начало см. №№ 46—48.

Он с ревом набрасывается на «Фреда», вонзает штык в пластиковую шею чуть ниже кадыка.

— Такой удар,— комментирует сержант,— заставит Фреда петь сопрано. А такой вот удар,— он бьет прикладом и лишь потом штыком,— в одну секунду отправит его на тот свет. Верно?

— Верно!

— Что-что?

— Верно! Ве-е-ерно!! — гремят солдаты.

— Надо помнить о том, что на том свете Фреду будет много лучше: туда ваш штык не доберется. Но в этой жизни надо быть садистом! Быть садистом — значит быть реалистом! Верно?

— Быть садистом,— кричат солдаты,— значит быть реалистом!

— Что вы там пишете? Или я имею дело с отрядом герлскаутов?⁵

— Быть садистом,— взрывается мощное солдатское многоголосие,— значит быть ре-а-а-лис-том!! У-а! У-а-а-а!!

Солдаты, с каждой секундой все более и более свирепея, отчаянно фехтуют вспыхивающими на солнце штыками. Что есть мочи орут:

— Убей! Убей!

В голове искоркой вспыхивает мысль: «Убей — кого? Меня?»

Фляга моя пуста. Я направляюсь в сторону бака с водой. Там, в тенечке, прячется от солнца паренек лет двадцати. Судя по эмблеме на его пыльной форме — шлем рыцаря-крестоносца,— он вестпойнтовец.

— Жара,— говорит он, оторвавшись от фляги,— так ее растак!

Две тоненькие струйки воды тянутся от уголков его рта вниз по шее, прячутся под воротник.

— Из Вест-Пойнта? — спрашиваю я, чтобы завязать разговор.

— Угу,— отвечает парень.— А ты?

Я представляюсь.

— Очень мило,— вдруг улыбается он.— Я Крисс Робинсон. Третий курс.

— Трудно к вам поступить?

— От башки зависит. Главное — получить рекомендацию от конгрессмена, представляющего твой родной штат в Вашингтоне. А для этого нужно пройти собеседование с ним, успешно сдать тест по физподготовке, ответить на целую уйму вопросов в анкете. Кроме того, в школьном дипломе должны стоять хорошие оценки по английскому языку, литературе и математике.

— Ты платишь за учебу или тебе платят?

— Мне,— отвечает Крисс, отгрызая кусочек ногтя на мизинце.— В месяц получаю 218 долларов. Это, конечно, поменьше заработка Фрэнка Карлуччи, но если учесть мамину и папины денежные переводы, то на карманные расходы хватает.

— У тебя есть научная специализация?

— Натурально. Моя последняя курсовая работа... — Крисс щурится, переводит взгляд на небо, глаза его скачут с облака на облако,— дай бог памяти... А! «Проблемы лидерства в армии».

— Звучит неплохо. Ты любишь армию?

— «Любишь» не то слово. Мне в армии хорошо. Армия — моя, так сказать, тарелка. Кому не нравится — может уходить на все четыре... Лет двадцать назад наша армия была скопищем неудачников. Некоторые даже гордились, что их жизнь пошла наперекосяк,— эдакая романтика шиворот-навыворот... — Тебе нравится принадлежать к армейской элите?

— Принадлежать к элите,— Крисс закидывает ногу на ногу,— всегда паршиво. Элиту не любят. Вот я из Нью-Йорка. Нью-Йорк — элита среди городов. Именно поэтому ньюйоркцев в Америке не очень-то жалуют. Пошли обратно на плац? А то решат, что я сачкую, сообщат в академию, а там начальнички быстрые на расправу — погонят меня взашей. Вставай, потопали...

Мы идем обратно. Солнце вяло плетется за нашими спинами. Как и час назад, солдаты орут каждые пять секунд:

— Убей! Убей!

Какой-то «Фред» не выдерживает — «замертво» валится наземь. Я подхожу к нему. Пластмассовые значки «Фреда» бессмысленно глядят в небо. Грудь исколота штыком. Лишь теперь я замечаю на его каске чуть выпуклую пятиконечную звезду. Я дотрагиваюсь до нее.

— Это не советский солдат! — кричит вдруг выросший из-под земли Билл Уолтон.— Я совершенно официально заявляю, что это не советский солдат.

— В таком случае,— спрашиваю я,— чей?

— Это,— Билл Уолтон садится рядом со мной на корточки,— это вне всякого сомнения... конечно же, э-э-э... вьетнамский солдат. Разве ты не видишь? Разве ты не видишь, что это вьетнамский солдат?! Кто же еще?! Конечно, это вьетнамец!

⁵ Скаутизм — распространенная в США система воспитания. Скаутские организации объединяют молодежь 8—18 лет и делятся на бойскаутские (мальчики) и герлскаутские (девочки).

— Переры-ы-ыв! — зычно кричит сержант.— Всем выпить воды!

Я опять дотрагиваюсь до звезды на каске «Фреда».

— Тебе его жаль? — спрашивает Билл.— Не печалься. Сейчас мы воткнем его в землю, и он опять оживет...

— Нет, Билл,— говорю я,— мне жаль вовсе не «Фреда». Мне жаль ваших ребят.

Лицо полковника Хоффмана было раскрашено серыми, коричневыми и зелеными пятнами, напоминало кошмарную галлюцинацию. Будто его обтянули маскировочной тканью взамен кожи. На этом фоне выделялись лишь глаза: две голубые точки внимательно следили за удаляющейся бабочкой.

Сложив по-турецки тощие ноги, полковник сидел на горячей траве. Вокруг под порывами ветра вскипала разноцветьем степь. Дрожал ковыль, гнулась к земле имурка, пьяно шатался шалфей.

Вдали, опоясывая нас тонким обручем, беспрерывно тянулась ниточка горизонта. Скользя по ней быстрым взглядом, Хоффман наконец ответил на мой вопрос: — Надо ли детям разрешать играть в войну? А почему нет? Пусть уж лучше ребенок с детства узнает, что родился на свет, находящийся в состоянии войны. Пусть к тому моменту, когда он подрастет, в его голове будет одной иллюзией меньше. По крайней мере такое воспитание честнее. Героизм воспитывается с детства. Бог благоволит к героям.

— К сожалению, чтобы стать героем, надо отдать свою жизнь.

— Не всегда. Настоящий солдат умеет ее сохранить. Кроме того, я всегда верил, что у героя есть тайный договор с Богом: храбрый человек так самоотверженно готов пожертвовать своей жизнью, что тем самым обязывает Бога защитить ее. Это старая рэйнджерская истина. Я часто повторяю ее своим ребятам в батальоне.

Хоффман говорил с таким значительным видом, что порой меня щекотало сомнение, а не издевается ли он?

Я продолжал внимательно наблюдать за ним. Полковник широкой ладонью осторожно погладил траву справа от себя. Словно волосы спящей женщины.

Он был по-прежнему смертельно серьезен.

— Герои, их дела и поступки, войны и войны,— все это невозможно измерять обычными понятиями добра и зла.— Хоффман поправил берет на голове.— Да и кто способен провести точную границу между добром и злом? Бог? Даже Он этого не сделал. Господь отделил свет от тьмы, сушу от воды. А добро от зла? Это Он оставил решать нам. То, что считается скверным и ужасным в поведении наших противников, становится хорошим в поведении нас самих. Или наших друзей. То, что сегодня мы одобряем, завтра клеймим как нечто возмутительное. Не секрет, что иной авторитарный строй больше соответствует американским интересам, чем демократический. В свою очередь, Россия лучше ладит с иными монархами, чем с народными правительствами, приходившими на смену. Разве нет? Так что не надо мешать масло с водой, а мораль — с политикой.

Я оглянулся вокруг. Степь лежала навзничь. В забытых. Невидимым гребнем ее любовно расчесывал ветер. Дышал он порывисто, шумно. Обдавал меня пряными запахами чужой, неведомой земли.

Вдруг подумалось: если бы я был художником и мне предложили написать портрет классического американского рэйнджера, я попросил бы позировать полковника Хоффмана. И не потому, что на его рукаве красовалась нашивка «Рэйнджеры первыми прокладывают дорогу!». И даже не потому, что он был прославленным командиром рэйнджерского батальона. Дело в ином: мозг этого человека был мозгом рэйнджера.

История рэйнджерских подразделений уходит в глубь веков. И хотя впервые они приняли участие в боевых действиях под командованием капитана Бенджамина Черча, «отцом» рэйнджеров считается легендарный майор Роберт Роджерс, родившийся в Америке 7 ноября 1731 года. Юношью провёл он в Нью-Гемпшире, где еще мальчишкой досконально освоил партизанскую тактику индейцев. Потом успешно применил ее во время боев с французами близ местечка Краун-Пойнт. Уже в 1758 году под его началом действовали девять рэйнджерских рот. Роджерс первым сформулировал устав и основы рэйнджерской тактики, среди которых до сих пор не потеряли актуальность такие положения, как «никогда ничего не забывай», «никогда не возвращайся в базовый лагерь прежней дорогой», «когда нет пуль, применяй штык и кулак» и пр.

Война была его стихией. Мир тяготил Роджерса, казался безвременьем: от безделья он пустился в финансовые махинации. Боевые заслуги не спасли

его от карающей десницы закона. Вынужденный скрываться, Роджерс бежал в Англию. Там он написал две книги и пьесу о своих похождениях, разбогател и вскоре вновь был отправлен в американскую колонию — командовать Фортон Макланек. Опять проштрафился. Прячась от властей, вернулся в Англию. Там влез в долги и по сей причине прочно сел в тюрьму. Прослышав о начавшейся в 1775 году революции в Америке, бежал из тюрьмы, воротился в Новый Свет и предложил свои услуги Джорджу Вашингтону. Однако мудрый генерал испытывал такое недоверие к ветерану-рэйнджеру, что приказал его арестовать. Но война была для Роджерса милей, дороже, чем родина, и он переметнулся на сторону англичан, став очень скоро во главе нескольких рот королевских рэйнджеров. Фортуна вновь круто изменила ему: он потерпел серию военных неудач и был вынужден удрать в Англию.

Вслед за успехом его бросила жена. После этого Роджерса ожидал еще один, последний в жизни бой. Бой с бутылкой. Рэйнджер проиграл его. Спившись, он умер в полной нищете 18 мая 1795 года в Лондоне.

Эта вот веселая-невеселая, лихая шестидесятилетнелая жизнь стала истоком того, что двумя веками позже вылилось в мощные диверсионно-разведывательные подразделения армии США.

С 1945 года и по сей день в США не прекращаются дебаты вокруг элитарных частей и подразделений, к которым в первую очередь относятся рэйнджеры. Защитники «теории военной элиты» основывают свои доводы не только на классических концепциях, но и на реальных выводах из исторического опыта. Их противники утверждают, что наличие элиты негативно воздействует на моральный дух армии, что регулярные части теряют лучших сержантов, переманиваемых в специальные подразделения. Что относительно малочисленные по составу рэйнджерские отряды сковывают, заставляя работать на себя, слишком большие силы поддержки (артиллерия, авиация, боевая транспортная техника), которые могли бы применяться более эффективно. Пожалуй, определеннее всех высказался генерал Фредерик Кроусен (ныне в отставке), командовавший во Вьетнаме 23-й пехотной дивизией. Он неоднократно отмечал, что к слабым сторонам рэйнджерских подразделений относятся их нежелание оставаться в зоне боевых действий дольше заранее установленного (обычно очень короткого) срока времени; повадки и замашки примадонны; привычка в случае малейшей угрозы или соприкосновения с противником вызывать на помощь вертолеты и десант...

Однако подобные споры не помешали созданию в 1984 году (по особому распоряжению министра армии Джона Марша) отдельного 75-го рэйнджерского полка.

Впервые после вьетнамской агрессии рэйнджеры были задействованы в реальной боевой операции во время знаменитого «освобождения» американских заложников в Иране в 1980 году. И хотя они непосредственно не входили в состав группы «Дельта», предпринявшей безуспешную попытку спасти заложников, отряды рэйнджеров были размещены на нескольких авиабазах в районе Ближнего Востока. В задачу отрядов входило обеспечение безопасности заложников во время их планировавшейся переброски на более «дружественную территорию». Однако операция с треском провалилась: услуги рэйнджеров не понадобились.

Во время агрессии США против Гренады 25 октября 1983 года 1-й и 2-й батальоны рэйнджеров десантировались на крохотный остров с критически малой высоты — 500 футов⁶. Жестоко расправились они с инакомыслием островитян. Военный успех этой карательной операции и воодушевил Пентагон на создание отдельного рэйнджерского полка. Правительство США официально поставило перед ним следующие задачи: **проводить** «боевые операции в поддержку политики Соединенных Штатов Америки, специальные операции против объектов в глубоком тылу противника, операции совместно с регулярными подразделениями, спасательные операции; **защищать** граждан США, сотрудников посольств США, американские инвестиции и собственность за рубежом Соединенных Штатов; **демонстрировать** повсеместно в мире готовность и решимость США отстаивать свои национальные интересы»...

— Да,— повторил полковник Бобби Хоффман,— не следует мешать мораль с политикой. Пустое это дело.

Фраза эта вернула меня из мира воспоминаний в мир реальностей.

Мы по-прежнему сидели посреди степного разнотравья в ожидании вертолетов: предстояло тренировочное десантирование в одном из районов соседней Алабамы.

Полсотни солдат из батальона Хоффмана разбили на отдельные корабельные группы — человек

⁶ Фут — 0,3048 м.

по двенадцать в каждой: ровно столько вмещает «Блэк хок»⁷.

Вскоре послышался далекий рокот вертолетных двигателей.

— Люблю эту музыку, — Хоффман указал глазами куда-то в сторону горизонта. — В ней нет обмана.

Две урчащие точки долго летели над лесом. Потом скрылись из виду.

— Наши прилетят, — полковник строго глянул на часы, — минут через двадцать. Начало операции — ровно семьсот⁸. Подождем еще малость.

Он откинулся на спину, подложив руки под голову. Я спросил его:

— После Вьетнама не кажется ли вам служба в Форте Беннинг лирическим отступлением от главного дела жизни?

— Кажется. Но, во-первых, человеку иногда надо отдыхать от пуль, во-вторых, кто-то должен передавать опыт молодежи. А, в-третьих, Форт Беннинг — очень непродолжительное «лирическое отступление». Скоро мне, как я понимаю, предстоит перебраться в Западную Германию. Кстати говоря, командир Форты Беннинг, двухзвездный генерал Льюер, видимо, тоже через несколько месяцев окажется в Федеративной Республике. На сей раз в качестве командующего группой американских войск. А здесь мне нравится. Нравится наблюдать, как всего за 58 дней мы превращаем какого-нибудь пехотинца-расхлебав в настоящего рэйнджера. Каждый год мы готовим для армии около трех с половиной тысяч рэйнджеров. Обычно это люди от 22 до 28 лет. Всего 14 классов. В каждом по 255 человек. Ребята тренируются и в пустынях, и в горах, и в условиях болотистой местности. Беннинг — одна из стадий их подготовки. Если общеобразовательные спортивные нормативы зависят от возраста солдата или офицера, то для рэйнджеров нет скидок на годы. Генерал Льюер — рэйнджер. Ему 56 лет. Однако во время теста по физподготовке он должен уложиться в те же нормативы, что и двадцатилетние юнцы. Чтобы попасть в рэйнджерскую школу, нужно быть офицером или сержантом, но лишь мужского пола. Кроме того, необходимо сдать спортивный экзамен: отжимы от земли (52 раза за две минуты), качание пресса (62 раза за две минуты), подтягивание и бег (две мили за 14 минут 54 секунды)... Подсевший к нам молоденький капитан Хорс добавил:

— Еще надо сдать экзамен на выживание в воде: проплыть с полной боевой выкладкой 15 метров, не замочив при этом M-16; сделать это же, но с завязанными глазами; находиться под водой и не имея возможности дышать, снять с себя башмаки, все ремни, одежду и лишь после этого всплыть на поверхность.

— Да, — сказал полковник, — есть масса требований к тем, кто хочет попасть в нашу школу. Необходимо иметь талант лидера, уметь оказывать первую медицинскую помощь в боевых условиях, ориентироваться на местности без карты, корректировать огонь артиллерии, наводить авиацию, пользоваться рацией, вести разведку боем... Всего не перечислить. Но уметь надо! Я прав, капитан?

— Как всегда, — с улыбкой отозвался тот. — Однако главная задача школы рэйнджеров — воспитывать лидеров, командиров, которые могли бы потом передать свое умение подчиненным солдатам. Ведь всю армию через школу не пропустишь...

Хоффман почесал затылок:

— Лидера невозможно назначить. Им можно стать лишь естественным путем — в процессе отбора. Как в волчьей стае. Кстати, есть несколько точек зрения на сей счет. Одни утверждают, что истинным лидером является человек, способный на деле доказать своим солдатам, что он тот самый командир, который может успешно провести операцию и сохранить их жизни. Другие говорят, что в основе таланта лидера лежит способность пробудить в подчиненных желание исполнить твой приказ. Не заставить, а именно пробудить желание подчиниться твоей воле. Школа рэйнджеров поможет тому, в ком врожденный талант лидера проявлен слабо, победить неуверенность в себе, понять ее причины и, наконец, избавиться от них.

Далеко на востоке послышалось едва уловимое гортанное рычание. От опушки леса отделились четыре маленькие точки. Потом появились еще две. Они начали быстро расти и скоро превратились в шесть грохочущих «вертушек» — четыре «Блэк хока» и два вертолета огневой поддержки десанта. Ураганный ветер, поднимаемый несущими винтами, провел ровный пробор в траве метров на тридцать.

— Не сдуло бы, — пошутил Хорс, втыкая в уши две пластмассовые затычки. Хоффман и я последовали его примеру.

— Во Вьетнаме, — крикнул полковник, приставив ладони ко рту, — «Хью»⁹ в отличие от «Блэк хоков»

были на лыжах. Для облегчения веса и увеличения грузоподъемности. Но потом фирмы Сикорского и «Макдонелл-Дуглас» перешли на шасси.

...Четыре корабельные группы забираются в вертолеты. Я сажусь рядом с полковником и капитаном. Пристегиваюсь ремнями.

Борта «вертушек» сделаны из обычной нержавеющей стали. Бронированы лишь сиденья.

Обе двери открыты, сквозняк ветер холодит разгоряченное солнцем и бегом лицо.

Первыми от земли отрываются вертолеты огневой поддержки. Чуть позже — четыре «Блэк хока». Наша «шестерка» набирает скорость и идет метрах в двадцати над землей и приблизительно пяти — над верхушками деревьев.

После Афганистана все это напоминает какой-нибудь средний аттракциончик в ЦПКиО имени Горького. Даже когда при резком повороте вертолет валится вдруг на бок и лишь центробежная сила да ремень мешают тебе вывалиться вниз через распахнутую дверь.

Хорс растирает тонкими указательными пальцами бледные виски. На лице Хоффмана греется слабая улыбка.

Минут через пятнадцать командир экипажа резко сбрасывает скорость. Вздвывая клубы пыли, земли и песка, вертолеты садятся. Фонтанами из каждой двери выскакивают рэйнджеры, бегут метров двадцать, падают, занимая круговую оборону.

Посверкивая синими проблесковыми маяками, над нашими головами кружатся вертолеты огневой поддержки. Дождавшись взлета «Блэк хоков», они все вместе, вшестером, набирают высоту, быстренько уходят за горизонт.

Песок вперемешку с пылью колет глаза, скрипит на зубах.

— Издержки войны, — улыбается Хоффман, сплевывая сгустки серой тяжелой слюны.

— Поздравляю! — машет рукой Хорс. — Рэйнджеры в Алабаме. Сейчас мы ее мигом завоюем.

Где-то вдалеке послышалась автоматическая стрельба, крики: видно там, ближе к реке, сшиблись две разведки.

— Гой! Вперед! — сдавленно, хрипло кричит сержант Трейди Пью и кончиком языка облизывает сухие, обескровленные губы. В его правой руке — M-16, в левой — свежеструганная ясеневая палка.

Коротенькими перебежками мы рысим в сторону опушки. Под ногами хрустят бурьяны, кусты дикого терна. Позвякивая лопатками, магазинами, гранатами и винтовками, впереди галопируют четыре сухонькие фигурки. За ними спешит «штаб» из трех человек — командир группы, радист и пулеметчик. Это «Альфа». Чуть позади пылит «Браво». Рэйнджеры четко держат расстояние: десять метров между десантниками, двадцать — между «Альфой» и «Бравом».

Вдали — изгиб проселочной дороги. Вдоль нее неровным строем, словно с похмелья, едва стоят почерневшие от времени и дождей столбы «высоковольтки». Трейди Пью поднимает правую руку: мы мигом приседаем на правое колено. По очереди пересекаем дорогу, идем еще мили три-четыре и, не доходя двадцати метров до змеи извивающейся тропинки, покрытой, словно чешуей, осклизлыми прошлогодними листьями, ложимся на сырую землю: засада.

Хоффман отворачивает крышку фляги, жадно пьет теплую воду. Хорс снимает каску, платком цвет хаки вытирает змысленные лоб и шею.

Слева от меня лежит на брюхе, упершись локтями в землю и широко разбросав ноги, рэйнджер с конопатым надменным лицом. Это, похоже, один из тех парней, которые могут остановить на улице любую, самую неприступную красотку и без обиняков, прямым предложением: «Хочешь со мной в койку?» За вопросом обычно следует звонкая пощечина. Но смак-то не в ней. Смак в вопросе!

— Засада на войне, — тихо говорит посвежевший Хоффман, — была суррогатом счастья: хоть чуток можно было отоспаться. Правда, если «отрубался» и часовой, то сон иной раз становился вечным. У нас даже была поговорка: засада свыше нам дана — замена счастья она.

— Спи, солдат, — почему-то шепчет Хорс, — бог хранит твой покой.

— Сколько вы проторчали во Вьетнаме? — Я поворачиваю голову в сторону полковника.

— Два тура. Последний — в 1972 году. Было мне тогда двадцать четыре. Чуть помоложе тебя. А когда всю эту кашу заваривали, думал, война продлится от силы год. В итоге все растянулось на долгие годы. С 59-го по 75-й год через Вьетнам прошло более 2,7 миллиона американцев. 58 тысяч из них погибли. 300 тысяч были ранены. Почти две с половиной тысячи человек пропали без вести или оказались в плену...

— Никто никогда ничего не знает, — говорит капитан Хорс. — В 69-м всю информацию о потенциальных возможностях «чарли» и Северного Вьетнама, об

американском экспедиционном корпусе в Юго-Восточной Азии, о ресурсах всех завязанных в конфликте сторон, — словом, все это заложили в память пентагоновского компьютера. А потом спросили машину: когда же, черт побери, Америка победит? Электронный мозг выдал быстрый ответ: уже победила. Пентагоновцы попросили уточнить ответ. Компьютер уточнил: Америка победила в 1964 году. Однако война развивалась не по законам электронной логики...

Над нашими головами, в беспредельной небесной вышине, безмолвно плывут два истребителя. Выбросами реактивного топлива они перечеркивают небо. Слышно, как полыхает над нашими головами белое солнце.

— Еще не успев начать ту войну, — Хоффман снимает часы, трет правой рукой запястье левой, — мы проиграли ее на домашнем, внутриамериканском фронте. Нация не поддержала военных. Журналисты настроили страну против ее же армии.

— Я знаю многих ваших журналистов, работавших во Вьетнаме, — сказал я, а сам подумал: борьба с журналистским инакомыслием, видно, — любимое хобби американских офицеров. — По-моему, они не ставили перед собой такой цели. Их задача была в другом — информировать страну о том, что происходит там, где гибнут дети Америки. Америка обязана была об этом знать. Если бы она НЕ знала, то не поднялась на антивоенную борьбу и во Вьетнаме погибли бы не 58, а 158 тысяч. Так что, может быть, журналисты были единственными героями той войны. Но вот позиция Пентагона была весьма странной: заставить страну не думать о Вьетнаме, затруднив работу репортерам, сделав трупы солдат, «не подлежащими осмотру».

Рот Хоффмана кривится в улыбке. Хорс что-то внимательно разглядывает, уткнувшись в бинокль. А мне вспоминается та знаменитая инструкция, касавшаяся сопровождения цинковых гробов из Вьетнама в Соединенные Штаты. «...Каждому усопшему должен быть предоставлен гроб и сопровождающий его человек... особое внимание следует обратить на выбор сопровождающего, который мог бы успокоить членов семьи умершего и оказать им посильную помощь. Задачей сопровождающего является обеспечение воздаяния усопшему почестей, достойных павшего воина Вооруженных сил Соединенных Штатов. В его обязанности входит: 1. По всем пунктам следования проверять сохранность ярлыков на гробах; 2. Принимать меры к тому, чтобы родственники не вскрывали гроб, в случае если надпись на ярлыке гласит, что останки не подлежат осмотру. Помните что «не подлежат осмотру» именно это и означает...»

Не потому ли инструкция эта вспоминается мне столь отчетливо, что нечто аналогичное приходилось слышать и в Афганистане?

— В пору Вьетнама, — продолжает Хоффман, — меня всегда бесило, что те люди, которые больше всего возмущались нашими действиями в Азии, служили в армии избегали, воевать не шли. Зато сегодня мы поменялись местами. Вьетнам уж больше не позор, а заслуга. А вот тот, кто кричал на перекрестках: «Детубийцы! Детубийцы!» — тот остался в дураках.

Да, думаю я, Америка действительно сделала многое для того, чтобы «героизировать» историю вьетнамской агрессии. Но интересно, как будут относиться американцы к ветеранам той войны и самому вторжению лет через десять?

Хоффман берет у Хорса бинокль. Но не глядит в него. Вертит в руках. Левая бровь его нервно изгибается, мелко дрожит.

— Мне, — говорит он, — довелось участвовать в самой последней, причем официально зарегистрированной, боевой операции американских подразделений во Вьетнаме. Дело было осенью 1972 года. Войска уже выводились. Самое страшное — погибнуть в завершающий день войны. Боевым лозунгом солдат в ту осень стала фраза: «Спрячься и вернись домой живым». Никому не хотелось стать «последним американцем, убитым во Вьетнаме». Как говорится, мы все сидели на чемоданах. Обычная боевая задача «обнаружить противника и уничтожить» постепенно свелась к «остаться любыми средствами живым». Вывод войск не принес радости. Он лишь обострил в солдате ощущение, что его обманули. Ни виски, ни наркотики, ни курево не могли вытравить из души это ощущение. Дома война уже была признана ошибкой и преступлением, а нам все еще приходилось сидеть в окопах. Как вспомню те дни — зубы ломить начинает.

— Вы упоминали о последней операции во Вьетнаме... — говорю я.

— Ах, да. Последняя операция, так ее и раззатак! Я был тогда в войсках специального назначения — «зеленым беретом». На боевые мы ходили не с M-16, а с АК-47. В условиях джунглей ваш автомат лучше, верней: не так рикошетит — пуля-то потяжелее, да и скорость ее поменьше. Калашников — молодчина,

Окончание на стр. 25.

⁷ «Блэк хок» — современный военный вертолет ВВС США, предназначенный для высадки десанта (ЮШ-60-А).

⁸ Имеется в виду, что тренировочная операция по высадке десанта начнется ровно в 7.00 утра.

⁹ «Хью» — вертолеты ВВС США времен вьетнамской войны.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

РАМПА

Александр СИДОРОВ
Николай КОЗЛОВСКИЙ (фото)

Резникович не стал для Новосибирска своим режиссером. То, что рано или поздно он оставил бы «Красный факел», ясно было каждому — и противникам, и сторонникам. Квартира, где он жил в Новосибирске, четырехкомнатная, в престижном доме «ветеранов партии», во всем имела печать временности, необременительности — с минимумом случайной мебели и общепитовским кухонным «хозяйством». Так живут многие режиссеры. Меняя каждые 4—5 лет города, они боятся «аборигенизаться», пустить глубокие корни, дабы расставания были скорыми и легкими. У кого как, но расставания Резниковича легкими не назовешь.

— Михаил Юрьевич, ну зачем вы так? Мы чем-то вас расстроили?

Разгримировавшись, актеры шли после премьеры к выходу. «Старики» переживали очень, у иных блеснули глаза, молодые не так, внешне были сдержанны, даже безучастны. Впрочем, кто их ведает. Когда-то в фильме «Успех» сцена прощания артистов с режиссером казалась мне надуманной. И вдруг всю степень ее житейской всамделишности я ощутил именно здесь. Немного словная, неистеричная, как могло бы, казалось, произойти, мука расставания витала в театре.

Приход Резниковича в Новосибирск «языки» связывали со скандалом в Киевском театре имени Леси Украинки, где он был главным режиссером. Ситуация тривиальная: театральные склоки, в которые любит вмешиваться начальство. До конца осознать правомочность всех своих наказаний и вознесений не смог и сам режиссер. Результат? Отставка. Внешне вполне деликатная. Как говорится, люди-то культурные. Безусловно, это обстоятельство сыграло свою роль в приходе Резниковича в Новосибирск, однако было и другое. Был возраст, те самые пятьдесят, при которых жизнь в театре умные люди уже не меняют, но и возраст, когда страшно хочется опровергнуть аксиому умных людей. Что делать с сущностью художника, когда мучит, мозжит в сознании одна чрезвычайно провокационная мысль: «А что если попробовать враз начать сначала. Поддаться разбираемому куражу — вдруг получится?»

Этого куража боятся все режиссеры. Звания и регалии лишь усугубляют страх перед ним. И хочется затоптать кураж поглубже — так спокойнее, хотя на самом-то деле это и не кураж вовсе, а рвущаяся наружу сущность художника, сущность человека, как вечного странника.

Что ж, Резниковичу многое удалось на этом пути. Он, безусловно, «прошел» на строптивой, норовистой труппе «Красного факела». Он поставил несколько спектаклей, и всякий раз последующий спектакль был лучше предыдущего. Он, наконец, понял, точнее, своим опытом проверил давнюю догадку столичного режиссера, что такое провинциальный театр. А поняв, решил, что в бытующем виде он существовать не должен. Довелось ли понять незнакомое, почувствовать неведомое? Едва ли. Тем не менее вновь ощутить процесс творчества, который и представляет истинную ценность искус-

ства для художника, скорее всего, да.

И все же.

— Положение главного режиссера в областном, не говоря уже о городском, театре трагично, — настаивает Резникович. — Берем рядовую, стандартную ситуацию. Театр возглавляет более или менее профессиональный человек — не деспот, не склочник и прочее. Тотчас режиссер должен решить ряд наиважнейших для жизнедеятельности театра задач. Прежде всего всеми правдами и кривдами необходимо занять в репертуаре всю труппу. Иначе от безделья труппа растерзает режиссера. На это уходит два сезона. К третьему сезону выясняется, что одна группа артистов может и хочет работать, другая не хочет, а третья не может работать. К третьему году точки в отношении труппы расставляются. Образуется короткая передышка, а затем те актеры, которые осознали свое невыигрышное положение, осознали, что с их способностями режиссеру все ясно, начинают «заварушку». Длится она год, не более. И обычно в конце сезона «группа» выталкивает режиссера из театра. Затем трехгодичный цикл повторяется с новым главным режиссером. Я не говорю, что причина моего ухода состоит в этом, просто говорю о типичной ситуации. Самое же ужасное, что задачи, которые в эти три года вынужден решать главный режиссер, ничего общего с творчеством не имеют. К сожалению, иной формы работы театра мы не знаем. Воспитаны мы — и режиссеры, и актеры — именно в подобной традиции. За двадцать пять лет работы в театре я работал всего в трех коллективах — Московском театре имени Станиславского, Киевском театре имени Леси Украинки и здесь, в Новосибирске. В театре отдаешь себя работе до конца. И поэтому расставаться бывает тяжело. Что-то ты отдал сокровенное и дорогое, что-то приобрел. Установились творческие и человеческие связи... Но жизнь диктует выбор. Сама система внутритеатральных обстоятельств запрограммирована на такой поступок. Происходит это незаметно. Но уже первый день работы в театре — ступенька, приближающая тебя к расставанию. Когда-то я учился на физфаке и театральную ситуацию поэтому часто уподобляю моменту накопления критической массы радиоактивного вещества, после которого происходит взрыв. Театр сегодня всем своим устройством чреват критической массой.

Может, это какой-то закон, но происходит так, что спустя пять — семь лет искусство кончается, и театр превращается в прокатную площадку. У режиссера и актеров нарабатывается инерция стиля, инерция наработанного опыта, выраженного в сумме приемов. В этих параметрах театр начинает чувствовать себя уверенным, спокойным. И я знаю точно, театр, у которого есть лишь «одна входная дверь», превращается в систему, которая обслуживает только себя. Такие родственные отношения... Поэтому, чтобы театр также был «ездой в незнакомое», нужно найти в себе смелость разойтись. Актеры и режиссер должны иметь такую возможность.

Конечно, такой театр, такая его форма влекут за собой много проблем.

Я имею в виду социальные гарантии — прописка, жилье...

Сегодня этих гарантий нет. Иной раз я говорю о порочности организации постоянно существующей труппы в стационарном театре, о балласте, который растёт с каждым годом и от которого творчество задыхается. Но всякий раз при этом думаю: а что делать актеру, у которого буквально за душой ни кола ни двора. Из Вологды в Керчь, а из Керчи?.. И везде неустраиваемость быта. И какое чисто человеческое право тогда осуждать актера за то, что он врастает в театральные стены намертво, навсегда. Тем самым искусство подменяется борьбой за жизнь, за существование.

Премьерой «Дворянского гнезда» «Красный факел» завершил некий этап своей жизни. Так ощущалось, и чувство это усиливалось самим спектаклем, неожиданно жестким для наших трафаретных представлений о Тургеневе, с темой вызревающего в душах духовного начала. Подписывая актерам, занятым в спектакле, программки на память — давнишняя традиция провинциального театра, как-то канувшая в Лету в поточности общего театрального производства, режиссер размышляет:

— Духовность надо выстрадать. А для этого надо страдать. В свою очередь, во имя страдания «душа обязана трудиться»... И так далее. Длинная это цепочка. Об этом, пожалуй, и ставил Тургенев. Чтобы выразить это языком театра, нужно долго и подробно репетировать. Месяцы, иногда; может быть, год, полтора... Но в театре есть план. И независимо от того, хорошо или плохо к тебе относится администрация театра, работа ориентирована на то, чтобы быстро выпихнуть спектакль. В столице еще встречается случай, когда можно репетировать месяцами, в областном центре — нет. Понимание этого приводит порой в отчаяние. Твой опыт, интуиция подсказывают, что надо еще работать, что еще немного — и в работе наступит качественный перелом, а вместо этого ты своими руками выпихиваешь спектакль. В результате — полусуспех, неудовлетворение и горечь. Сориентированная таким образом, наша театральная система во многом способствовала размыванию профессиональных критериев. В режиссуре стали как бы необязательными основы профессии. Мучительные поиски внутренней природы чувств автора, поиски исходного события, умение столкнуть артистов в творческом конфликте спектакля — все это для целого поколения режиссеров «темный лес» или излишества. Между тем это кирпичики профессии. Когда-то Товстоногов, у которого я учился, говорил, что есть много режиссеров, которые не знают, что им делать спустя два месяца репетиций. Хотя, по логике, по профессии, знаю, сколько раз сам убеждался, что чем больше репетируешь, тем больше вопросов и неясностей. Если это настоящая драматургия, то движение вглубь практически неограниченно. Парадокс, но действующая театральная практика является оправданием скороспелой, халтурной работы, такого понимания профессии. Главное, что все можно списать на нехватку времени.

Мы год работали над «Дворянским гнездом». Чем такая работа обернулась

для театра? В спектакле сложная, многопредметная декорация, и, чтобы выполнить какую-нибудь деталь конструкции, приходится обращаться к мастерам. Оплата по договоренности, что быстро, как правило, качественно и удобно, потому что без бумажного идиотизма. Но откуда деньги? Из фонда заработной платы. В итоге перерасход. Как следствие, актеры не получают премиальных. В расчет берется лишь перерасход, учитываются только конторские начала. Ни уровень художественности, ни качество и напряжение работы на материальном вознаграждении не отражаются. Житейская логика подсказывает, что создавать спектакли глубокие, заниматься искусством невыгодно. А в провинциальных театрах — невозможно. Поэтому как решить эту вечную, окающую для театра проблему: свести его полюса — места, где творится искусство, и места, где его продают, — не знаю. Быть может, это и не разрешимо вовсе? Думаю, каким-то театрам Союз театральных деятелей должен помогать материально. Ведь поиски театра должны поощряться, а не быть чреватых финансовым крахом. Режиссер, от которого можно ожидать чего-то значительного и глубокого, должен иметь возможность репетировать долго, столько, сколько подсказывает ему его профессиональное чутье, его талант...

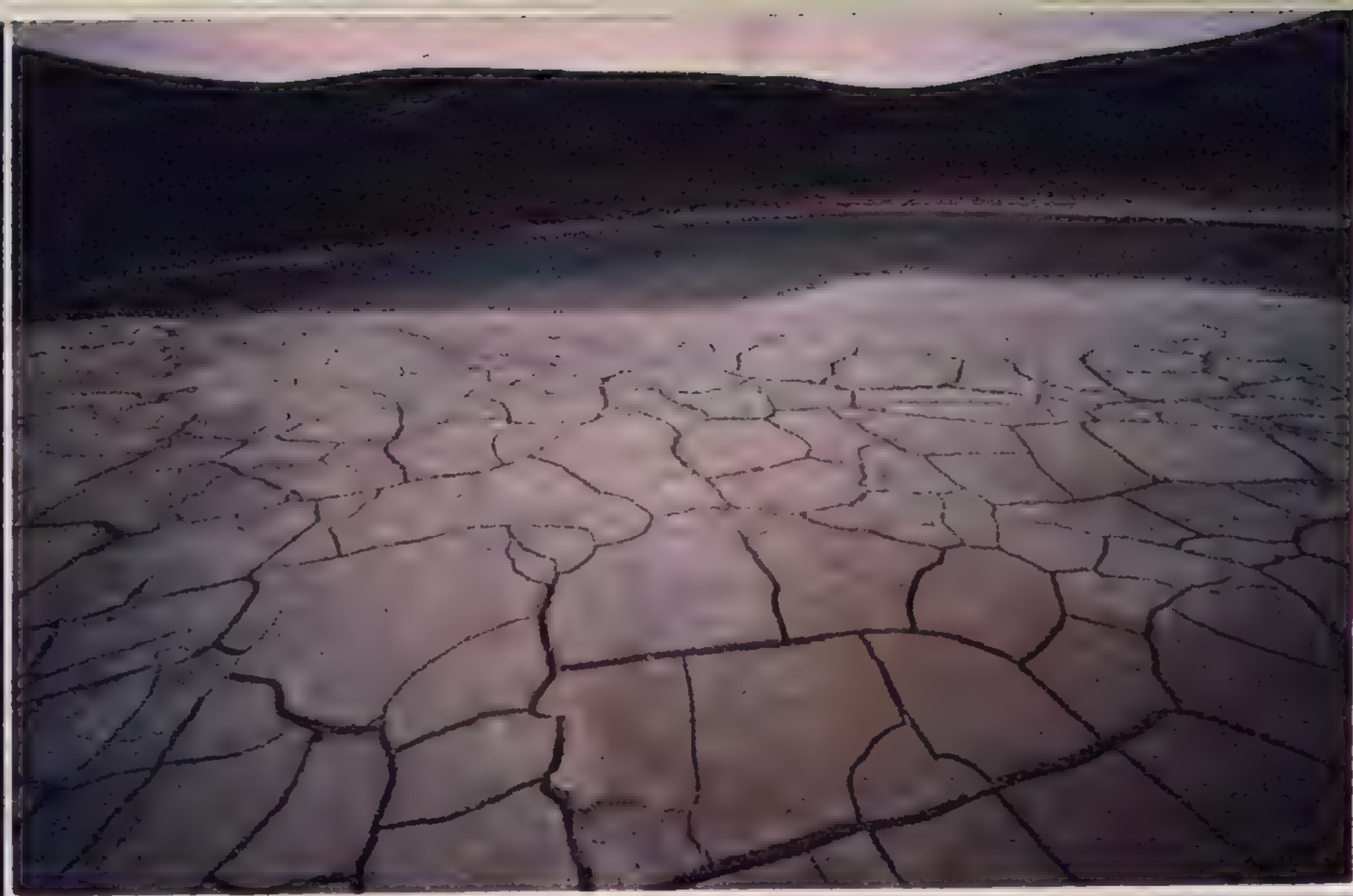
Признаюсь, я долго не задумывался всерьез над вопросами театральной этики, находясь в эйфории абсолютной, казалось бы, ясности этого вопроса. Смысл моих тогдашних представлений сводился к призывам типа «начни с себя» или «если каждый бросит себя на алтарь искусства»... Все это утопии, химеры, к реальной жизни и театру не имеющие никакого отношения. А в театре между тем уравниловка, и это основа его экономических отношений.

Ни одна труппа не может состоять из одних звезд. В труппе обязательно должны быть люди, честно делающие свое дело в малых ролях. Они должны быть уважаемы, их труд — хорошо оплачиваемым. Увы, но пока все это теории. Как правило, в труппах наших театров тридцать Гамлетов, столько же Лаврецих... Мы боимся себе в этом признаться. Беды, рожденные в нашем театре, перекладываем на других. Нам мешают чиновники, партийные функционеры... Что за этим стоит? Страх. И если говорить о наших болячках откровенно, то можно утратить и без того сильно пошатнувшуюся популярность театра. Но это тайна лишь для непосвященных. Поэтому, с одной стороны, знаем, что механическое большинство в искусстве не должно ничего решать, а с другой — именно оно-то все и решает... В запальчивости Резникович машет рукой. Наболело...

Замечательный грузинский режиссер Михаил Туманишвили написал хорошую книгу «Режиссер уходит из театра». Примерно в то же время один не самый дурной чиновник, ведающий вопросами театра, написал книгу «Режиссер приходит в театр». Два полюса, две крайние точки... Что между? Некое временное пристанище или часть жизни? Хотелось бы, чтобы второе, как, по-моему, случилось с Михаилом Резниковичем.

ФОТОВЕРНИСАЖ

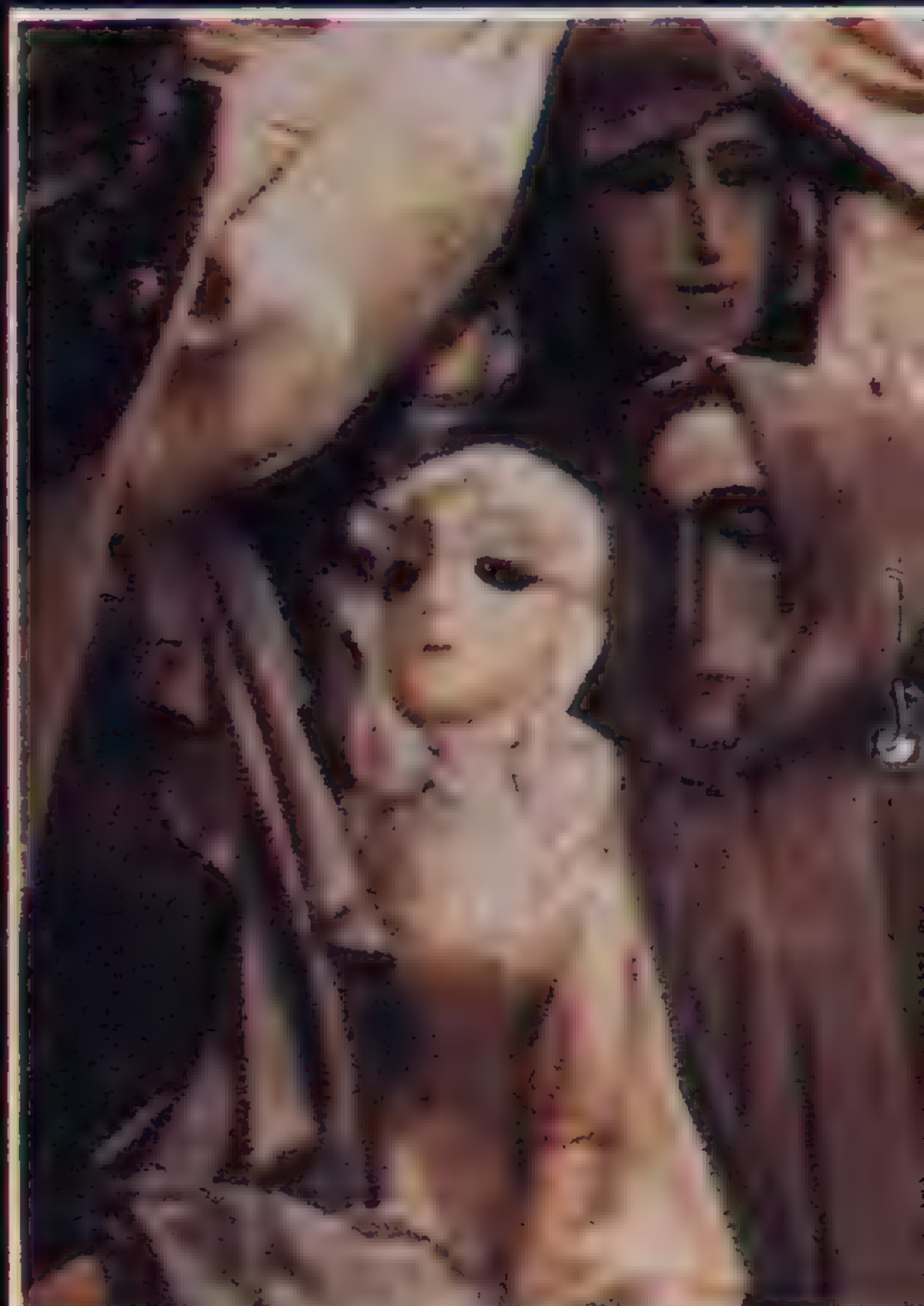
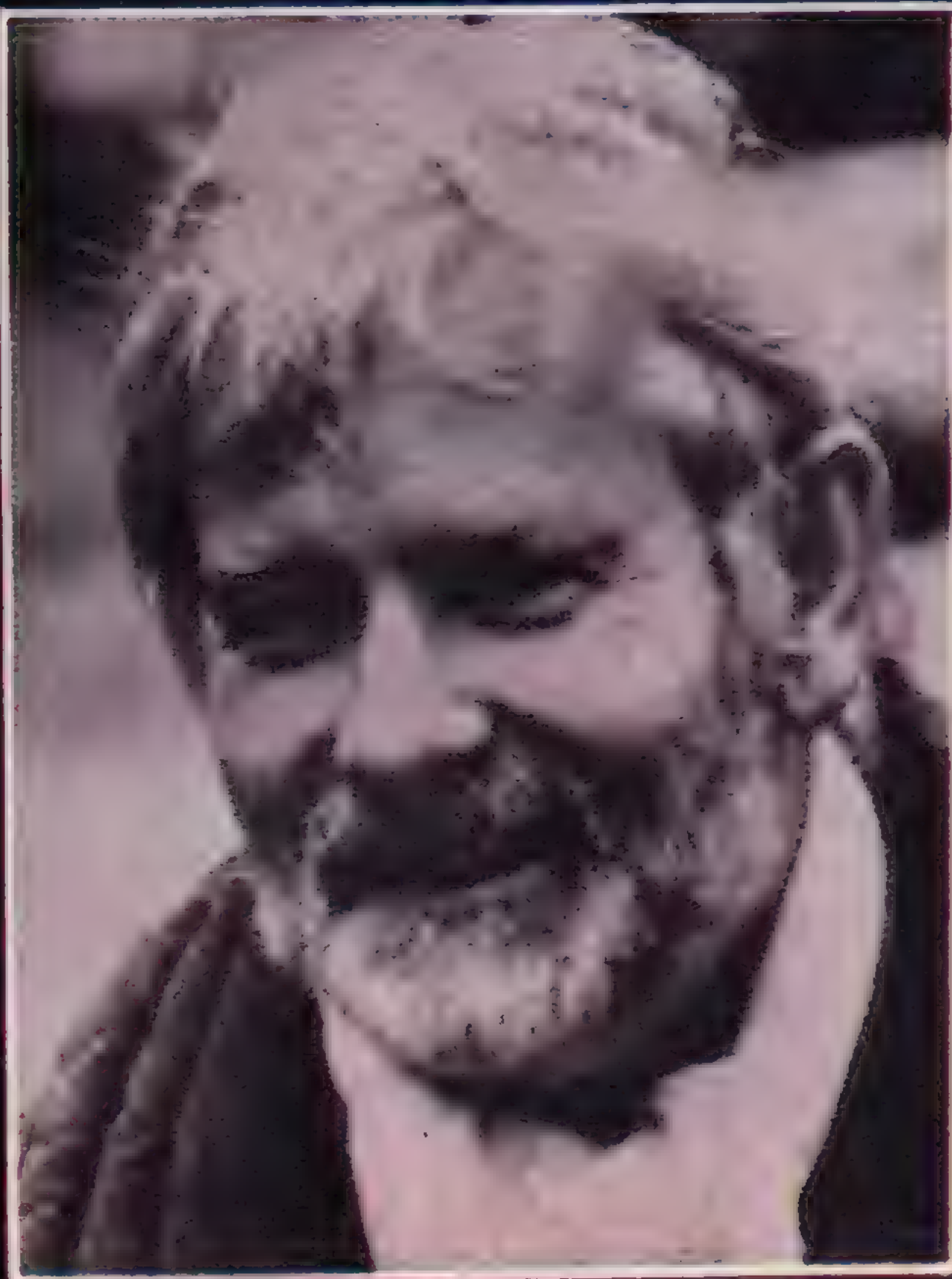

О ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ...

Марина ЗАСЛАВСКАЯ

В мастерскую соседа-фотографа он попал четырехлетним мальчиком. Следил за тем, как плотный, белый лист бумаги словно по волшебству превратился в картину, на которой все было настоящим, узнаваемым и все же чуть иным, чем в действительности. По-

трясение, испытанное в той далекой, погруженном в красноватую полутьму комнатенке, помнит до сих пор. Именно тогда — ровно пятьдесят лет назад — он решил стать фотографом. Сегодня имя фотохудожника из ФРГ Ханса Зивика известно не только у него на родине, но и в Бельгии, Швейцарии, США, Польше, Япо-

нии, в других странах, где проходили его персональные выставки. Он автор целого ряда блестяще выполненных фотокниг, его работы печатаются в таких журналах, как «Интернэшнл фотография» (США), «Лейка-фотографи» (ФРГ) и других. В 1972 году ему была присуждена почетная премия «Фото-Кино-Обелиск».

География и тематика творчества Х. Зивика обширны: венецианский карнавал масок и японский танец «буто», исландские ландшафты и шуттгартский балет Марсии Ханнее, остров-писателей и художников Зилт (север ФРГ) и Крит.

Зивик обладает великолепным чувством формы и цвета, умением

«дождика». Это поэтический рассказ о жизненных чувствах, человеческих любви и одиночестве, торжестве и печали, расцвете и угасании».

Ханс Зивик — прекрасный портретист. Он равнодушен к людям, они доверяются ему, его такту, позволяют заглянуть в самые потайные уголки своей души. Не случайно многие из тех, кто однажды познакомился с Зивиком, на долгие годы остаются его друзьями.

Ближайшее будущее Ханс Зивик связывает с нашей страной. Весной этого года он впервые приехал в Советский Союз по приглашению Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество и Союза писателей СССР для участия в реализации проекта советско-западного германского издания «Европа на пороге третьего тысячелетия». В перспективе — работа над книжкой «Большой

уловить тот единственный, порой невероятно короткий миг, когда зафиксированная на пленке реальность становится произведением искусства».

Его ландшафтные снимки не просто красивы, они исполнены драматизма и экспрессии и точно выражают внутреннее состояние. Ху-

театре, Москве и москвичам, об экологических проблемах, о русской православной церкви. Планы поистине грандиозные, но, как надеется мастер, осуществимые.

«С приездом в СССР», — говорит он, — в моей жизни начался новый этап, может быть, самый важный. Как все сложится, пока не знаю, однако я верю, что это будет счастливое и плодотворное время».

Мы предлагаем вашему вниманию несколько фотографий, любезно предоставленных Ханс Зивиком. Некоторые из них уже знакомы тем, кто бывал весной нынешнего года в Центральном Доме литераторов на выставке «Венеция: люди под масками». Снимки, сделанные в театре кукол С. Орозова, публикуются впервые.

Юрий ДОМБРОВСКИЙ (1909—1978)

Странный человек появился в ЦДЛ в середине пятидесятых — высокий, нескладный, с вихрами, всегда всклокоченными, словно с чем-то навсегда несогласными, а во рту — черная дыра, лагерная цинга съела зубы. Имя его тогда ни мне, ни моим ровесникам, ни многим другим ничего не говорило. Но подметили мы, с каким чувством уважения к неписаному старшинству этого человека общались с ним Смеляков, Светлов, и тоже инстинктивно проникались уважением, прислушивались к его резким, нервным оценкам. Из всех нас только Юра Казаков читал ранний роман Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» и слышал его стихи. Но когда вышли повесть «Смуглая леди» — о загадке Шекспира, а затем роман «Хранитель древностей», мы все влюбились в этого писателя, который сам был загадкой: в его босяцких манерах, казалось, не было ничего от того высочайшего интеллигента, написавшего эти книги. Эти манеры его и спасли в лагерях. Последняя книга Домбровского «Факультет ненужных вещей» была шедевром, но свет она увидела сначала за границей, после смерти автора. Напечатанные «Юностию» лагерные стихи Домбровского потрясли меня и своей правдой, и мощным мрачным мастерством. Настала пора издать полного Домбровского — и с прозой, и со стихами, и со всеми другими материалами. Это был большой русский литератор с многострадальной судьбой, сломавшей его физически и выковавшей духовно.

Когда нам принесли бушлат И, оторвав на нем подкладку, Мы отыскали в нем тетрадку, Где были списки всех бригад, Все происшествия в бараке, — Все разговоры, споры, драки, — Всех тех, кого ты продал, гад! Мы шесть билетов загнули — Был на седьмом поставлен крест. Смерть протянула длинный перст И ткнула в человеческий улей... Когда в бараке все заснули, Мы встали, тапочки обули, Нагнулись чуть не до земли И в дальний угол поползли.

Душил «наседку» старый вор,
И у меня дыханье сперло,
Когда он, схваченный за горло,
Вдруг руки тонкие простер,
И быстро посмотрел в упор,
И выгнулся в предсмертной муке,
Но тут мне закричали: «Руки!»
И я увидел свой позор,
Свои трусливые колени
В постыдной дрожи преступленья.
Конец! Мы встали над кутком,
Я рот обтер ему платком,
Запачканным в кровавой пене,
Потом согнул ему колени,
Потом укутал с головой:
«Лежи спокойно, Бог с тобой!»

Пока это жизнь, и считается
Приходится бедной душе
Со смертью без всяких кассаций,
С ночами в гнилом шалаше.
С дождями, с размокшей дорогой,
С ударом ружья по плечу.
И с многим, и очень со многим,
О чем и писать не хочу.

Но старясь и телом, и чувством
И весь разлетаясь, как пыль,
Я жду, что зажжется Искусством
Моя нестерпимая быль.

Так, в вязкой смоле скипидарной
Попавший в смертельный просак,
Становится брошкой янтарной
Ничтожный и скользкий червяк.

И рыбы, погибшие даром
В сомкнувшихся створках врагов,
Горят электрическим жаром
И холодом жемчугов.

Вот так под глубинным давлением
Отмерших минут и годов
Я делаюсь стихотвореньем —
Летучей пульсацией строф.

КАМПАНЕЛЛА — ПАЛАЧУ

О пытка! Я ль тебя не знаю!
Со мной ли ты была слаба!
Стирая пот и кровь со лба,
Я, как любовник, припадаю
На чресла острые твои,
Но страшен пыл твоей любви!
Твои пеньковые объятья
И хруст взбесившихся костей,
И поцелуи, и заклатья —
Все то, что не сумею дать я
Иной любовнице моей.
Узлом завязанное тело,
Душа, присохшая к кости...
О! До какого же предела
Тебе, изгнанница, расти?
Взмахни ж крылом и будем рядом,
Все выше, дальше, чуть дыша,
И вот пред Господом с парадом
Идет мертвец с зеленым взглядом
И постаревшая душа.
Они идут, огнем палимы —
Два вида сущностей иных,
И громко славят серафимы
Условным песнопеньем их.
А там идет еще работа,
Кипит последняя борьба,
Палач, издерганный до пота,
Отбросил волосы со лба.
Он встал, взыскательный маэстро,
И недоволен, и суров,
Над жалкой гибелью оркестра
Своих веревочных станков.
Ну что ж, здоровая скотина,
Чего там думать? Вот я, здесь!
Возьми, к огню меня подвесь,
Сломай мне ребра, жги мне спину!
Не бойся, тещь собачью спесь,
Веревка сдаст, найдешь дубину!
И будь спокоен — вот я весь,
Не обману и не покину!

Анатолий КЛЕЩЕНКО (1921—1974)

Анатолий Клещенко был одним из немногих поэтов, написавших стихи против Сталина при жизни Сталина: «Пей кровь, как цинандали на пирах, режь нас, овчарок злобных уськай...» (1939 г.). Клещенко начал печататься в 1937 году, был замечен Борисом Корниловым, обогрет вниманием Анны Ахматовой. Однако свою участь он предвидел. В публикации 1940 года «Вийон читает стихи» есть и предчувствие ареста, встречи с палачами в судебной мантии. Так и произошло. При обыске у Клещенко нашли антисталинские стихи, но он и на суде от них не отрекся. Несмотря на то, что его жестоко пытали в тюремной камере Большого дома (Литейный, 4), Клещенко во время суда выступил с обличением сталинизма. (Его не расстреляли потому, что только что была отменена смертная казнь). Пройдя шестнадцатилетнее лагерное заточение, поэт поселился в Ленинграде. А потом уехал на Камчатку, стал охотинспектором. Здесь он и погиб — замерз в тайге. Стихи его, бережно сохраненные, передала нам его вдова Белла Клещенко.

НАЧАЛЬНИК КОНВОЯ

Начальник конвоя играет курком.
Апрельским гонимые ветром,
Плывут облака над рекой Топорком,

Над Сорок шестым километром.
Начальник конвоя обходит посты.
Ну, дует же нынче ветрище —
Сгоняет снега и сметает кусты,
И кажется, будто кресты
Растут на глазах на кладбище.
Растут из снегов в косогоре пустом
Над теми, кто за зиму помер.
Кресты?.. Позаботился кто бы о том!
На колыях дощечки прибиты

крестом,
Фамилий не пишется — номер.
Они умирали, не бросив кирки,
В карьере, на трассе, в траншее,
Пеллагры шершавые воротники
Расчесывая на шее.
Убиты в побегах, скосила цинга —
Навеки... дождалась свободы.
Начальник глядит на носок сапога:
Не кровь это — вешние воды...
Начальник идет от поста до поста.
Идет, проклиная погоду.
Не спят часовые. Их совесть чиста:
«Служу трудовому народу!»

Становятся космической пылью
Других галактик гордые миры,
Смешные сказки делаются былью,
И правда в сказках ходит до поры.
Удобны спуски, а подъемы круты,
Но так ведется в мире с коих пор!
И головы покорные минуты
Под маятник кладут, как под топор.
И, кажется, зачем бродить по свету,
Донашивать худые сапоги?
На наших картах белых пятен нету,
По старым адресам
Живут враги.
Царапаются мысли, как коты
Между собой в дотошности упрямой.
Ну, а к чему?
Ведь поиск правоты
И был всегда ошибкой
Первой самой.

Фото А. КРЕЙМЕРА

ПРОШУ СЛОВА!

Георгий РОЖНОВ

Когда мы узнаем о погибшем, первая мысль: кто преступник?

Найти и обезвредить!

Сегодня названы имена сотен жертв сталинщины. Остальные упомянуты как миллионы. Но наше внимание к каждому новому имени, вырванному из забвения, огромно и понятно.

А к палачам? К тем, кто врвался по ночам в дома обреченных? Кто запикивал их в «черные маруськи»? Кто кованными казенными сапогами — в почки, в печень, поддых? Кто оскорблял, плел небылицы, выколачивал признания? Кто гнал по этапам, морил голодом, расстреливал?

Сталин, Берия, Ежов, Ягода — вот, пожалуй, и вся персонификация зла в народном сознании. Если бы так! Полноте, у каждого из миллионов погибших был свой доносчик, свой следователь, свой конвоир, свой надзиратель в тюрьме, свой опер в лагере.

Это сколько же мы насчитаем несложным методом умножения? С умножением, впрочем, пока потерпим — судя по последним публикациям, бегло упомянуто два-три десятка карателей.

Но еще и фамилии их были не названы, еще только мысль шевельнулась о палачах и жертвах, как зазвучали сомнения: а стоит ли об этом? Не нагрозим ли мы в жажде отмщения зло на зло, не начнем ли недостойную нас «охоту за ведьмами»? А от сомнений стали переходить едва не к оправданию губителей. Они и исполнители злой воли тирана, и даже «винтики», которыми вертели не менее злые силы. Они к тому же уже в годах, отягощены немощами и, возможно, раскаянием — пусть их!

Поспешу с оговорками и я, тем самым успокоив возможных оппонентов. С одним соглашусь сразу: око за око мне тоже не по душе, и новых судилищ нам тоже не надо — бывых было предостаточно. Но что уж касается благих надежд и предположений о подневольности труда под водительством сталинских наркомов, а посему и вынужденной покорности рядовых исполнителей, — это либо от невежества, либо от наивности. Равно как и домыслы об их сегодняшнем покаянии.

Я расскажу всего лишь о двоих из множества «бывших».

...Лет десять назад случилось мне отлеживаться после воспаления легких в Центральной больнице МВД СССР. Там одна терапия, больные в большинстве своем ходячие, удобства и еда почти санаторные. Поэтому больницу, в отличие от госпиталя, обожают пенсионеры — и подлечиться можно, и от-

**«Я НЕ ПРОЩАЮ,
ПОМНЯ О БЫЛОМ...»**

дохнуть от домашних, и расходов никаких. В то время в центре внимания ищущихся находился генерал-лейтенант в отставке Лычков — фамилию я его изменил по причине недавней его смерти. В первые мои больничные дни я относился к нему без достаточного пиетета и посиделки с его присутствием не посещал, пока сосед по палате не развеял мою темноту:

— Так это ж сам Лычков... Товарища Сталина видел, как я тебя! — понизил голос, — Берю. Большой человек! А рассказывает!..

Однажды я пристроился к процессии, которая сопровождала генерала на утренний моцион. Вклинился я как раз к изюминке его очередного рассказа:

— Вызывает меня однажды товарищ Сталин. Вхожу в кабинет, а колени уже дрожат. Смотрю — никого. Тут меня вообще «кондрат» начинает бить. И тут слышу...

— Лычков! — раздался вдруг из окна второго этажа голос санитарки. — Мочу кто сдавать будет?

Процессия остановилась. Лычков побавровел.

— Прям счас! — гаркнул он оскорбительно. Ничто так не огорчает рассказчика, как такая вот закавыка. Да еще в таком месте повествования: он о товарище Сталине, а ему про мочу! Лычков сатанел.

— «Лычков, мочу подавай!» — передразнил он санитарку. — Раньше, между прочим, Лычков — звучало! Да вот, случай, приносят мне список... разных там... привлеченных. Каждому — высшая мера, каждый — с помилованием. Беру красный карандаш, накладываю: «Отказать»!

Он сразу успокоился, даже лицом пообрел.

Можно вообразить этого генерала рассказывающим?

Возьмем фигуру масштабом поменьше. В конце шестидесятых годов приехал я в командировку в поселок Ерцево Архангельской области. Удалось найти и кое-кого из бывших работников лагеря. Настроение у многих из них было в те дни доброе, даже приподнятое: Хрущева доконал «преклонный возраст и ухудшение состояния здоровья», прекратились раздражавшие разговоры о культе, о нарушениях законности, репрессиях и реабилитациях, перестали тягать их для «разборок» по парткомиссиям. А тут еще совсем уже именины сердца: попечитель тогдашней науки Трапезников стал утверждать, что культ личности — понятие едва не мистическое, а потому вроде и не существовавшее вовсе.

Снизшедшая на этих бывших сотрудников лагеря благодать сделала едва не каждого словоохотливым с гостем, тянуло их на воспоминания. И случаи из той, былой, жизни вспоминались, с их точки зрения, для них безобидные, вроде бы трагикомические. Ну, например, как в конце сорок первого года упек один опер строптивого зека в барак усиленного режима, а тут, как снег на голову, примчались из Москвы два важных чина из самого НКВД и требуют этого зека к себе. Тот входит, а москвичи — в струнку: «Товарищ генерал, ознакомьтесь с документом и пожалуйте переодеваться». И вынимают из чемодана генеральский мундир с тремя звездами на петлицах, галифе с лампасами, сапоги «шевро» и папаху с красным верхом.

Или еще случай, из уст того же опера.

— Как-то приходит ко мне один заключенный. Просит, мне бы заглянуть в том Ленина, не помню уже какой. Зачем, спрашиваю? А там, говорит, обо мне. А что же, спрашиваю, о тебе там

сказано? Ладно, повел его в нашу библиотеку, вот тебе полное собрание, смотри. Нашел он нужный том, открыл. Читаю: Ленин говорит о Платтене. Спрашиваю: а ты кто? Отвечает: заключенный Платтен Фриц, статья пятьдесят восемь.

Такой вот рассказ ветерана. Все думаю: этому бы оперу, тому бы больничному генералу скрыться от глаз людских долой, на край земли уйти, набрать бы в рот воды и помалкивать до гробовой доски о своем былом. Так нет же, все наоборот! Какой же тут стыд, какое раскаяние? Нет и более понятно для них чувства страха, опасения перед вопросом своих сограждан: а так ли уж вы безгрешны, вчерашние распорядители наших судеб?

И почему только сейчас из последних публикаций «Огонька» узнаем мы о том, что, оказывается, еще накануне XX съезда были судимы наиболее одиозные фигуры из бериевского окружения — Шварцман, Родос и другие палачи по призванию? Может быть, предав тогда же гласности долгожданные и справедливые эти процессы, мы бы не встречали десятилетия спустя таких разговорчивых и покойных душой людей, как те двое? Только сейчас, только сегодня из некоторых публикаций всплывают мельком оброненные жертвами или свидетелями имена истязателей. Эта скороговорка лично у меня вызывает вопросы.

Кто такая старший лейтенант госбезопасности Аршатская — она арестовала и сопровождала на допросы к Берии секретаря ЦК ВЛКСМ Пикину? Что с ней? Каков ее послужной список в небызывестном ведомстве? Кто те двое, которые водили на расстрел к оврагу вдову Н. И. Бухарина? Какие нелюди истязали троих школьников — Бориса, Владика, Сусанну, о которых в «Юности» рассказал В. Амлинский? Что еще успели натворить наркомвнудельцы Анисимов и Аппельбаум, арестовавшие мужа Веры Пановой? Привлечены ли к ответственности судьи Военной коллегии Верховного Суда СССР Кандыбин и Буканов, послушно скреплявшие своими подписями сотни смертных приговоров? И как закончил свои дни их бессменный председатель на протяжении почти всех лет террора В. В. Ульрих? А следователи НКВД Кузьминов, Воронин, Щипков, Сериков, угробившие Мейерхольда, Бабеля, Кольцова? Их коллеги по ремеслу Иванов, Кулешов, Зозулов, Генкин, Марусов, Райцес, Родованский, на руках которых не в переносном образном, а прямом, доподлинном смысле кровь десятков крупных военачальников и даже их жен, расстрелянных после истязаний в октябре сорок первого года?

Внимательный читатель уже встречал эти зловещие имена в ряде последних публикаций. Было бы глупо спрашивать у оставшихся в живых жертв имена и отчества их мучителей, их должности, специальные звания, партийность и год рождения. Но исследователям — как журналистам, так и историкам, допущенным наконец в запретные ранее архивы, — именно эти вопросы и не должны быть безразличны. Неуместны в этих случаях ни скороговорка, ни простая констатация факта, ни стыдливая полуправда. Говоря строгим языком закона, признаем наконец: речь идет о десятках тысяч нераскрытых преступлений, совершавшихся на протяжении всех кровавых десятилетий сталинизма и, следовательно, о таком же количестве преступников, избежавших если не наказания, то по крайней мере разоблачения. Мыслимо ли подобное в обществе, где в чести закон и законность?

Нас должно тревожить не только то, что эти избежавшие кары преступники благополучно выбрали положенный трудовой стаж и получают пенсии в размере зарплаты кандидата наук: сделаем скидку на их сегодняшний возраст и докажем тем самым неведомое им милосердие. Страшнее то, что кто-то из них носит партийные билеты, кто-то сливает среди соседей участником войны и, горделиво звеня орденами и медалями за выслугу лет и прочие доблести своей былой службы, ходит на встречи со школьниками и заседает в президиумах собраний общественности. Вот это уже зло, это уже укор каждому из нас. Это еще одно оскорбление памяти тех, перед кем мы и так в неоплатном долгу!

Вот мнение доктора философских наук С. А. Эфимова, опубликовавшего в первом номере журнала «Социологические исследования» за этот год статью «Стереотипы критики и критика стереотипов». Он пишет: «...Вот проблема, которую практически всегда обходили молчанием. До сих пор во многих странах выявляют и предают суду людей, повинных в массовых убийствах и зверствах в концлагерях, застенках гестапо и т. д. И это справедливо, как справедливо и то, что мы возражаем против применения «срока давности» в отношении таких преступлений. А что же те, кто принимал участие в массовых репрессиях 30—40-х годов? Речь идет не о мести. Мстить — значит громоздить зло на зло. Но нужно помнить о социальной и общечеловеческой справедливости: никому — ни фашистам, ни действовавшим от имени социализма — не должно быть разрешено творить произвол, уничтожать негодных. Для человечества очень важно, чтобы такое никогда больше не повторилось и чтобы те, кто попытался бы повторить это, знали, что не останутся безнаказанными».

Не забыли заголовок статьи? В полной мере понять и принять позицию С. Эфимова невозможно при существующем ныне стереотипе мышления. В какой-то мере подготовил к этому пониманию наше сознание роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Чужие, свои ли каратели совершали массовые преступления против советского народа — для закона и совести нашей безразлично, степень вины и тех и других не возрастает и не уменьшается от их национальной принадлежности или системы, которой они служат.

Умолчание о палачах, доносчиках, провокаторах, сгубивших миллионы людей, бесспорно, тормозит перестройку. Разве следователь с. Петровки, 38, вершивший беззакония под сенью портрета генералиссимуса, не унаследовал методы тех же черных полковников Шварцмана или Хвата?

Умолчание и перестройка несовместимы. Поэтому чем последовательнее будет звучать голос общественного обличения губителей, чем конкретнее будет рассказано поименно о каждом из них, тем меньше мы будем терпеть урона от наскоков антиперестроечных сил. Вспомните, сколько уже окриков — злобных, грубых, невежественных — услышали мы со страниц газет и журналов по поводу гласности, демократизации, правды истории — все от них же, наследников Сталина и сталинщины. «Полку реаниматоров, — предупреждает нас Василь Быков, — как ни странно, все прибывает. Газета «Советская Белоруссия»... выступила с глубокомысленным обоснованием того, что бывших доносчиков и фальсификаторов нельзя привлекать к ответу на том основании, что они были преданы Сталину и искренне заблуждались, уничто-

жая невинных... Что это — политическое недомыслие или попытка запустить старую машину по второму кругу? Мне думается, за всем этим — наша неразумная терпимость... понятая некоторыми как слабость, которой грех не воспользоваться. Если мы не обезопасим от них общество, то и не будет гарантии от их вероломного удара».

Но общественное сознание формируют не только писатели, журналисты, историки. Говорим, пишем, требуем, даже подписи собираем, чтобы наконец-то воздвигнуть если не монумент, то хотя бы скромные мемориалы — памятные плиты, закладные камни, обелиски жертвам сталинских репрессий — открыт ли хоть один? Где? Страшно подумать, если бы в Магадане, 50-летие которого будет отмечаться в будущем году, взгромодили на обозрение изваяние солдата с автоматом в руках. В Магадане, улицы которого протоптаны вереницами этапов? В Магадане, под вечной мерзлотой которого бог знает как утрачены тысячи мучеников? В Магадане, чье золото из колымских копеек возлагали на алтарь Победы узники лагерей под дулами конвойных автоматов? Так кому ж собирались ставить памятник — им или автоматчикам? Теперь уже, кажется, не поставят — общественность города не допустила кощунства над памятью павших и оскорбления живых.

Поем «Бухенвальдский набат» — и ком застревает в горле. Но неужели композиторам не слышен набат Колымы, Печоры, Соловков? И еще — нам, безусловно, нужен День памяти не только жертв Великой Отечественной. Не забудем, что жертвы сталинского террора — никто! — не имеют даже братских могил. И мы не поминаем их всенародно даже минутой молчания. Какой день избрать для этого — давайте подумаем. Может быть, 11 июня — расстрелян маршал М. Н. Тухачевский. Или — 14 марта? Расстрелян Н. И. Бухарин. Или... Какой день ни назови — любой приемлем для скорби, кровавый конвейер не имел выходных.

Булат Окуджава написал недавно: Я счета не веду былым потерям, Но пусть в своем возмездье и умерен, я не прощаю, помня о былом.

Непрощение народа — тоже мера и отщепенства, и наказания.

Приведем ее в исполнение.

(На 32-й странице публикуется репортаж о Неделе Советов)

— Что заставило вас взяться за эту тему?

— Несколько лет назад я прочитал в одной из американских газет о новой болезни — СПИД. Я позвонил одному из крупных работников Минздрава СССР, задал ему вопрос, касающийся СПИДа, и был осмеян. Ученый ответил, что нас это не должно волновать, поскольку такая проблема не стоит. Тем не менее я не уговорился и продолжал следить за мировой печатью. Было видно: нарастает паника.

Вскоре с удивлением ознакомился со статьей, подписанной одним из круп-

нейших вирусологов страны, Виктором Михайловичем Ждановым, академиком АМН СССР, где утверждалось, что советским людям нечего беспокоиться, ибо наша медицина «поставит надежный заслон этой болезни». Подобное заявление показало довольно странным, поскольку болезни, как известно, не выбирают людей, их не интересует социальное происхождение или национальность. Затем я узнал происхождение этой фразы. Естественно, Жданов, крупный ученый, так никогда бы не написал. Бывший министр здравоохранения СССР Сергей Петрович Буренков, к которому попал материал на визу (в то время все материалы, касающиеся эпидемических инфекций, визировались, впрочем, это и сейчас частично сохранилось), эту фразу вписал и разрешил выпустить статью в свет. Худшая судьба ждала работу ученого из Института молекулярной биологии АН СССР Е. Р. Забаровского (она так и не вышла). На ней самый влиятельный эпидемиолог страны, бывший зам. министра здравоохранения СССР, главный государственный санитарный врач СССР, академик АМН СССР П. Н. Бургасов начертал: «В данном виде статья не полезна, она вселяет... чувство страха».

...Ситуация между тем накалялась. Началась перестройка, в том числе в области здравоохранения. Переменилось отношение к СПИДу.

Когда я предложил Олегу Уралову — в то время директору ЦСДФ — сделать фильм о СПИДе, он с радостью согласился: сенсационная тема, информации мало. Как всякому гражданину, и ему, и мне не безразлична судьба отечества.

Если бы мы стали делать фильм чисто с медицинской точки зрения — это была бы лакировка действительности. Мы пришли к выводу, что не имеем морального права давать оценку явлениям, которые перед нами встали: проституция, наркомания, гомосексуализм. Последние 30 лет вокруг этих явлений вообще существовала «зона молчания»... Теперь тему открыли. Но единственное исследование (да и то лишь по социологии проституции) было опубликовано в шестом номере журнала

ГЕРОИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА
«ГРУППА РИСКА» (СЦЕНАРИСТ
Л. ЗАГАЛЬСКИЙ, РЕЖИССЕР
А. НИКИШИН) — НАРКОМАНЫ,
ПРОСТИТУТКИ, ГОМОСЕКСУАЛИСТЫ.
ЭТОТ ФИЛЬМ СНЯТ НА ЦСДФ ДЛЯ
ПОКАЗА В ВИДЕОСАЛОНАХ. НА СЕЙ
РАЗ ПОСЛЕ ПРОСМОТРА СВОИМИ
ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ
И РАЗМЫШЛЕНИЯМИ ДЕЛЯТСЯ
РЯДОВЫЕ ЗРИТЕЛИ. МЫ ПОПРОСИЛИ
ИХ ОТВЕТИТЬ НА ДВА ВОПРОСА:
«КАКОВО ВАШЕ МНЕНИЕ
О КАРТИНЕ?», «НЕОБХОДИМО ЛИ
ПОКАЗЫВАТЬ ЕЕ НА ШИРОКОМ
ЭКРАНЕ?».
НО СНАЧАЛА — ИНТЕРВЬЮ СО
СЦЕНАРИСТОМ ЛЕОНИДОМ
ЗАГАЛЬСКИМ.

ТРИНАДЦАТЬ МНЕНИЙ

«Социологические исследования» за прошлый год. Повторяю, мы не ставили перед собой задачу анализировать явления, мы хотели только их показать. Об этом и сказано в начале фильма.

— В контексте фильма привязка к СПИДу выглядит формально. В основном не о нем, а о «группе риска»...

— Это естественно. Потому что о СПИДе более или менее писали, а о «группе риска» — нет. А она ведь где-то отдельно существует, она — среди нас. Те же гомосексуалисты, хоть и живут рядом с нами, но общество на них не то чтобы не влияет, их просто не замечают: у них свои культурные проблемы и проблемы взаимоотношений. Правда, подпольные.

К примеру, много молодых людей, которые приходят в лабораторию анонимной диагностики на СПИД, рассказывая о своих контактах с мужчинами, не считают себя гомосексуалистами. Они удивляются и говорят: «Я ведь выполнял роль мужчины». Невежество невероятное, никто ничего не знает. Поэтому мы и хотели с помощью президента АМН СССР В. И. Покровского всего лишь объяснить, что СПИД имеет прямое отношение к «группе риска».

— Складывается впечатление, что вы своих героинь — проституток — как бы берете под защиту. Это полу-

чилось естественным образом или вы ставили именно такую цель?

— Проблема проституции сегодня, я думаю, решить невозможно. Первая древнейшая профессия существовала всегда: при царе Горохе, сегодня и, наоборот, так будет еще много лет.

Все статьи, касающиеся этой проблемы, обычно заканчивались призывом: «Доколе?! Надо принять закон!» Административная же мера ответственности, которая введена, вызывает у людей, знакомых с существом вопроса, только смех. Если женщина зарабатывает в день тысячу рублей, как об этом рассказывает в нашей картине одна из проституток, то 200 рублей штрафа для нее — своеобразный подходящий налог.

Мы всегда говорили о групповых взаимоотношениях — существовала общественная мораль, общественная этика. Мы никогда раньше не поднимали вопроса об индивидуальной морали и этике. Вообще об индивидуальном гуманизме. Мы долго не говорили о личности в ее единственном числе.

Давайте задумаемся, перед нами живое существо — пусть проститутка, наркоман, гомосексуалист. Конечно, приятно встать над ними и произнести: «Я выше». Это вообще человеческой природе свойственно. Но это не гуманно. Гуманно встать с ними вровень, посмотреть им в глаза и попытаться понять, почему они такие. Конечно, я осуждаю

проституцию, наркоманию как социальное явление. Но я против экстремистских мер.

А когда мы показываем гомосексуалиста, переходящего в женскую одежду, в данном случае нас интересует толпа, собравшаяся вокруг (больной человек не ведает, что творит). Толпа говорила сама за себя: тот же экстремизм, жажда унижения человеческого естества.

Если говорить вообще о проблеме гомосексуализма, то я не представляю себе, как можно отделить в ней социальное, нравственное от биологического и медицинского. Во многих странах разрешены браки между гомосексуалистами, усыновление детей. Конечно, можно и по сей день говорить, что это гримасы капиталистического строя. Мы сейчас касаемся вопросов, к которым одноклеточная философия не подходит, нужен иной уровень понимания жизни (нас сейчас все к этому призыва-

ют). И в этом отчасти должно проявиться новое мышление.

— Как вы реагируете на негативную оценку фильма, какие эмоции она у вас вызывает?

— Мы начали нашу картину с письма 16 студентов-медиков, которые предлагали всех проституток, наркоманов, гомосексуалистов уничтожить, и тогда общество заживет прекрасно. Можно вспомнить Сталина, который предлагал гомосексуалистов расстреливать. По всем мировым данным — это пять процентов мужского населения.

Сейчас в Советском Союзе несколько детей заражены вирусом СПИДа — что ж, младенцев теперь уничтожать?! Они-то уже точно ни в чем не виноваты.

Мы старались все-таки апеллировать к разуму, к гуманизму.

К негативной оценке отношусь спокойно, потому что сколько людей, столько и мнений. Конечно, приятнее жить в атмосфере благополучия, но коль скоро все эти явления существуют, их надо изучать и исследовать.

Беседу вела Ирина МАЛЯРОВА.

МИХАИЛ СЕРЕДА, 25 лет, сварщик:

— В начале фильма упоминается о письме студентов-медиков, которые предлагают не бороться со СПИДом, так как эта категория людей, являющихся переносчиками эпидемии, в конце концов сама себя уничтожит. Не согласен с мнением будущих врачей. Это крайность. Это не гуманно.

Хотя сочувствия у меня к ним нет. Как можно сочувствовать молодым девушкам, продающим свое тело? Или наркоманам, идущим на любые преступления ради «минут блаженства»? Они сами себя приговорили. Считаю, что эту картину нужно показывать не только молодежи. Проблемы, которые затронуты в фильме, касаются и взрослых людей.

ГРИГОРИЙ ВАСИЛЕНКО, 25 лет, милиционер:

— Я человек старых взглядов и скажу так: я бы всех проституток уничтожил. Что это за наказание — 50 руб-

лей? Вот пять — десять лет тюрьмы с принудительным лечением — это дело. Слишком мягко мы с ними. Претензии у них завышены! Неразумные потребности. Вот мы живем семьей. От зарплаты до зарплаты дотягиваем. И деньги считаем. Не как одна из героинь фильма: «Не знаю, сколько в месяц зарабатываю и трачу, не считала...» Что это? Работать бы шла! Она объясняла, что на сто восемьдесят с братом вдвоем они не протянут. Можно устроиться и на две работы. Вот мои соседи. Так находят же честные пути зарабатывать деньги. Ничего, вкалывают! А проституция — разве работа? Они же живут в свое удовольствие. Да еще болезни разносят. А пример какой детям? Нужно вообще запретить им иметь детей! И если уж матери молодой не на что содержать своего ребенка, пусть сдает его в детдом! Государство обещает.

Почему я должен к проституткам относиться лучше оттого, что они оказались людьми? Это с них вины не снимает.

Что касается фильма, самого главного в нем нет. Последствий. Показали бы мучения заболевших... А так сплошная романтика, красивая жизнь. Нет, незабвенный фильм.

* * *

ВЛАДИМИР КАЛАШНИКОВ, рабочий:

— Спустя некоторое время после просмотра фильма пришел к мысли, что надо его показать на большом экране для всех. Хотя первое впечатление было противоположным. Думал, найдутся желающие «попробовать».

Сам противоречил себе: хотел, чтобы посмотрели фильм мои товарищи, и не хотел. До просмотра, например, не знал, что гомосексуалистов так много, что это явление стало серьезной проблемой нашего общества. Так бы и дальше жил, не ведая. А вот увидел — противно, скверно стало. Характер у меня сильный, я этого никогда не приму и испытать не захочу. А как воспримет все это кто-то другой — не могу сказать, слишком это личное и непредсказуемое. Считал, что бороться с этими пороками надо, не афишируя негативное, как-то тихо, как, наверное, и было до последних лет.

Сейчас понимаю: именно такое «сопротивление» этим негативным явлениям, которое ничего не могло противопоставить взамен, и привело к увеличению проституции, гомосексуализма, наркомании.

* * *

ВАДИМ САМОЛЕТОВ, начальник отдела Московского городского штаба оперативных комсомольских отрядов:

— В фильме есть, на мой взгляд, существенные моменты, которые вызывают опасение в целесообразности показа такого фильма широкой аудитории. Мы часто сталкиваемся с негативными результатами работы прессы: не продуманность, отсутствие какого-либо прогнозирования последствий публикаций и телепередач. Например, о проституции. (Это скорее своего рода инструкция, как стать проституткой.) В фильме также показаны привлекательные, с обывательской точки зрения, стороны проституции. Автора не видно. И работа правоохранительных органов в фильме не прослеживается достаточно четко.

В своей работе мне часто приходится сталкиваться и с проститутками, и с гомосексуалистами. Иногда слышишь душеспасительные истории, начинаешь как-то их понимать. Но понять не значит простить.

Пытаясь уйти от ответственности, ищут законы, предусматривающие льготы по применению мер воздействия к женщинам, имеющим детей до 12 лет. Проститутки специально, они и не скрывают этого, рожают детей.

Гомосексуалисты — совсем еще молодые ребята, среди них немало и несовершеннолетних. И уже ищут себе клиентов среди иностранцев. И таких довольно много. А в последнее время становится еще больше.

Мне кажется, фильм будет нужен прежде всего работникам правоохранительных и законодательных органов, всем тем, кто по долгу службы соприкасается с этими проблемами.

* * *

ИННА ВИШНЕВСКАЯ, научный сотрудник Института экономики АН СССР:

— Фильм не затрагивает истинных причин, социального фона. Все, что авторы впили как якобы объяснение — «трудное детство», слабохарактерность, пьяницы-родители, — это мы уже слышали, и это не вся правда.

У меня есть одна знакомая: окончила университет, работала два года в неплохом институте, а потом... стала проституткой. Почему? Будучи младшим научным сотрудником, получая 110 рублей, выполняла уничижительную работу. Носила бумажки, все ею помыкали. Человек, которому некуда обратиться, все централизовано: партия, профсоюзы, комсомол, — теряет свои обязательства перед обществом, закон перестает быть личной этической нормой...

Интеллигентный современный человек часто испытывает большие унижения, чем проститутка, зарабатывающая комфортную жизнь собственным телом. Выходит, либо унижайся, либо играй свою роль в «теневой» экономике — в той же проституции, наркомании.

Нельзя показывать просто картины — ах, как страшно, СПИД! Надо выходить на совместное обдумывание социальной ситуации в обществе.

* * *

ИРИНА ХРИСТОСЕНКО, аспирантка факультета психологии МГУ:

— Существует достаточно распространенный трафарет — на человека ставится клеймо; и дальше этого клейма, дальше какого-то определенного качества общество не видит. Гомосексуалист, проститутка, наркоман — варианты клейма. Человек за этим не рассматривается, выносятся суждения — плохо. Это примитивный, человеческий уровень восприятия. Фильм — попытка увидеть человека, понять, что за клеймом стоит, как это произошло.

С одной стороны, если учесть наш низкий уровень жизни по сравнению с тем, на который молодежь ориентируется, то проститутки можно понять. С другой стороны — все идеалы, кроме сладкой жизни; порушены. Та девушка, которая своими панельными доходами содержит братишку, напомнила мне Соню Мармеладову.

И еще мне кажется, что этими людьми управляет не столько страх болезни, сколько страх расправы: вот меня поймут, посадят... Если бы не было страха наказания, то и ходили бы, и проверялись, и были бы избирательнее, осторожнее.

* * *

ВАСИЛИЙ ЕЛФИМОВ, инструктор отдела школьной молодежи ЦК ВЛКСМ:

— Авторы ограничились показом того, что для «группы риска» все это неприятнейшие и невыгоднейшие занятия. Моя точка зрения такова: в данном виде фильм призывает только расширять «группу риска», и те из девушек, у кого ветер в голове свистит, обязательно пойдут после просмотра фильма на панель — для этих самых высокооплачиваемых занятий.

Это — следствие того, что у нас, к сожалению, видимо, недорабатывают все: семья, школа, комсомол, правоохранительные органы, журналисты... Да-

вайте посмотрим на духовный мир этих людей. Возьмем, к примеру, проститутку или юного торговца своим телом. Допускаю, что сегодня они продают себя ради экономической самостоятельности... Но завтра точно так же продадут Родину...

* * *

ЕЛЕНА ГУДКОВА, 45 лет, архитектор:

— Осуждать увиденное не могу и не хочу — от подобного только сжимается сердце и болит душа. Что ж, может, теперь мужчине с женщиной интереснее: нет всяких мелочей, затрудняющих общение, больше взаимопонимания. Это явление не сегодня возникло. И развилось, вероятно, в годы, когда сгоняли в лагеря миллионы и миллионы, надолго отрывая от естественной и нормальной жизни.

Ничего не оправдываю и не осуждаю. В эти «группы» мы сами их загнали. Годами за работу честную, «потогонную» имели гроши.

Меня куда больше волнует, что общество, обличая эти «группы», не предлагает взамен других «радостей», а может, и не радостей, просто мало-мальски нормальных человеческих условий жизни, удовлетворения потребностей. Что-нибудь, кроме зарплаты в сто рублей и бесконечных запретов.

Многие ли получают удовлетворение от своей работы?

Авторы фильма вызвали тревогу, но как помочь? Что предложить девушке с «древнейшей профессией»? Убеждать, что наши мужчины лучше, я бы не решилась.

* * *

АЛЕКСАНДР СКВОРЦОВ, выпускник средней школы:

— Фильм впечатляет. После него понимаешь, как много развелось всякой нечисти. Считаю, что все они (наркоманы, проститутки, «голубые») морально неполноценные люди. И в том, что их теперь так много, виновата не демократия. Просто, чем выше жизненный уровень, тем большего хочется испытать.

И если уж фильм показывать, то не делать этого глупого деления на детей «до 16-ти» и «после», как у нас происходит в целях защиты детской морали. Меня поразило мнение одного гомосексуалиста, что их интеллектуальный уровень выше. По-моему, интеллект извращенца не может быть выше, чем у нормального человека: «Я познакомился с итальянцем, мы полюбили друг друга, потом он меня бросил». Как так можно, и что тогда для них любовь?

* * *

ОЛИМЖАН ИРИСМЕТОВ, студент медицинского института:

— Я из Чимкента, рядом Чуйская долина — 500—600 километров. Для бывшего наркомана это название говорит о многом. Я считаю, что если наркоман дошел до такой степени, что его уже невозможно лечить, то таких людей надо просто ликвидировать! Почему я так жесток? Поймите, жизнь его загублена, а на сегодня у общества просто нет средств, которыми можно его излечить.

Если мужчина живет с женщиной в зрелом возрасте — ну, бог с ним — слабость, болезнь. Но когда гомосексуалист в поисках добычи начинает заманивать подростков, это уже полное извращение. Так что мы должны быть жестоки. А обращаться с ними надо, как говорил Тарас Бульба: «Я тебя породил, я тебя и убью». Ибо такой человек не нужен обществу.

Проститутки? Это было и будет. Пока есть неравенство, будет и этот грех. Но тогда надо ставить проститутке, скажем, штамп в паспорт.

И все-таки, мне кажется, автор хотел сделать прежде всего сенсационную работу. Анализа нет. А снять такое, как у них, мог любой человек.

* * *

ЮРИЙ РЕЗНИЧЕНКО, 38 лет, сценарист, режиссер:

— Фильм откровенно не понравился. Мне кажется, что сама проблема — и в социальном, и в нравственном, и в экономическом аспектах — намного глубже и сложнее, многомернее, чем «цитаты из жизни», предложенные авторами. Если мы наконец «открыли клапан» и открыто признали факты существования проституции, гомосексуализма и наркомании в нашей стране, давайте же серьезно отнесемся к анализу причин, породивших эти негативные явления.

Временами казалось, что сценарные мотивы, режиссерские приемы, «пугающая» стилистика фильма, методы анализа ситуаций, несут в себе провокационный момент. Начиная фильм, авторы очень эмоционально говорят и иллюстрируют леденящими душу коллажами проблему века — СПИД, а потом органично переходят к показу виновников распространяющейся катастрофы. Вот они, бейте их! Не удивлюсь, если благодаря таким фильмам возникнут новые «люберы» — на сей раз борцы против «групп риска». Надо ли?

Мне кажется, что основной недостаток фильма заключается в том, что авторы изначально вырабатывают отношение, позицию общества по отношению к «группе». Дескать, мы их породили, мы их и...

* * *

СВЕТЛАНА ШАЛАЕВА, студентка факультета журналистики МГУ:

— Я думаю, что фильм назван неправильно. Потому что «группа риска» — это все мы. Если действительно, как предсказывают, вспышка СПИДа у нас в стране будет через пять-шесть лет, то не столько по вине гомосексуалистов, наркоманов, проститутки, а скорее всего по вине женщин легкого поведения. А их у нас немало. Я знаю, что в 1995 году только среди моих знакомых может умереть человек сорок. Почему это не прозвучало? Фильм слабый уже потому, что мы сегодня продолжаем говорить о СПИДе как о чем-то нереальном.

Если бы я снимала эту картину, я бы специально попыталась шокировать зрителей, показав им, насколько мы все рискуем. А фильм показал нам людей, не имеющих к нам никакого отношения. Мой будущий муж вряд ли попадет в поле зрения проститутки-валютчицы. Значит, она мне не страшна. Опасна та женщина, которая спит сегодня с одним, завтра — с другим.

* * *

ЭЛЬДАР РАЗРОЕВ, 27 лет, инженер, бывший воин-интернационалист:

— Предисловие академика Покровского гораздо более откровенно, чем сам фильм. Меня интересовало: есть ли социальные корни проституции, гомосексуализма и наркомании и если есть, то в чем они?

Хотя в фильме один из героев, наркоман, говорит, что жизнь у нас чудесная, то, очевидно, только потому, что эту чудесную жизнь долго не увидит. А жизнь тяжелая. Даже по улице идешь — сколько лиц — люди сломанные. Это ведь не от простой жизни. Жизнь ломает людей, калечит. И каждый ищет свой выход.

Когда нет нормального воспитания, понятий о нравственности, чести, самоуважении, они не заложены с кровью, естественно, человек идет по тому пути, который видит перед собой.

Защищать и обвинять проститутки или гомосексуалистов нам никто не дал права. С таким же успехом эти люди могут обвинять нас. Они такие же члены нашего общества.

Мне нравится, что фильм не пытается выработать директивное мнение, предлагает подумать самому. Авторы дали нам возможность напрямую пообщаться с этими людьми (многим такое безразличие не позволит сделать), узнать их взгляды, мнения об этой жизни.

ПОПУГАЙЧИК

Виктор ЕРОФЕЕВ

Рассказ

На запрос ваш, почтеннейший Спиридон Ермолаевич, какова, дескать, участь определена сыну вашему Ермолаю Спиридоновичу Спиркину, принуждавшему мертвую птицу к противоестественному полету, отвечу не сразу. А почему? А потому, милостивый вы мой государь, что признаюсь: смущен. Грудь разрывалась моя от волнения, читая ваш челобитный запрос, написанный кровью отцовского чувства. Растрошежили вы меня, Спиридон Ермолаевич, разворошили! Такую тоску на меня напустили, что словами не передашь, только воем звериным. Однако претензий к вам не испытываю. Сердцем почую я ваш отцовский позыв защитить сына вашего Ермолая Спиридоновича перед властью закона, намекая глухими словами на то, что имел, дескать, сын ваш Ермолай Спиридонович сызмальства сильную любовь к божьим тварям, способным к полету. Допускаю правоту вашего намека. Скажу даже больше. Всяк ребенок испытывает слабость к птицам, отлавливая их в рощах, лесах, а также в привольных полях и на огородах силками или покупая их на медные деньги на птичьем базаре, чтобы заключить птаху в клеть, особенно если певчая. В таких действиях закон не усматривает ничего предосудительного и потворствует оным в их невинных забавах. Оно, конечно, так, но забавы забавами, а мировая культура, почтеннейший Спиридон Ермолаевич, предпочтительно мыслит, по моему скромнейшему разумению, символами, толкование коих есть дело ученых мужей. С древних времен, например, идет мода гадать по внутренностям пролетающих мимо птиц. С другой стороны, если какая живая птица залетит к вам в комнату, будь то хотя бы щегол, будете ли вы, Спиридон Ермолаевич, рады такому обстоятельству? Нет, вы такому обстоятельству рады не будете! А почему? А потому, отвечаю я вам, что увидите в этом ужасный символ. Готов множить подобного рода картины человеческой темноты, но устремляюсь, однако, к выводу, имеющему некоторое отношение к сыну вашему, Ермолаю Спиридоновичу: птица есть существо, тревожащее душу, птица есть существо загадочное, неподвластное нашим прихотям, а стало быть, шутки с ней плохи. А что между тем вытворяет сыночек ваш? Он шутки шутит! Ермолай Спиридонович изволил шутки шутить с дохлым попугаем — птицей особенно подозрительной. Попугай уже сам по себе символ, и черт ногу сломит, разбираясь в его толковании, поскольку вся мировая культура от своего зачатия только и знает, что судачит о нем как об излюбленном кумире. К тому же заморская птица. Вы же, Спиридон Ермолаевич, с такой легкомысленностью, достойной лучшего применения, строчите в своем запросе, что, дескать, забава сынка носила характер невиннейший. Подумаешь, куча делов! Взят, мол, сын мой Ермолай Спиридонович усопшего вечным сном попугайчика по кличке Семен, проворно залез на крышу собственного вашего дома, что на Лебяжьей улице, и стал подкидывать ее кверху, как Иванушка-дурачок, в расчете, что дохлая тварь в родном ей воздушном пространстве обрящет второе дыхание, вспорхнет и чирикнет, то есть в некотором роде даже воскресит. По вашим поспешным словам судя, был в том поступке Ермолая Спиридоновича скорее недостаток соображения, нежели подлый замысел, скорее избыток болезненной фантазии, слабость нервов и дрожь в целом теле, нежели стройный план и интрига. При этом вы, разумеется, возмущены его действиями и вызываетесь сынка вашего Ермолая Спиридоновича выпороть плетью безо всякого снисходительства. Ясное дело: отцовские чувства! Повторю вдругорядь: претензий по ним к вам, Спиридон Ермолаевич, не имею. Вы человек почтенный и остаетесь им пока пребывать. Но соблаговолите понять и нас, таких же самых многолетних слуг отечества, водрузите себя на мое, например, место. Ведь если подобные опыты участвуют, что

тогда? А кабы заморская дрянь взлетела? По уверению вашего безумного сына Ермолая Спиридоновича, она и так пару раз взмахнула своими погаными крыльями, то есть проявила некоторую попытку к воскрешению! Ну, а вдруг, паче нашего с вами чаяния, взяла бы и вовсе воскресла? В каких бы терминах мы объяснили сие нарочитое обстоятельство нашим доверчивым в своих лучших побуждениях соотечественникам? Теряюсь в роковых догадках...

ХОРОШИ БЫ МЫ БЫЛИ!

Эх! Да что говорить! Сложения сыночек ваш Ермолай Спиридонович оказался деликатного, можно даже заметить, сублимного. Дивились мы. В кого он такой выродился? Ну-с, молодой человек, вопрошал я Ермолая Спиридоновича, разглядев его хорошенько, отвечай на вопрос: зачем выкопал птицу из места ее захоронения; или, иначе сказать, из выгребной ямы? Какого, спрашивается, черта ее эксгумировал? Ответал уклончиво, но поспешно и с учтивостью несомненно, помогая ручкой белой себе при ответе, ручкой, значит, себе помогает, чтобы доступнее вышло. Насторожился я, созерцая такие манеры. Вижу: не только сложение, но и манеры диковинные, обходительность дальше некуда. Все пытался на понимание взять, ручкой, видите ли, себе помогал — одно, можно сказать, заглядение. Но не прошел номер — не в цирке! А про себя я сижу, отмечаю: не нашего засоло огурец! Из его слов что складывалось? Какая намечалась картина? Расскажи, говорю, с самого начала да ручкой своей белой не махай у меня перед носом, не выношу! Рассыпался в извинениях, будто мне от него извинения надобны, будто он меня этими своими извинениями облагодетельствовал! Но молчу. Однако между тем спрашиваю: вот вы, Ермолай Спиридонович, желали птицу воскресить, а птицу эту, по компетентному освидетельствованию, уже черви земляные поедом ели, не заметили? Белые такие черви, как ваши пальчики? Все его облепили, равно как и муравьи участвовали на этом пиру... И как такая птица воскреснуть имеет быть? И как в руки холеные не брезговали ее взять? Отвечает, понуря голову: а птица Феникс? Вижу, милостивый вы мой государь, Спиридон Ермолаевич, умен ваш сыночек, Ермолай Спиридонович, не по годам. Ишь ведь, птица Феникс! Откуда, спрашиваем, имеешь сведения о такой птице Феникс, кто, дескать, такая? А это, говорит, был один такой красноперый орел, что летал из Аравии в Древний Египет: там сжигал сам себя живьем, как случалось ему дожить до преклонного возраста в пятьсот лет, а потом возрождался из праха молодым и здоровым, так что черви и тут не помеха... Ловко, смотрю, у него получается. В чем же ты, спрашиваю, видишь соль сей байки о краснопером орле? Как, продолжаю вопрос, дошел ты до жизни такой, что в бусурманские байки веришь? Отвечает опять же уклончиво: байке, дескать, положено быть удивительной. Ты, говорю, не крути, не запирайся, а то выйдет, говорю, самому тебе байка! Излагай, хулиган, подноготную! Да я, вскричал он в сердцах, вам чистую правду говорю! — и опять всплеснул своей ручкой. Ну, Бог с тобой: говори, а мы посидим, послушаем. Да только не горячись, не вскрикивай. Ты, говорю, на кого кричишь? На кого, так сказать, голос подымаешь?! Я тебе, Ермолай, в отцы гожусь, а ты на меня кричать вздумал! Молчит. Зарделся. Гожусь, спрашиваю, я тебе в отцы или не гожусь? Отчего, отвечает, не годитесь? Я к вам, как к отцу родному, и обращаюсь... Ишь ведь, соображаю про себя, уже и отцом родным нарекает, как бойкая баба, подмахивает... Неспроста. Интересуюсь: а этот твой попугайчик бирюзового колора по прозвищу Семен — он, должно быть, тоже какой символ или как? Все в мировой культуре, Спиридон Ермолаевич, символы, одни символы, куда ни кинь взгляд, особенно попугайчики. Он же, сын ваш Ермолай Спиридонович, при ответе ссылается на детский плач, повествует известную нам историю, как подох попугай по прованью Семен в семье боярского лекаря Агафона Елистратовича, соседа вашего по Лебяжьей улице, что закупил заморскую птицу в утешение двум младенцам своим: пятилетней Татьяне Агафоновне и трехлетнему сыночку Ездру Агафоновичу, закупил, как положено, на птичьем базаре у голландского купца Ван Заама, а по нашему Тимофея Игнатьевича. Купец тот, Тимофей Игнатьевич, ничем не знаменит, нрава кроткого, кро-

ме шрама на своем голландском носу, полученного им уже в наших краях по случаю мелкой драки с женой. Посвящаю вас в сии подробности, дабы вы, Спиридон Ермолаевич, знали, что я свой хлеб зря не кушаю: без подробностей не создашь картины, тем более когда с подвохом. Стало быть, закупил сосед ваш Агафон Елистратович попугая заморского небольшого росточка, небось из жадности, окрестили Семеном. Заключили птицу, как положено, в клеть. Кормили, со слов Татьяны Агафоновны, пшеном. Но попугайчик тот, печально известный своим несостоявшимся, слава Богу, воскрешением, есть пшено и другой прочий корм наотрез отказался, выказал заморский норов и, невзирая на хлопоты детей, стал подыхать по причине добровольной голодухи. На третий сутки Семен издох под общий плач Татьяны Агафоновны и Ездры Агафоновны, трехлетнего сыночка; который, подлец, еще не говорит или делает вид. Агония длилась три с половиной часа, время послеобеденное, и закончилась натуральною смертью птицы.

В таких терминах повествует сию историю сын ваш Ермолай Спиридонович, после чего превращается в ее главное действующее лицо. Но не вдруг. Как положено, после смерти птицы состоялся обряд ее погребения в выгребной яме, чтобы заразы не разносить. При погребении собралась небольшая толпа в двадцать шесть рыл, привлеченная воплями лекарьских малолетних отродий. Как сказывал сам Ермолай Спиридонович, участвовавший в похоронной процессии в качестве созерцателя, ночь накануне перед процессией провел он в слуховых галлюцинациях, несмотря на то, что боярский лекарь Агафон Елистратович посулил своим детям купить им взамен околелшего попугайчика что-нибудь еще более забавное, типа козы. Наутро Ермолай Спиридонович вышел из дома с твердо сложившимся намерением выволить птицу из ее прохладной могилы в то время, как моросил дождь, размножая на улицах грязь, и мамзель Шелгунова из окна родительского ей дома в перерыве между уроками игры на арфе отчетливо видела, как сын ваш Ермолай Спиридонович ногтями выцарапывал попугайчика из выгребной ямы, видом своим напоминая облезлую кошку, которую, дескать, потянуло полакомиться стервятинкой. Последующий срам вам, любезный Спиридон Ермолаевич, несколько знаком, судя по вашему необдуманному запросу, удивительному для служивого человека. Как же вас, однако, сподобило воспитать сумасброда, ставшего впоследствии истинным смутьяном! Как? Про это вы отмалчиваетесь, моля за сынка, а хотелось бы знать, чтобы другим неповадно было. Только я-то сразу смекнул, как предстал он передо мной, что ненашенский, несмотря, что прикидывается, и говорю ему, как он кончил: а теперь, сыночек, изложи подноготную. Так, перечит он мне, это и есть, дескать, вся подноготная! Побьемся, говорю, об заклад, что не вся? Молодцы мои стоят в дверях в красных шапках, усмеваются. Эй, говорю, погодите, весельчаки, зубы скалите, может, молодой человек одумается да и выиграет у меня сто рублей и почетное выдворение на волю в придачу. Не-е, качают головами мои молодцы, не выиграет, больно он завиральный, где только выискался. Цыц! — говорю — раньше срока вы мне не радите! — и к сынку вашему, милому отроку, обращаюсь, придвинувшись близко: Слабо, Ермолаюшка? Говорит мне Ермолай, отшатнувшись: Нечего мне вам больше поведать. Все сказал. Но худого, поверьте, не делал... Выходит, стало быть, ради детских капризов порешил выкопать птицу, так, Ермолаюшка? Выкопал птицу и проворно на крышю скок. Шепчет нежно: Ну, лети, мой Семен! Лети, голубок! И взмахнул тут изъеденный червем бирюзовый Семен — попугай бирюзовыми своими крылышками, взмахнул пару раз в слепой надежде вернуться к прежней жизни... Во-во, — сказал я тут, осерчав, — во-во, в этом, Ермолаюшка, и есть СИМВОЛ! — Нету тут никакого символа! — возопил сын ваш, гусь лапчатый, Ермолай Спиридонович. — Нету! — Ну, это ты кому другому поди рассказывай... — Что это вам, — мне в ответ Ермолай Спиридонович, — всюду как бы символы мерещатся? Помолчал я, взгляделся попристальней в вашего, Спиридон Ермолаевич, юношу и отвечаю, протерев салфеткою плешь: — А потому, славный ты мой Ермолай Спиридонович, мерещатся, что культура мировая, прости, Господи,

Виктор Ерофеев из того поколения тридцатилетних, наиболее яркие представители которого становятся известными читателям только сейчас, в годы перестройки, когда их уже смело можно назвать сорокалетними.

Дебютировав как прозаик в альманахе «Метрополь», Ерофеев был надолго отлучен от наших журналов и издательств, но все-таки участвовал в литературном процессе — как автор критических и литературоведческих статей.

Для его прозы характерны точность и выразительность деталей, столкновение разных лексических пластов, через которые органично входят в текст разные сознания. Нередко писатель прибегает к приему совмещения времен, строит свое собственное художественное пространство, в котором взаимодействуют несовместимые с формально-логической точки зрения реалии.

Трагизм и сарказм слиты у него неразрывно. Своего читателя автор подталкивает не только к сопереживанию, но и к сотворчеству.

О. ХЛЕБНИКОВ

Рисунок Петра ПИНКИСЕВИЧА

с самого ее зарождения, по заверению учнейших мужей, символами начинена, и никуда нам из сей клетки, как ни тужься, не выскочить! — И ударил я его, сына твоего кареглазого, прямо в зубы от всей души, оттого, что тоскливо стало, применил профилактику, а кулак у меня... ну, да вы, Ермолай, знаете. Так и брызнули зубки его в различные стороны, словно жемчуг с порвавшейся нити, — так и брызнули, покатались. Помолчали... Как вернулся к мысли Ермолай свет Спиридонович, посмотрел на меня щербатым ртом с удивлением. Отчего, дескать, такая немилость? Ничего, заверяю, не плачь, новые отрасли! Стоят в дверях мои молодцы в красных шапках, животики надрыдают. Но невесел сам Ермолай Спиридонович, потери считает, даже шутке не

улыбнется. Улыбаться, наставляю, полагается, когда старшие с тобой шутят и в отцы годятся. Сам, восклицаю, учил нас шуткам смеяться, с попугайчиком фокус показывал!

Пытали и мучили мы вашего сына Ермолая Спиридоновича с пристрастием, иначе не можем, не обучены. Дивились subtilности его строения. Галантная штука! Пытали его большей частью способами, веселящими душу. Погружали, для примера, в навозную жижу с головкой: предлагали барахтаться, сажали на кол, завязав глаза.

Запускали ему также в клып муравьев: рвали ноздри и ногти щипчиками: звали девок срамных и просили его, Ермолая Спиридоновича, полизать их срамные язвы, авось заживут. Лизал. Ну, что еще

вам поведать? Оторвали мы в конце концов погремушки за ненадобностью. Бросили псам. Хотя им сгодились. А зачем они ему? Нужны ли нам с вами, любезный Спиридон Ермолаевич, от него наследники? я так думаю: не нужны. И сию потерю переживал опять не в меру болезненно, огорчался, браниться стал, как вернулось сознание. Дескать, не люди мы и нехристи, что даже обидно. Кричать, конечно, на дыбе не возбраняется, на ней всякий крикнет, но зачем оскорблять? Мы люди зависимые, по долгу службы исполняем серьезные поручения, а он нам за это, что, дескать, нехристи. Нет, милый друг, это ты нехристю во всем объеме и выходишь, это ты супротив пошел порядка вещей, не мы, а на дыбе что у человека на уме, то и на языке, как у пьяных людей наблюдается, стало быть, предположение мое относительно того, что не наш он, сударь вы мой, человек, сбывалось с каждым часом. Я, слава Богу, службу знаю, даром хлеб свой не кушаю, оттого понятие имею, как наши люди кричат на дыбе и как не наши. Наш человек никогда не назовет меня нехристю, потому что он так не думает, а ваш подлец сознался. Вел же он себя, доложу вам с печалью, трусовато. Уже после навозной жижи, отблевавшись, просил пощады и, как дитя малое, обещал, что больше не будет, а намерен, дескать, в будущем не заноситься, вести себя тихо, с охотой служить государству. Все это так, да только кому нужно его покаяние? Но просили, однако: рассей, мол, наши сомнения насчет воскрешения попугая по кличке Семен. Может быть, с соседом у вас, с Агафоном Елистратовичем, нелады были? Доносил про Агафона Елистратовича, что неладов вроде не было, но что лекарь, дескать, запойный пьяница, отчего людей врачует дрожащей рукой. Мы же Агафона Елистратовича с отличной стороны знаем и на донос относительно запойного пьянства отвечали полным негодованием. Однако чем объяснить, что не прошло и трех суток с момента закупки попугайчика, как попугайчик околевает в страшных конвульсиях, будто кто его отравил, да еще раньше был словно хворый, не чирикал и от еды отказывался? Постой-постой, думаю, дай сообразить. Утер я свою малиновую плешь салфеткой и, следовательно, спрашиваю Ермолая Спиридоновича, сына вашего, предварительно защемив ему мошонку (которая о ту пору пребывала еще при нем), в превентивном порядке: на случай обмана. Постой-постой, не ты ли, спрашиваю, падла, сам и отравил заморскую птицу в желани досадить своему соседу, боярскому лекарю Агафону Елистратовичу, а также удрученным детям его, Татьяне Агафоновне и Ездру Агафоновичу? Нет, отвечал, тараша глазищи от боли, сын ваш Ермолай Спиридонович, нет! не-е-ет!!! — глазенки-то побелели, губку, значит, мы закусываем, больно нам, значит, — не-е-ет!.. то есть да-ааа!!! Защемили покрепче, стремимся понять: дескать, да или нет? Да! да! Это я! — кричит мне Ермолай Спиридонович, будто за глухого человека меня признал. — Я! Я, дескать, чтобы досадить!!! — Ну, славно. Досадить — а зачем? Ой, кричит, больно! отпустите! Весь дергается, несчастный. Отпустите! я думать так не могу! А ты не думай, говорим, ты отвечай... — но немножко отпустили, а то боимся, язык прикусит, чем разговаривать будет? — Потому хотел досадить, объясняет, что не нравился он мне... — Почему? — Мы опять защемили немножко... — Да потому, — закричал, — что честно служил отечеству! — Вот это дело! — говорю я. — Вот так бы сразу! Ну, отдохни, любезный... А как отдохнул, говорю: а не хотел ли ты вместе с птицей и Агафона Елистратовича отравить? Молчит, думает. Я только было защемиль собрался, а он уже и отвечает: да! Ну, вот, сами видите, какая история налицо, уважаемый вы мой Спиридон Ермолаевич, но решили, однакось, не торопиться: мы — люди недоверчивые, простите за выражение. На следующий денек повели его поразвлечься на дыбе, это ему полезно, а то он как будто сутулый у вас, Спиридон Ермолаевич, не мешало бы заодно и выпрямить. Занятие утомительное, доложу я вам, особенно если баба... Но не смею более утомлять вас подробностями, позвольте сделать одно отступление сугубо физиологического порядка. Мы с тобой, Спиридон, были бы никудышными философами и обманщиками, если бы не отметили великую страсть человека к мучительству. Отчего государство законом ограждает своих верноподданных от произвола и самодурства? А оттого ограждает, что иначе перевелись бы люди в государстве, предварительно друг друга истребив, перемучив... У меня, к примеру, и на баб уж клып так себе, не чувствует разницы между их минимальными различиями, отдавая немало, но как примусь за человека покрупнее, обеспеченный государственным полномочием, ничего поделывать не могу, смотрит в небо... Страсть сия — глубокая тайна, и молчат в основном философы, спрятав головы в плечи, наподобие страуса; тут нутро, Спиридон, наизнанку выворачивается, а понять ничего не понятно. Но люблю вместе с тем смиренных страдальцев, что на дыбе только пердят да побрякивают, уважаю, и такого страдальца я за сто англичан ни в жизнь не променяю, ибо мучительство и страда-

ние — богоугодное дело, а англичанин что — дерьмо, да и только! Или взять, допустим, Елисея-пророка, коего дети дразнили однажды плешивым. Гляди, плешивый!.. Обида невелика: каждому достойному мужу плешь иметь полагается. И не сказал Елисей детям худого слова, напустил на них двух медведей, и растерзали они сорок два ребенка... То-то, брат Спиридон, вот нам с тобою и пища для размышлений: поучительная картина! — а ты все запросы пишешь, бумагу мараешь попусту. А что человек все и всех продаст — не сомневаюсь, только к нему подступись не спеша, не спугни, дай только время! Не дают времени, подгоняют, наседають, торопят. Оттого в нашем деле и накладки случаются, а от них, Спиридон, непорядок множится...

А теперь, посудите сами, Спиридон Ермолаевич, что бы вышло, коли тот попугайчик, разведенный червем, воспарил? ХОРОШИ БЫ МЫ БЫЛИ! И так, по словам смутьяна, махнул он пару раз крылышками, хотя позже на дыбе от своих слов неосторожных отказывался. Но ведь он, паразит, заврался вконец! То, видите ли, он сам отравил птицу, то, дескать, вместе с Агафоном Елистратовичем, чтобы яд испытать, то — было и такое, скажу по секрету — доносил, будто вы его, отец то есть родной Спиридон Ермолаевич, подговаривали эксгумировать дохлую тварь. Тут-то мы (или, может быть раньше?) ему и оторвали его причиндалы, дабы отца своего все не хулил почем зря, оторвали и — псам: пусть полакомятся... И на все-то он соглашается, все готов подписать, подтвердить, что ни скажи, на всякий вопрос рапортует положительно. Куда это, посудите сами, годится? Видим, хочет сбить с толку следствие, направить по ложному следу, утаить позорную правду. Но дошли, полпутав, до истины, сошлись, на худой конец, в общем мнении, что хотел ваш сыночек Ермолай Спиридонович для того воскресить попугайчика, чтобы доказать преимущество заморской птицы перед нашими воробьями, и тем самым умалить нашу гордость, выставить нас перед миром в глупом, неправильном свете. Как пришли мы с Ермолаем Спиридоновичем к общему мнению, так и обнялись на радостях: конец, говорю, делу венец, несите, молодцы, нам вина и яств, мы отпразднуем! И несут нам молодцы белорыбицу, поросят и барашков несут, суфле разные и вино, что зовется игриво молоком Богородицы. Закусили и точим балясы...

Однако смутно подозреваю, что ты, Спиридон, воспаленный отцовским чувством, по которому не имеем к тебе претензий, интересуешься далее на предмет того, что случилось с твоим сыном, забывшим и хорошо мне памятным Ермолаюшкой. А что с ним могло стать? Ничего не случилось. Все, слава Богу, обошлось по-хорошему. Утречком рано, часу этак в пятом, когда ясно солнышко позолотило маковки наших святых церквей, поднялись мы с ним потихоньку рука об руку на колокольню. Полюбовались. Окрест лежал наш престольный город в сладком утреннем сне и тумане, петухи кричали, шумели сады. Амбары, стогны, гудки паровозов, университет — все пребывало на своих местах. Через город серебристым змием протекала река, а на том берегу, на высоком, бор стоял — заглядение и только! А какой, Спиридон, поднимался дух от трав. Пахло клевером, Спиридон, то густой запах! Лепота! — молвил я, оглядевшись. Лепота! — молвил Ермолай Спиридонович. Посмотрел я на него сбоку. Одно слово скажу: красавец! Даже бледность похмельная и та, переливаясь в нежную голубизну, шла на пользу его обличью. Ненароком попутанный блудливыми бесами, дождался он часа своего избавления и, предвкушая новую жизнь, был заранее благообразен. Ну, с Богом! — сказал я и подвел его за руку к уступу звонницы. — Лети, Ермолаюшка! Лети, голубок! — Он шагнул в пустоту, распластав крестом руки. На одну минутку взяла меня было мука сомнения: уж не воспарит ли он, как бирюзовый попугайчик, на радость бесам? С некоторой тревогой глянул я вниз, перегнувшись через поручни. Слава Богу! Разбился! Славно, вижу, шлепнулся, ан мозги раскрошились спелой дыней по мостовой. Молодцы мои в красных шапках бежали укрыть Ермолая Спиридоновича казенным сукном. Я перекрестился.

Не тужи, Спиридон Ермолаевич! Брось, не тужи! Было бы о ком! Не тоскуй о мерзавце! Он и тебя заложил, да я ту бумагу припрятал, ходу не дал. Как поостынут твои отцовские чувства, наведайся: сходим в баньку, попаримся, выпьем пивка. У меня хозяйка крепкое пиво варит, славно шибает! Заходи по-свойски, без церемоний. А детишек ты еще народишь, мужик ты небось исправный пока, хоть и в возрасте. А не народишь — тоже не беда, перебеешься. Не оскудеет! А сыночек твой Ермолай Спиридонович, он, конечно, прямоком в рай проследовал: мученик, он всегда в раю, даже если за неправое дело. И взирает он на нас оттуда ласково, забавляется своим бирюзовым попугайчиком, гладит перышки и — благодарствует. Как подумаешь, как представишь себе такую картину, даже зависть берет, Спиридон, ей-Богу... ну, да ладно, хрен с ним, пусть радуется!

Александр КАМЕНСКИЙ

«...ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ»

культура и репортаж?! Мыслимое ли это дело? Ведь статуи, ваяние, пластика привычно тяготеют к вечности, возносятся над мгновенным и преходящим, стремясь к широким и весомым обобщениям. А тут — «репортаж», стало быть, что-то злободневное, плакатное, близкое хронике.

А ведь при этом сам Д. Митлянский немало и успешно работал в монументальных жанрах — вспомним его прекрасный мемориал погибшим на фронте выпускникам 110-й московской школы, участие в работе над столичным памятником И. А. Крылову. Но над художником ничуть не тяготели устойчивые цеховые взгляды и представления. Да, репортаж, да, хроника, да, горячие следы только что происшедших событий, их приметы, острота, волнение... Почему все это не отвечает требованиям высокого искусства? Митлянский взялся опровергнуть такой пред-
рассудок.

Могу быть прямым свидетелем: он работал бешено и яростно, ощущая «вдохновение в бою». Пять отдельных портретов и десять групп (в которые входят от двух до шести фигур) весьма основательных размеров, с раскрашенной, множеством деталей, переведенных в материал (керамика, дерево), выполнены всего лишь за несколько месяцев. Редкий напор! Сколько мне помнится, так напряженно и оперативно наши скульпторы работали разве что в далекую эпоху революционной «монументальной пропаганды»...

И вот мы в огромном зале Центрального Дома художников на Крымском валу в Москве. Скульптуры Митлянского заполняют этот зал, как дикий лес. Пестрое, шумное зрелище! Поначалу оно кажется похожим на многоголосую толпу, где неразличимы отдельные голоса. Но постепенно все более явно очерчиваются конкретные характеры и ситуации. Они чрезвычайно различны, и самый интонационный строй у них всякий раз индивидуален. Общее все же есть — сложность и насыщенность нынешней духовной и гражданской жизни московской интеллигенции. У этой жизни бесчисленные оттенки и краски. Митлянский показывает их и пронизательно, и остро, то как бы стремясь проникнуть в строй мыслей своих персонажей, то с лирической мягкостью, а то, напротив, с нескрываемой иронией, которая вообще очень свойственна таланту этого мастера.

Впрочем, его ирония во многих случаях вполне благожелательна. Оригинально решенный сюжет «Гласность» — вертикали рук, которые держат популярнейшие издания. Конечно, это никак не похоже на традиционные приемы скульптурных композиций. Что-то вроде кукольного спектакля над ширмой. Тем не менее перед нами не только информация плакатного типа. Как выразительна игра этих рук! Они сжимают, листают, нервно теребят журналы и газе-

ты. В каждом отдельном случае видна неповторимо-индивидуальная жестикация. А вся сцена в целом — выразительная метафора перестроечной эпохи, когда так жадно ждут новостей, так горячо их переживают и обсуждают.

Конечно, есть своя доля иронии в группах, запечатлевших, как учатся демократии («Диспут. Демократия», «Выдвижение кандидатов. Демократия»). Но здесь и речи нет о какой-то злой ухмылке. Нечто забавное смешивается в этих композициях с чрезвычайно серьезным. Скульптор, улыбаясь, подмечает неуемный темперамент ораторов, которые во время какой-то бурной дискуссии выхватывают друг у друга микрофон или рвутся на трибуну.

Особо отмечу сюжетно-композиционный дар Митлянского. Добиться убедительного, жизненного общения между персонажами скульптурных групп — дело чрезвычайной трудности. Это ведь не живопись, где помогают красноречивые подробности обстановки, самые переливы цвета и света, дополняющие характеры. В пластических произведениях все гораздо лапидарнее. Поэтому необходима абсолютная точность и соотношений фигур, и роли немногих включаемых иногда деталей.

Казалось бы, в острой, порой насмешливой сюите плакатно-фельетонного типа совсем не место психологическим портретам, требующим спокойного, созерцательного восприятия. Но Митлянский во всем выходит за рамки жанровой строгости и включает в свой цикл несколько портретных изображений самого серьезного свойства. Это как бы разные грани нашей нынешней духовной ситуации, которую перестройка резко проявила и наполнила новым, высоким смыслом. Поэтому каждый из портретных образов цикла воспринимается и как индивидуальный образ, и как свидетельство сопричастности к перестройке. Так, писатель Борис Васильев в изображении Митлянского — человек обнаженной совести, подвижник, рыцарь своих убеждений... Таковы и другие герои серии «Московская интеллигенция во время перестройки».

Совсем незадолго до вернисажа этой выставки на Крымском валу друзья сказали мастеру: наивно думать, что силы прошлого, столь долгого и крутого, в одночасье исчезли, растаяв, как дым. Нет, они еще среди нас, рядом с нами, они надеются на возврат к старому, способны на любые выпады и провокации. И для подлинной объективности картины времени надо показать еще и облики тех, кому любы ушедшие нравы и порядки.

Митлянский прислушался к таким соображениям. К уже готовому циклу была добавлена особая группа из трех вырубленных в дереве полуфигур — «Им не нужна перестройка».

Это уже не ирония, а сатира, злая и жгучая. Рядом с такими фигурами особенно ценишь ум, душевные глубины и человеческие побуждения, которыми наделяны главные герои цикла.

Начало на стр. 8.

ВЛЮБЛЕННАЯ ПАРА. 1907.

ПЕЙЗАЖ В МУРНАУ. 1908.

предметов складывались в нечто случайное и знаменовали «полупредметный» или «беспредметный импрессионизм». Импровизация включала более активное участие фантазии, переосмысление увиденного, высвобождение интуитивного начала. Композиция оказывается высшей и наиболее сложной формой проявления творческого движения. «С самого начала,— писал Кандинский,— уже одно слово «композиция» звучало для меня как молитва».

Едва ли не лучшими примерами обретенной художником зрелости и неповторимости его подхода к творческой задаче являются большие картины 1913 года «Композиция № 6» и «Композиция № 7». Почти одинаковые по размеру, они различны по содержанию и его воплощению. Обе представляют собой именно форму, которая и была для Кандинского желанной целью. Наконец-то художник одержал тут полную победу, развернув в пространстве живописно-пластическую ситуацию и достигнув цельности и завершенности художественного образа.

Каждый из мотивов, достигая крайнего напряжения, уподоблен некоей катастрофе, взрыву, потопу. Пятна и линии действуют в этих сценах, как живые существа. Но то, что это не конкретные люди, животные или предметы, а абстрактные формулы, лишь усиливает выразительность пластического события. Теряя в конкретности, оно обретает качество общности. Трагедия разворачивается в условном времени, содержит в себе катарсис, гармоническое разрешение, казалось бы, неразрешимых противоречий. Строя свои композиции, Кандинский не измышляет, а лишь направляет и контролирует то, что является его воображению. Его метод характеризуется этим единством сознательного и стихийного, интуитивного и рационального.

В композициях много отдельных мотивов, самостоятельных, но и взаимодействующих друг с другом. При этом все эти «действия» производятся на основании известных Кандинскому, а подчас и открытых им самим законов воздействия и восприятия цвета, линии, пятна, сочетания цвета и формы. Взаимодействие различных мотивов, как бы собранных вместе из предшествующего творчества, создает впечатле-

КОМПОЗИЦИЯ № 6. 1913.

ние космичности, множественности миров, словно столкнувшихся друг с другом, слившихся в некое вселенское бытие. Кандинский приобщает зрителя к мистическим тайнам рождения вселенной и ее гибели. Удивительно это слияние мистического и рационального, или, вернее, удивителен рациональный путь постижения мистического. Здесь вспоминается увлечение художника идеями Е. Блаватской и Р. Штайнера, теософией и антропософией, стремившихся магическую силу обосновать практическим опытом и превратить в естественную науку. Творчество Кандинского приобретает магическое начало. Но его магия направлена на приобщение человеческой души к действительным тайнам мира. А знание законов живописи обеспечивает ему «разумность» действий на пути постижения, казалось бы, непостижимого. Метод и стиль Кандинского отточились и сформировались окончательно в первой половине 1910-х годов. Овладев средствами для выражения самого сокровенного, он свободно пользовался ими. Выдвинув в виде главного начала в искусстве духовное содержание и сделав основным средством его выражения комбинацию беспредметных форм (хотя порой художник возвращался и к предметности), Кандинский выступил как провозвестник нового творческого принципа. Как пророк. Его пророчество выходило далеко за рамки художественных проблем.

Можно сказать, что «пик формы» Кандинского пришелся на 1913—1914 годы, а 1910-е годы в целом можно признать самым значительным десятилетием во всей его художественной деятельности. Правда, в первое время после переезда в Россию, в начале мировой войны, творческий потенциал Кандинского ослабевает. Но в дальнейшем он продолжает разрабатывать свой метод. «Ясное», «Смутное», «Сумеречное» (все — 1917) — таковы названия и темы некоторых его картин. «Белый овал» (1919), «Два овала» (1919), «Красный овал» (1920), «Картина на сером фоне» (1916), «Красное пятно. II» (1921) — все эти работы являлись собой образцы ожившей в красках музыки. Они выражают состояние авторской души, проникнуты глубокими чувствами, несут отсвет личности художника, но вместе с тем реализуют объективные интеллектуальные ситуации и духовные категории, раскрытые во внешнем мире.

Октябрьская революция, внесшая небывалое оживление в художественную жизнь России, вновь вернула Кандинского к активной организаторской, педагогической и научной деятельности. Он выступает как участник многих начинаний. Организация охраны памятников при отделе ИЗО Наркомпроса, создание музея живописной культуры и ряда музеев в российской провинции, руководство (хотя и кратковременное) Институтом художественной культуры, участие в организации Государственной академии художественных наук, где Кандинский выступает в качестве вице-президента, почетное профессорство в Московском университете, преподавание во Вхутемасе — знаменитом московском высшем учебном заведении, провозгласившем новые принципы художественной педагогики, — вот неполный список тех званий, должностей, обязанностей, которые получает художник от новой власти. Не все ладится. Не всякие контакты оказываются плодотворными. Подчас бывает трудно договориться с более молодыми представителями «левого» искусства. И тем не менее след, оставленный Кандинским в художественной жизни России первых послереволюционных лет, поистине велик.

В конце 1921 года художник покинул Россию и отправился в Берлин, откуда через несколько месяцев переехал в Веймар, а потом — в 1925 году — в Дессау. Он связал свою судьбу со знаменитым Баухаузом — художественным институтом, явившимся, как и Вхутемас, проводником новых художественно-педагогических и творческих идей. До прихода к власти фашистского режима Кандинский оставался одним из главных деятелей Баухауза, генератором концепций, теоретиком и одновременно учителем. В педагогике и на практике он осуществляет свои давние идеи синтеза искусства.

И в баухаузовский период, и в более позднее время во Франции Кандинский менял свою живописную манеру. Сначала появились геометрические формы, затем биоморфные образования; наметилась связь с сюрреализмом, подкрепленная дружбой с двумя видными представителями этого направления — Х. Миро и Г. Арпом. В поздние периоды Кандинский утрачивает ту уникальность, какую мы находим в его творчестве 1910-х годов. Он вступает в тот этап развития мирового искусства, когда новые пути прокладываются уже не его собственными усилиями. И тем не менее отблеск гения художника ложится и на эти произведения. Этот отблеск всегда возвращает нас к главным открытиям Кандинского, который в эпоху сложных, кризисных ситуаций, безысходных тупиков, подстерегавших искусство, сумел высказать свой голос проповедника духовного и тем самым приобщиться к великой художественной традиции.

Дмитрий САРАБЬЯНОВ

КАК Я БЫЛ СОЛДАТОМ АРМИИ США

Окончание.
Начало на стр. 13.

все предвидел. Кроме того, когда мы начинали стрелять, «чарли» зачастую принимали нас за своих и топали прямо к нам в руки. Я командовал ротой. Послал группу на вертолете прочесать квадрат севернее нашей базы. Вдруг они возвращаются. Спрашиваю: в чем дело? А они: там сильное противодействие — огонь противника, мы решили не ввязываться в бой. Но вертолетчики объясняют иначе: просто крона дерева царапнула борт — огня не было. Я приказываю ребятам лететь в тот же квадрат опять. Но сержант ни в какую! Сэр, говорит, я проторчал в этом дерьме больше года и не собираюсь погибать в нем напоследок. Я повторяю приказ. Тщетно. Ладно, говорю сержанту, сиди здесь, я сам поведу ребят. Если он психологически не готов лететь в джунгли, то черт с ним, решил я, не буду его ломать. Кроме того, возвращаться — не самая добрая примета. Потом, правда, дело передал в трибунал...

— Вы были тогда женаты? — я задаю этот вопрос полковнику, потому что знаю: холостому на войне проще, чем женатому.

— Да, — отвечает он, — ребенку пять месяцев только исполнилось... Словом, выбросили нас в указанный квадрат. Бродили мы по джунглям пять дней, пять ночей, устроили уйму засад. И все-таки Бог миловал: вернулись целыми. Лег я тогда на койку, вытянулся, хрустнул всеми переутомленными суставами и отчетливо почувствовал свое моральное превосходство над безумной затеей, именуемой жизнью... Я понял, что смерть — это мое самое верное убежище, далее которого ни один враг не сможет преследовать меня. Как сказал поэт, «пусть они иступленно беснуются, ты спокоен в могиле своей». Тебе, кстати, не надоед этот разговор о том, что человек делает на войне и что война делает с ним?

— Наоборот.

— Ты тоже, что ли, жаждешь заполучить пакет акций в международной корпорации грешников? — по губам Хоффмана змейкой скользит улыбка.

— Лишь в том случае, если вы предоставите мне право на долю в искуплении грехов.

— Ладно... «Как человек не согрешит, Бог милосерд: он грех простит». — Улыбка опять кривит его рот. На сей раз она печальней моцартовской «Лакриозы».

— Полковник, — говорю я, — вы не полковник, а прямо-таки рэйнджер-интеллектуал. Небось втихих стихи строчите?

— Стихи — нет. А вот книгу про бег написал. Называется «Искусство бега».

— Хотите тикануть от своих грехов?

— Отнюдь. Все мое ношу с собой...

— Полковник, как развивались события после вашего последнего боевого выхода?

— Обычно. Продолжался вывод войск. Они стягивались к городским центрам, потом направлялись в Сайгон, а оттуда — домой. Последними уходили рэйнджеры и «зеленые береты», которые, понятное дело, ничего изменить не могли, но командованию было спокойнее от сознания, что мы продолжали чесать джунгли. После того как последнее подразделение американских солдат покинуло Сайгон, в Южном Вьетнаме еще на протяжении трех лет оставались военные и гражданские советники. На них все смотрели как на смертников. Многие погибли. Некоторые посходили с ума. Советники не сомневались в том, что их предали. Оставлять их без защиты было вздорным решением. Впрочем, оно элемент проводившейся тогда политики «вьетнамизации», цель которой — заставить южных вьетнамцев взять инициативу у американцев, а не сваливать решение всех проблем на наши плечи. «Чарли» и Северный Вьетнам не мешали нам уходить. Наоборот, всячески способствовали этому. Они-то хорошо знали, что без американцев им ничего не будет стоить развалить

сайгонский режим. Честно говоря, я думал, что Юг продержится дольше. Но уже к весне 75-го все было кончено. А тогда, в 72-м, мы яростно убеждали самих себя, что оставляем хорошо вооруженную, боеспособную армию. Мы лгали себе. Бывают союзники надежные, а бывают такие, как армия Южного Вьетнама. На каждом шагу они предавали нас, а в конце уже откровенно играли на два фронта.

Хоффман дышит на свои ручные часы, протирает их рукавом. Внутри, видно, проник пот и затуманил стекло.

— Эх, черт! — ругается он, но кого имеет в виду, не понять — то ли бывшего боевого союзника, то ли запотевшие электронные часы. — А потом, — продолжает полковник, — Америка занялась поиском «ведьм» — виновников вьетнамской эпопеи. Сначала журналисты валили все на Джонсона, потом на Кеннеди, Макнамару... Но пуце всех досталось генералу Уэстморленду. — Вдруг лицо его искажает гримаса ненависти, он орет: — Ого-о-о-о!

Автоматически я нажимаю на спусковой крючок. Через пару секунд лесок трещит, хлопает, взрывается, ухает: «Альфа» и «Браво» ведут суматошный огонь по вдруг показавшемуся в кустах «противнику».

Винтовка каждого из нас снабжена лазером. Спину и грудь обтягивает особый чувствительный жилет, подсоединенный к электронному гудку на каске. Если «противник» попадает в тебя лучом, гудок мгновенно начинает пищать: ты «ранен» или «убит».

К концу лазерной перестрелки вся рощица пищит от обилия трупов. Они, правда, как ни в чем не бывало, пьют воду из фляг, перешнуровывают башмаки. Словом, ведут себя абсолютно наплевательски по отношению к смерти.

Сержанты деловито подсчитывают «потери».

Потом мы встаем и длинной цепочкой идем куда-то на северо-восток по бесконечным степям Алабамы. Одну речку переходим вброд. Через другую, ту, что поглубже, переправляемся с помощью натянутого над ней каната. Ноги ноют, тоскуют по вертолетам...

К вечеру мы возвращаемся в Форт Беннинг. Я прощаюсь с Хоффманом и Хорсом.

— Пока, — говорит капитан Хорс и протягивает мне руку.

— Пока, — говорит полковник и устало жмурит глаза.

В них такая жуткая даль, какую человеку, кажется, не одолеть и за тысячу лет жизни.

— Пока...

На обратном пути в аэропорт я останавливаюсь у небольшого магазинчика, приютившегося на одной из улиц Колумбуса. Здесь, как мне сказали, работает лейтенант Колли, тот самый Колли, что отдал приказ о расстреле мирных жителей деревни Сонгми. Перед Вьетнамом лейтенант проходил подготовку в Форте Беннинг. После Вьетнама осел в соседнем с базой городке.

— Что вы желаете? Я к вашим услугам, — говорит среднего роста человек, появившийся в дверях.

— Я хотел бы поговорить с мистером Колли. Если это, конечно, возможно.

— А вы, собственно, кто? — Человек приближается к прилавку и кладет на его стеклянную поверхность свои белые, чуть толстоватые руки. Вроде руки как руки. Но почему-то от одного их вида меня начинает тошнить.

— Я журналист.

Человек резким движением снимает очки в золотой оправе и несколько секунд неподвижно смотрит на меня в упор. Резко поворачивается и уходит, хлопая за собой дверь.

До меня доносится его приглушенный смех.

— Прекратите записывать! — требование судьи.
Фрида Вигдорова не прекращает.
— Отнять у нее записи! — выкрик из зала.
Вигдорова записывает. Иногда украдкой, иногда открыто.
— Эй, вы, там, которая пишет! Отнять у нее записи, и все тут!

Фрида продолжает упорно. Да и как же не писать, удержаться? Тут каждая фигура из Гоголя, Салтыкова-Щедрина или Зощенко. Заседатели, общественный обвинитель, судья. Что ни слово судьи — то образец беззакония, что ни слово обвинителя — то бессвязный рык воинствующего невежества. Что ни справка — то подлог. Судят литератора, а собрана аудитория, наименее подготовленная к восприятию литературы.

Жизнь — великий художник, но и ей редко удается создать явление такой выразительности, такой безупречной оконченности. Судят не кого-нибудь, а поэта, и не за что-нибудь, а за безделье, за тунеядство. На суде столкнулись две силы, извечно противостоящие друг другу: интеллигенция и бюрократия. Сила одухотворенного слова и сила циркуляра, казенщины.

В центре столкновения — наверное, для наглядности! — жизнь поставила поэта. А запечатлеть глумление над ним поручила женщине столь же талантливой, сколь и правдивой, энергичной, не щадящей себя, смелой.

Имя педагога, писательницы, журналистки Фриды Абрамовны Вигдоровой (1915—1965) приобрело особо широкую известность в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Своими статьями в печати — в «Известиях», в «Комсомольской правде», в «Литературной газете» — ей не раз удавалось способствовать восстановлению справедливости.

Однако запись двух судов над Иосифом Бродским напечатанью не подлежала. Ни одна газета не рискнула сделать ее достоянием гласности. Документ, соединяющий словесную живопись с безупречной точностью, ходил по рукам, его без устали переставляли на машинке многочисленные поклонники поэзии Бродского. Запись эта стала одним из первых произведений едва нарождающегося Самиздата. На Родине прочли ее сотни людей, самовольно переключившись на Запад. Роль ее росла с каждым днем: Ф. Вигдорова обращалась с юридически обоснованными жалобами во все инстанции — и прилагала ко всем заявлениям, жалобам, просьбам свою запись.

Неопровержимо точный, обличающий беззаконие документ производил сильное впечатление на всех, кто читал его, — на всех, кроме адресатов. Чиновникам из Министерства юстиции ведомо было, что истинные организаторы расправы с Бродским — люди весьма высокие. А какая же газета, какая благоразумная инстанция рисковала в ту пору противиться чиновничьей власти? (Многие ли рискуют теперь?)

Бродского защищали многочисленные поклонники его поэзии — чуть ли не вся интеллигентная молодежь Ленинграда. Что ж! Тем хуже для них и для него! Вступились за Бродского литераторы и ученые, члены и не члены Союза писателей, побывавшие на суде или только прочитавшие после суда запись Вигдоровой: Н. Грудинина, Н. Долинина, Э. Линецкая, Д. Дар, Б. Вахтин, Я. Гордин, Р. Орлова, Л. Копелев, В. Иванов, А. Ивич, Е. Гнедин, И. Рожанский, Н. Кинд, М. Поливанов и др. Высоко отзывались на суде о его даровании такие мастера, теоретики, знатоки художественного перевода и стиха, как члены Союза писателей профессора Педагогического института имени Герцена В. Г. Адмони и Е. Г. Эткинд... Но что они все со всеми своими писаниями и ученостью для высокопоставленных секретарей? Грош им цена. Правда, действительно вступались за Бродского и до, и во время, и после суда такие знаменитые люди, как Анна Ахматова, Д. Шостакович, К. Паустовский, С. Маршак, К. Чуковский... На их мнение плевать неудобно. И потому судьи прибегли к другому способу: не дали прозвучать в зале их именам. Суд не разрешил юристу — защитнице Бродского, З. Н. Топоровой, — огласить их телеграммы, их письма. Услышав громкое имя, вдруг да и опомнится кто-нибудь в зале суда?

Схема допроса: «Отвечайте суду, почему вы не работали?» — «Я работал. Я писал стихи». — «Отвечайте, почему вы не трудились?» — «Я трудился. Я писал стихи». — «А почему вы не учились этому в вузе?» — «Я думал... я думал, это от Бога».

Уверенность в безусловности своего дара требовала от Бродского углублять и расширять свои знания. Он самостоятельно изучил несколько языков, усердно читал книги по истории литературы и по философии. Одержимость был он одержим творческим труженичеством. Одержимость самобытным трудом заразительна — более того, как всякая сконцентрированная духовная сила, она — власть. Для упорядоченного бюрократического общества она опасна.

Запись, сделанная Фридой Вигдоровой, заставляла каждого, кто прочел этот художественный документ, пережить судилище с гневом, с горечью — словно оскорбление нанесено было лично ему. Такова сила искусства. Думаю, и современный читатель, углубившись в текст, воспримет его с тою же болью.

...Бродскому выпал завидный жребий отстаивать — и отстоять! — честь русской поэзии. Дома и за рубежом. Честь вооружить интеллигенцию для отпора бюрократии выпала Фриде Вигдоровой. Настойчивые защитники Бродского помешали бюрократии доконать поэта. Бродский вернулся из ссылки не через пять лет, а через полтора года.

Они не встретились — Иосиф Бродский и Фрида Вигдорова. Она скончалась от рака 7 августа 1965 года, за месяц до его освобождения.

Лидия ЧУКОВСКАЯ

Ф. ВИГДОРОВА

СУДИ

ПЕРВЫЙ СУД НАД ИОСИФОМ БРОДСКИМ
Зал суда Дзержинского района,
г. Ленинград, ул. Восстания, 36.
18 февраля 1964 года.
Судья САВЕЛЬЕВА

Судья. Чем вы занимаетесь?

Бродский. Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...

Судья. Никаких «я полагаю». Стойте как следует! Не прислоняйтесь к стене! Смотрите на суд! Отвечайте суду как следует! (Мне): Сейчас же прекратите записывать! А то выведу из зала! (Бродскому): У вас есть постоянная работа?

Бродский. Я думал, что это — постоянная работа.

Судья. Отвечайте точно!

Бродский. Я писал стихи. Я думал, что они будут напечатаны. Я полагаю...

Судья. Нас не интересует «я полагаю». Отвечайте, почему вы не работали?

Бродский. Я работал. Я писал стихи.

Судья. Нас это не интересует. Нас интересует, с каким учреждением вы были связаны.

Бродский. У меня были договоры с издательством.

Судья. Так и отвечайте. У вас договоров достаточно, чтобы прокормиться? Перечислите, какие, от какого числа, на какую сумму.

Бродский. Точно не помню. Все договоры у моего адвоката.

Судья. Я спрашиваю вас.

Бродский. В Москве вышли две книги с моими переводами... (перечисляет).

Судья. Ваш трудовой стаж?

Бродский. Примерно...

Судья. Нас не интересует «примерно»!

Бродский. Пять лет.

Судья. Где вы работали?

Бродский. На заводе, в геологических партиях...

Судья. Сколько вы работали на заводе?

Бродский. Год.

Судья. Кем?

Бродский. Фрезеровщиком.

Судья. А вообще какая ваша специальность?

Бродский. Поэт, поэт-переводчик.

Судья. А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский. Никто. (Без вызова): А кто причислил меня к роду человеческого?

Судья. А вы учились этому?

Бродский. Чему?

Судья. Чтоб быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский. Я не думал... я не думал, что это дается образованием.

Судья. А чем же?

Бродский. Я думаю, это... (растерянно) от Бога...

Судья. У вас есть ходатайство к суду?

Бродский. Я хотел бы знать: за что меня арестовали?

Судья. Это вопрос, а не ходатайство.

Бродский. Тогда у меня нет ходатайства.

Судья. Есть вопросы у защиты?

Адвокат. Есть. Гражданин Бродский, ваш заработок вы вносите в семью?

Бродский. Да.

Адвокат. Ваши родители тоже зарабатывают?

Бродский. Они пенсионеры.

Адвокат. Вы живете одной семьей?

Бродский. Да.

Адвокат. Следовательно, ваши средства вносились в семейный бюджет?

Судья. Вы не задаете вопросы, а обобщаете. Вы помогаете ему отвечать. Не обобщайте, а спрашивайте.

Адвокат. Вы находитесь на учете в психиатрическом диспансере?

Бродский. Да.

Адвокат. Проходили ли вы стационарное лечение?

Бродский. Да, с конца декабря 1963 года по 5 января этого года в больнице имени Кащенко в Москве.

Адвокат. Не считаете ли вы, что ваша болезнь мешала вам подолгу регулярно работать на одном месте?

Бродский. Может быть. Наверное. Впрочем, не знаю. Нет, не знаю.

Адвокат. Вы переводили стихи для сборника кубинских поэтов?

Бродский. Да.

Адвокат. Вы переводили испанские романсеро?

Бродский. Да.

Адвокат. Вы были связаны с переводческой секцией Союза писателей?

Бродский. Да.

Адвокат. Прошу суд приобщить к делу характеристику бюро секции переводчиков... Список опубликованных стихотворений... Копии договоров... Телеграмму: «Просим ускорить подписание договора»... (Перечисляет. И даже из одного перечисления явствует, что обвинение в тунеядстве — пыль.) И я прошу направить гражданина Бродского на медицинское освидетельствование для заключения о состоянии здоровья и о том, препятствовало ли оно регулярной работе. Кроме того, прошу немедленно освободить гражданина Бродского из-под стражи. Считаю, что он не совершил никаких преступлений и что его содержание под стражей — незаконно. Он имеет постоянное место жительства и в любое время может явиться по вызову суда.

Суд удаляется на совещание. А потом возвращается, и судья читает постановление:

Направить на судебно-психиатрическую экспертизу, перед которой поставить вопрос, страдает ли Бродский каким-нибудь психическим заболеванием и препятствует ли это заболеванию направлению Бродского в отдаленные местности для принудительного труда. Вернуть материал в милицию для дополнительной проверки его заработков. Учитывая, что из истории болезни видно, что Бродский уклонялся от госпитализации, предложить отделению милиции № 18 доставить его для прохождения судебно-психиатрической экспертизы.

Судья. Есть у вас вопросы?

Бродский. У меня просьба: дать мне в камеру бумагу и перо.

Судья. Это вы просите у начальника милиции.

Бродский. Я просил, он отказал. Я прошу бумагу и перо.

Судья (смягчаясь). Хорошо. Я передам.

Бродский. Спасибо.

Когда мы вышли из зала суда, то увидели в коридорах и на лестнице огромное количество людей, особенно молодежи.

Судья. Сколько народу! Я не думала, что соберется столько народу.

Из толпы. Не каждый день судят поэта!

Судья. А нам все равно — поэт или не поэт!

По мнению защитницы З. Н. Топоровой, судья Савельева должна была освободить Бродского из-под стражи, чтобы он на другой день сам пошел в указанную психиатрическую больницу на экспертизу, но она оставила его под арестом, так что и в больницу он был отправлен под конвоем.

ВТОРОЙ СУД НАД ИОСИФОМ БРОДСКИМ

Зал Клуба строителей,
г. Ленинград, Фонтанка, 22.
13 марта 1964 года.
Судья САВЕЛЬЕВА

Заключение экспертизы гласит: «В наличии психопатические черты характера, но трудоспособен. Поэтому могут быть применены меры административного порядка».

Идущих на суд встречает объявление: СУД НАД ТУНЕЯДЦЕМ БРОДСКИМ. Большой зал Клуба строителей полон народа.

— Встать! Суд идет!

Судья Савельева спрашивает у Бродского, какие у него есть ходатайства к суду. Выясняется, что ни перед первым судом, ни сейчас он не был ознакомлен с делом. Судья объявляет перерыв. Бродского уводят для того, чтобы он мог ознакомиться с делом. Через некоторое время его приводят, и он говорит, что стихи на страницах 141, 143, 155, 200, 234 (перечисляет) ему не принадлежат. Кроме того, просит не приобщать к делу дневник, который он вел в 1956 году, то есть тогда, когда ему было 16 лет. Защитница присоединяется к этой просьбе.

ЛИШЕ

Судья. В части так называемых его стихов учтем, а в части его личной тетради изымать ее нет надобности. Гражданин Бродский, с 1956 года вы переменили 13 мест работы. Вы работали на заводе год, потом полгода не работали. Летом были в геологической партии, а потом 4 месяца не работали... (перечисляет места работы и следовавшие затем перерывы). Объясните суду, почему вы в перерывах не работали и вели паразитический образ жизни?

Бродский. Я в перерывах работал. Я занимался тем, чем занимаюсь и сейчас: я писал стихи.

Судья. Значит, вы писали свои так называемые стихи? А что полезного в том, что вы часто меняли место работы?

Бродский. Я начал работать с 15 лет. Мне все было интересно. Я менял работу потому, что хотел как можно больше знать о жизни и людях.

Судья. А что вы делали полезного для Родины?

Бродский. Я писал стихи. Это моя работа. Я убежден... я верю, что то, что я написал, сослужит людям службу, и не только сейчас, но и будущим поколениям.

Голос из публики. Подумаешь. Воображает.

Другой голос. Он поэт, он должен так думать.

Судья. Значит, вы думаете, что ваши так называемые стихи приносят людям пользу?

Бродский. А почему вы говорите про стихи «так называемые»?

Судья. Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет.

Сорокин (общественный обвинитель)*. Вы говорите про будущее поколения. Вы что, считаете, что вас сейчас не понимают?

Бродский. Я этого не сказал. Просто мои стихи еще не опубликованы, и люди их не знают.

Сорокин. Вы считаете, что если бы их знали, то признали бы?

Бродский. Да.

Сорокин. Вы говорите, что у вас любознательность сильно развита. Почему же вы не захотели служить в Советской Армии?

Бродский. Я не буду отвечать на такие вопросы.

Судья. Отвечайте.

Бродский. Я был освобожден от военной службы. Не «не захотел», а был освобожден. Это разные вещи. Меня освобождали дважды. В первый раз потому, что болел отец, во второй раз из-за моей болезни.

Сорокин. Можно ли жить на те суммы, что вы зарабатываете?

Бродский. Можно. Находясь в тюрьме, я каждый вечер расписывался в том, что на меня израсходовано в день 40 копеек. А я зарабатывал больше, чем 40 копеек в день.

Сорокин. Но надо же обуваться, одеваться.

Бродский. У меня один костюм — старый, но уж какой есть. И другого мне не надо.

Адвокат. Оценивали ли ваши стихи специалисты?

Бродский. Да. Чуковский и Маршак очень хорошо говорили о моих переводах. Лучше, чем я заслуживаю.

Адвокат. Была ли у вас связь с секцией переводов Союза писателей?

Бродский. Да. Я выступал в альманахе, который называется «Впервые на русском языке», и читал переводы с польского.

Судья (защитнице). Вы должны спрашивать его о полезной работе, а вы спрашиваете о выступлениях.

Адвокат. Его переводы и есть его полезная работа.

Судья. Лучше, Бродский, объясните суду, почему вы в перерывах между работами не трудились?

Бродский. Я работал. Я писал стихи.

Судья. Но это же не мешало вам трудиться.

Бродский. А я трудился. Я писал стихи.

Судья. Но ведь есть люди, которые работают на заводе и пишут стихи. Что вам мешало так поступать?

Бродский. Но ведь люди не похожи друг на друга. Даже цветом волос, выражением лица...

Судья. Это не ваше открытие. Это всем известно. А лучше объясните, как расценить ваше участие

Иосиф Бродский в ссылке. Архангельская область, деревня Норинская.

в нашем великом поступательном движении к коммунизму?

Бродский. Строительство коммунизма — это не только стояние у станка и пахота земли. Это и интеллигентный труд, который...

Судья. Оставьте высокие фразы. Лучше ответьте, как вы думаете строить свою трудовую деятельность на будущее.

Бродский. Я хотел писать стихи и переводить. Но если это противоречит каким-то общепринятым нормам, я поступлю на постоянную работу и все равно буду писать стихи.

Заседатель Тяглый. У нас каждый человек трудится. Как же вы бездельничали столько времени?

Бродский. Вы не считаете трудом мой труд. Я писал стихи, я считаю это трудом.

Судья. Вы сделали для себя выводы из выступления печати?

Бродский. Статья Лернера была лживая. Вот единственный вывод, который я сделал.

Судья. Значит, вы других выводов не сделали?

Бродский. Не сделал. Я не считаю себя человеком, ведущим паразитический образ жизни.

Адвокат. Вы сказали, что статья «Окололитературный трутень», опубликованная в газете «Вечерний Ленинград», неверна*. Чем?

Бродский. Там только имя и фамилия верны. Даже возраст неверен. Даже стихи не мои. Там моими друзьями названы люди, которых я едва знаю или не знаю совсем. Как же я могу считать эту статью верной и делать из нее выводы?

* Статья была опубликована 29 ноября 1963 года и подписана, кроме Я. Лернера, А. Иониным и М. Медведевым. 8 января 1964 года в том же «Вечернем Ленинграде» была напечатана подборка писем читателей под общим названием «Тунеядцам не место в нашем городе».

* Ф. Сорокин введен в состав суда вопреки возражениям И. Бродского и адвоката.

Адвокат. Вы считаете свой труд полезным. Смогут ли это подтвердить вызванные мною свидетели?

Судья (адвокату, иронически). Вы только для этого свидетелей и вызвали?

Сорокин (Бродскому). Как вы могли самостоятельно, не используя чужой труд, сделать перевод с сербского?

Бродский. Вы задаете вопрос невежественно. Договор иногда предполагает подстрочник. Я знаю польский, сербский знаю меньше, но это родственные языки, и с помощью подстрочника я мог сделать свой перевод.

Судья. Свидетельница Грудина.

Грудина. Я руковожу работой начинающих поэтов более 11 лет. В течение семи лет я была членом комиссии по работе с молодыми авторами. Сейчас руковожу поэтами-старшеклассниками во Дворце пионеров и кружком молодых литераторов завода «Светлана». По просьбе издательства составляла и редактировала 4 коллективных сборника молодых поэтов, куда вошло более 200 новых имен. Таким образом, практически я знаю работу почти всех молодых поэтов города.

Работа Бродского, как начинающего поэта, известна мне по его стихам 1959 и 1960 годов. Это были еще несовершеннолетние стихи, но с яркими находками и образами. Я не включала их в сборники, однако считала автора способным. До осени 1963 года с Бродским я лично не встречалась.

После опубликования статьи «Окололитературный трутень» в «Вечернем Ленинграде» я вызвала к себе Бродского для разговора, так как молодежь осаждала меня просьбами вмешаться в дело оклеветанного человека. Бродский на мой вопрос — чем он занимается сейчас? — ответил, что изучает языки и работает над художественными переводами около полугода. Я взяла у него рукописи переводов для ознакомления.

Как профессиональный поэт и литературовед по образованию, я утверждаю, что переводы Бродского сделаны на высоком профессиональном уровне. Бродский обладает специфическим, не часто встречающимся талантом художественного перевода стихов. Он представил мне работу из 368 стихотворных строк, кроме того, я прочла 120 строк его переводов стихов, напечатанных в московских изданиях.

По личному опыту художественного перевода я знаю, что такой объем работы требует от автора не менее полугодичного плотного рабочего времени, не считая хлопот по изданию стихов и консультаций специалистов. Время, нужное для таких хлопот, учета, как известно, не поддается. Если расценить даже по самым низким издательским расценкам те переводы, которые я видела собственными глазами, то у Бродского уже наработано примерно 350 рублей новыми деньгами, и вопрос лишь в том, когда будет напечатано полностью все сделанное.

Кроме договоров на переводы, Бродский представил мне договоры с радио и телевидением, работа по которым уже выполнена, но тоже еще не полностью оплачена.

Из разговора с Бродским и людьми, его знающими, мне известно, что живет Бродский очень скромно, отказывается себе в одежде и развлечениях, основную часть времени просиживает за рабочим столом. Полученные за свою работу деньги он вносит в семью.

Адвокат. Нужно ли для художественного перевода стихов знать творчество автора вообще?

Грудина. Да, для хороших переводов, подобных переводам Бродского, надо знать творчество автора и вникнуть в его голос.

Адвокат. Уменьшается ли оплата за переводы, если переводить по подстрочникам?

Грудина. Да, уменьшается. Переводя по подстрочникам венгерских поэтов, я получала за строчку на рубль (старыми деньгами) меньше.

Адвокат. Практикуется ли переводчиками работа по подстрочнику?

Грудина. Да, повсеместно. Один из крупнейших ленинградских переводчиков, А. Гитович, переводит с древнекитайского по подстрочникам.

Заседатель Лебедева. Можно ли самоучкой выучить чужой язык?

Грудина. Я изучила самоучкой два языка в дополнение к тем, которые изучила в университете.

Адвокат. Если Бродский не знает сербского языка, может ли он, несмотря на это, сделать высокохудожественный перевод?

Грудина. Да, конечно.

Адвокат. А не считаете ли вы подстрочник предосудительным использованием чужого труда?

Грудина. Боже сохрани.

Заседатель Лебедева. Вот я смотрю книжку. Тут же у Бродского всего два маленьких стишка.

Грудина. Я бы хотела дать некоторые разъяснения, касающиеся специфики литературного труда. Дело в том...

Судья. Нет, не надо. Так, значит, какое ваше мнение о стихах Бродского?

Грудина. Мое мнение, что как поэт он очень талантлив и на голову выше многих, кто считается профессиональным переводчиком.

Судья. А почему он работает в одиночку и не посещает никаких литературных объединений?

Грудина. В 1958 году он просил принять его в мое литобъединение. Но я слышала о нем как об истеричном юноше и не приняла его, оттолкнула собственными руками. Это была ошибка, я о ней очень жалею. Сейчас я охотно возьму его в свое объединение и буду с ним работать, если он этого захочет.

Заседатель Тяглый. Вы сами когда-нибудь лично видели, как он лично трудится над стихами, или он пользовался чужим трудом?

Грудина. Я не видела, как Бродский сидит и пишет. Но я не видела и как Шолохов сидит за письменным столом и пишет. Однако это не значит, что...

Судья. Неудобно сравнивать Шолохова и Бродского. Неужели вы не разъяснили молодежи, что государство требует, чтобы молодежь училась? Ведь у Бродского всего семь классов.

Грудина. Объем знаний у него очень большой. Я в этом убедилась, читая его переводы.

Сорокин. Читали ли вы его нехорошие, порнографические стихи?

Грудина. Нет, никогда.

Адвокат. Вот о чем я хочу вас спросить, свидетельница. Продукция Бродского за 1963 год такая: стихи в книге «Заря над Кубой», переводы стихов Галчинского (правда, еще не опубликованные), стихи в книге «Югославские поэты», песни гаучо и публикации в «Костре». Можно ли это считать серьезной работой?

Грудина. Да, несомненно. Это наполненный работой год. А деньги эта работа может принести не сегодня, а несколько лет спустя. Неправильно определять труд молодого поэта суммой полученного в данный момент гонорара. Молодого автора может постигнуть неудача, может потребоваться новая длительная работа. Есть такая шутка: разница между тунеядцем и молодым поэтом в том, что тунеядец не работает и ест, а молодой поэт работает, но не всегда ест.

Судья. Нам не понравилось это ваше заявление. В нашей стране каждый человек получает по своему труду и потому не может быть, чтобы он работал много, а получал мало. В нашей стране, где такое большое участие уделяется молодым поэтам, вы говорите, что они голодают. Почему вы сказали, что молодые поэты не едят?

Грудина. Я так не сказала. Я предупредила, что это шутка, в которой есть доля правды. У молодых поэтов очень неравномерный заработок.

Судья. Ну, уж это от них зависит. Нам этого не надо разъяснять. Ладно, вы разъяснили, что ваши слова шутка. Примем это объяснение.

(Вызывает нового свидетеля — Эткинда Ефима Григорьевича.)

Судья. Дайте мне ваш паспорт, поскольку ваша фамилия как-то неясно произносится. (Берет паспорт.) Эткинд... Ефим Гершевич... Мы вас слушаем.

Эткинд (член Союза писателей, преподаватель Института имени Герцена). По роду моей общественно-литературной работы, связанной с воспитанием начинающих переводчиков, мне часто приходится читать и слушать переводы молодых литераторов. Около года назад мне довелось познакомиться с работами Бродского. Это были переводы замечательного польского поэта Галчинского, стихи которого у нас еще мало известны и почти не переводились. На меня произвели сильное впечатление ясность поэтических образов, музыкальность, страстность и энергия стиха. Поразило меня и то, что Бродский самостоятельно, без всякой посторонней помощи изучил польский язык. Стихи Галчинского он прочел по-польски с таким же увлечением, с каким он читал свои русские переводы. Я понял, что имею дело с человеком редкой одаренности и — что не менее важно — трудоспособности и усидчивости. Переводы, которые я имел случай читать позднее, укрепили меня в этом мнении. Это, например, переводы из кубинского поэта Фернандеса, опубликованные в книге «Заря над Кубой», и из современных югославских поэтов, печатаемые в сборнике Гослитиздата. Я много беседовал с Бродским и удивился его познаниям в области американской, английской и польской литературы.

Перевод стихов — труднейшая работа, требующая усердия, знаний, таланта. На этом пути литератора могут ожидать бесчисленные неудачи, а материальный доход — дело далекого будущего. Можно несколько лет переводить стихи и не заработать этим ни рубля. Такой труд требует самоотверженной любви к поэзии и к самому труду. Изучение языков, истории, культуры другого народа — все это дается далеко не сразу. Все, что я знаю о работе Бродского, убеждает меня, что перед ним как поэтом-переводчиком большое будущее. Это не только мое мнение. Бюро секции переводчиков, узнав о том, что издательство расторгло с Бродским заключенные с ним договоры, приняло единодушное решение ходатайствовать перед директором издательства о привлечении Бродского к работе, о восстановлении с ним договорных отношений.

Мне доподлинно известно, что такого же мнения придерживаются крупнейшие авторитеты в области поэтического перевода, Маршак и Чуковский, которые...

Судья. Говорите только о себе.

Эткинд. Бродскому нужно предоставить возможность работать как поэту-переводчику. Вдали от большого города, где нет ни нужных книг, ни литературной среды, это очень трудно, почти невозможно. Повторяю, на этом пути, по моему глубокому убеждению, его ждет большое будущее. Должен сказать, что я очень удивился, увидев объявление: «Суд над тунеядцем Бродским».

Судья. Вы же знали это сочетание.

Эткинд. Знал. Но никогда не думал, что такое сочетание будет принято судом. При стихотворной технике Бродского ему ничто не мешало бы халтурить, он мог бы переводить сотни строк, если бы он работал облегченно. Тот факт, что он зарабатывал мало денег, не означает, что он не трудолюбив.

Судья. А почему он не состоит ни в каком коллективе?

Эткинд. Он бывал на наших переводческих семинарах...

Судья. Ну, семинары...

Эткинд. Он входит в этот семинар в том смысле...

Судья. А если без смысла? (Смех в зале.) То есть я хочу спросить: почему он не входил ни в какое объединение?

Эткинд. У нас нет членства, поэтому я не могу сказать «входил». Он ходил к нам, читал свои переводы.

Судья (Эткинду). Были ли у вас недоразумения в работе, в вашей личной жизни?

Эткинд (с удивлением). Нет. Впрочем, я уже два дня не был в институте. Может быть, там что-нибудь и произошло.

(Вопрос аудитории и, по-видимому, свидетелю остался непонятым.)

Судья. Почему вы, говоря о познаниях Бродского, напирали на иностранную литературу? А почему вы не говорили про нашу, отечественную литературу?

Эткинд. Я говорил с ним как с переводчиком и поэтому интересовался его познаниями в области американской, английской, польской литературы. Они велики, разнообразны и не поверхностны.

Смирнов (свидетель обвинения, начальник Дома обороны). Я лично с Бродским не знаком, но хочу сказать, если бы все граждане относились к накоплению материальных ценностей, как Бродский, нам бы коммунизм долго не построить. Разум — оружие опасное для его владельца. Все говорили, что он умный и чуть ли не гениальный. Но никто не сказал, каков он человек. Выросши в интеллигентной семье, он имеет только семилетнее образование. Вот тут пусть присутствующие скажут, хотели бы они сына, который имеет только семилетку? В армию он не пошел потому, что был единственным кормильцем семьи. А какой же он кормилец? Тут говорят — талантливый переводчик, а почему никто не говорит, что у него много путаницы в голове? И антисоветские строчки?

Бродский. Это неправда.

Смирнов. Ему надо изменить многие свои мысли. Я подвергаю сомнению справку, которую дали Бродскому в нервном диспансере насчет нервной болезни. Это сиятельные друзья стали звонить во все колокола и требовать — ах, спасите молодого человека! А его надо лечить принудительным трудом, только принудительным трудом, и никто ему не поможет, никакие сиятельные друзья. Я лично его не знаю. Знаю про него из печати. И со справками знаком. Я медицинскую справку, которая освободила его от службы в армии, подвергаю сомнению. Я не медицина, но подвергаю сомнению.

Бродский. Когда меня освобождали как единственного кормильца, отец болел, он лежал после инфаркта, а я работал и зарабатывал. А потом болел я. Откуда вы меня знаете, чтоб так обо мне говорить?

Смирнов. Я познакомился с вашим личным дневником.

Бродский. На каком основании?

Судья. Я снимаю этот вопрос.

Смирнов. Я читал его стихи.

Адвокат. Вот в деле оказались стихи, не принадлежащие Бродскому. А откуда вы знаете, что стихи, прочитанные вами, действительно его стихи? Ведь вы говорите о стихах неопубликованных.

Смирнов. Знаю, и все.

Судья. Свидетель Логунов.

Логунов (заместитель директора Эрмитажа по хозяйственной части). С Бродским я лично не знаком. Впервые я встретил его здесь, на суде. Так жить, как живет Бродский, больше нельзя. Я не позавидовал бы родителям, у которых такой сын. Я работал с писателями, я среди них вращался. Я сравниваю Бродского с Олегом Шестинским. Олег ездил с агитбригадой, он окончил Ленинградский государственный университет и университет в Софии. И еще Олег работал в шахте. Я хотел выступить в том плане, что надо трудиться, отдавать все культурные навыки.

И стихи, которые составляет Бродский, были бы тогда настоящими стихами. Бродский должен начать свою жизнь по-новому.

Адвокат. Надо же все-таки, чтобы свидетели говорили о фактах. А они...

Судья. Вы можете потом дать оценку свидетельским показаниям. Свидетель Денисов.

Денисов (трубоукладчик УНР-20). Я Бродского лично не знаю. Я знаком с ним по выступлениям нашей печати. Я выступаю как гражданин и представитель общественности. Я после выступления газеты возмущен работой Бродского. Я захотел познакомиться с его книгами. Пошел в библиотеку — нет его книг. Спрашивал знакомых, знают ли они такого. Нет, не знают. Я рабочий. Я сменил за свою жизнь только две работы. А Бродский? Меня не удовлетворяют показания Бродского, что он знал много специальностей. Ни одну специальность за такой короткий срок не изучить. Говорят, что Бродский что-то представляет собой как поэт. Почему же он не был членом ни одного объединения? Он не согласен с диалектическим материализмом? Ведь Энгельс считал, что труд создал человека. А Бродского эта формулировка не удовлетворяет. Он считает иначе. Может, он очень талантливый, но почему же он не находит дороги в нашей литературе? Почему он не работает? Я хочу подсказать мнение, что меня его трудовая деятельность как рабочего не удовлетворяет.

Судья. Свидетель Николаев.

Николаев (пенсионер). Я лично с Бродским не знаком. Я хочу сказать, что знаю о нем три года по тому тлетворному влиянию, которое он оказывает на своих сверстников. Я отец. Я на своем примере убедился, как тяжело иметь такого сына, который не работает. Я у моего сына не однажды видел стихи Бродского. Поэму в 42 главах и разрозненные стихи. Я знаю Бродского по делу Уманского. Есть пословица: скажи, кто твои друзья... Я Уманского знал лично. Он отъявленный антисоветчик. Слушая Бродского, я узнавал своего сына. Мой сын тоже говорит, что считает себя гением. Он, как и Бродский, не хочет работать. Люди, подобные Бродскому и Уманскому, оказывают тлетворное влияние на своих сверстников. Я удивляюсь родителям Бродского. Они, видно, подпевали ему. Они пели ему в унисон. По форме стиха видно, что Бродский может сочинять стихи. Но нет, кроме вреда, эти стихи ничего не приносили. Бродский не просто тунеядец. Он воинствующий тунеядец. С людьми, подобными Бродскому, надо действовать без пощады. (Аплодисменты.)

Заседатель Тяглый. Вы считаете, что на вашего сына повлияли стихи Бродского?

Николаев. Да.

Судья. Отрицательно повлияли?

Николаев. Да.

Адвокат. Откуда вы знаете, что это стихи Бродского?

Николаев. Там была папка, а на папке написано: «Иосиф Бродский».

Адвокат. Ваш сын был знаком с Уманским?

Николаев. Да.

Адвокат. Почему же вы думаете, что это Бродский, а не Уманский тлетворно повлиял на вашего сына?

Николаев. Я считаю: Бродский и еще с ним. У Бродского стихи позорные и антисоветские.

Бродский. Назовите мои антисоветские стихи. Скажите хоть строчку из них.

Судья. Цитировать не позволю.

Бродский. Но я же хочу знать, о каких стихах идет речь! Может, они не мои.

Николаев. Если бы я знал, что буду выступать в суде, я бы сфотографировал и принес.

Судья. Свидетельница Ромашова.

Ромашова (преподавательница марксизма-ленинизма в училище имени Мухиной). Я лично Бродского не знаю. Но его так называемая деятельность мне известна. Пушкин говорил, что талант — это прежде всего труд. А Бродский? Разве он трудится? Разве он работает над тем, чтобы сделать свои стихи понятными народу? Меня удивляет, что мои коллеги создают такой ореол вокруг него. Ведь это только в Советской стране может быть, чтобы суд так доброжелательно говорил с поэтом, так по-товарищески советовал ему учиться. Я, как секретарь партийной организации училища имени Мухиной, могу сказать, что он плохо влияет на молодежь.

Адвокат. Вы когда-нибудь видели Бродского?

Ромашова. Никогда. Но так называемая деятельность Бродского позволяет мне судить о нем.

Судья. А факты какие-нибудь вы можете привести?

Ромашова. Я, как воспитательница молодежи, знаю отзывы молодежи о стихах Бродского.

Адвокат. А сами вы знакомы со стихами Бродского?

Ромашова. Знакома. Это ужас. Не считаю возможным их повторять. Они ужа-а-сны.

Судья. Свидетель Адмони. Если можно, ваш паспорт, поскольку фамилия необычная.

Адмони (профессор Института имени Герцена, лингвист, литературовед, переводчик). Когда я узнал, что Иосифа Бродского привлекают к суду по обвинению в тунеядстве, я счел своим долгом высказать перед судом свое мнение. Я считаю себя вправе сделать

это в силу того, что 30 лет работаю с молодежью как преподаватель вузов, в силу того, что я давно занимаюсь переводами.

С Иосифом Бродским я почти не знаком. Мы здороваемся, но, кажется, не обменялись даже двумя фразами. Однако в течение примерно последнего года или несколько больше я пристально слежу за его переводческими работами — по его выступлениям на переводческих вечерах, по публикациям. Потому, что это переводы талантливые, яркие. И на основании этих переводов из Галчинского, Фернандеса и других я могу со всей ответственностью сказать, что они требовали чрезвычайно большой работы со стороны их автора. Они свидетельствуют о большом мастерстве и культуре переводчика. А чудес не бывает. Сами собой ни мастерство, ни культура не приходят. Для этого нужна постоянная и упорная работа. Даже если переводчик работает по подстрочнику, он должен, чтобы перевод был полноценным, составить себе представление о том языке, с которого он переводит, почувствовать строй этого языка, должен узнать жизнь и культуру народа и т. д. А Иосиф Бродский, кроме того, изучал и самые языки. Поэтому для меня ясно, что он трудился — трудился напряженно и упорно. А когда я сегодня — только сегодня — узнал, что он вообще окончил семь классов, то для меня стало ясно, что он должен был вести поистине гигантскую работу, чтобы приобрести такое мастерство и такую культуру, которыми он обладает. К работе поэта-переводчика относится то, что Маяковский говорил о работе поэта: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Тот Указ, по которому привлечен к ответственности Бродский, направлен против тех, кто мало работает, а не против тех, кто мало зарабатывает. Тунеядцы — это те, кто мало работает. Поэтому обвинение Бродского в тунеядстве является нелепостью. Нельзя обвинять в тунеядстве человека, который работает так, как Иосиф Бродский, — работает упорно, много, не думая о больших заработках, готовый ограничить себя самым необходимым, чтобы только совершенствоваться в своем искусстве и создавать полноценные художественные произведения.

Судья. Что это вы говорили о том, что не надо судить тех, кто мало зарабатывает?

Адмони. Я говорил, суть Указа в том, чтобы судить тех, кто мало работает, а не тех, кто мало зарабатывает.

Судья. Что же вы этим хотите сказать? А вы читали Указ от 4 мая? Коммунизм создается только трудом миллионов.

Адмони. Всякий труд, полезный для общества, должен быть уважаем.

Заседатель Тяглый. Где Бродский читал свои переводы и на каких иностранных языках он читал?

Адмони (улыбнувшись). Он читал по-русски. Он переводит с иностранного языка на русский.

Судья. Если вас спрашивает простой человек, вы должны ему объяснить, а не улыбаться.

Адмони. Я и объясняю, что он переводит с польского и сербского на русский.

Судья. Говорите суду, а не публике.

Адмони. Прошу простить меня. Это профессорская привычка — говорить, обращаясь к аудитории.

Судья. Свидетель Воеводин. Вы лично Бродского знаете?

Воеводин (член Союза писателей). Нет. Я только полгода работаю в Союзе. Я лично с ним знаком не был. Он мало бывает в Союзе, только на переводческих вечерах. Он, видимо, понимал, как встретят его стихи, и потому не ходил на другие объединения. Я читал его эпиграммы. Вы покраснели бы, товарищи судьи, если бы их прочитали. Здесь говорили о таланте Бродского. Талант измеряется только народным признанием. А этого признания нет и быть не может.

В Союз писателей была передана папка стихов Бродского. В них три темы: первая тема — отрешенности от мира, вторая — порнографическая, третья — тема нелюбви к Родине, к народу, где Бродский говорит о родине чужой*. Полагаю, сейчас вспомню... «однообразна русская топа»**. Пусть эти безобразные строки останутся на его совести. Поэта Бродского не существует. Переводчик, может, и есть, а поэт не существует. Я абсолютно поддерживаю мнение товарища, который говорил о своем сыне, на которого Бродский влиял тлетворно. Бродский отрывает молодежь от труда, от мира и жизни. В этом большая антиобщественная роль Бродского.

Судья. Обсуждали вы на комиссии талант Бродского?

Воеводин. Было одно короткое собрание, на котором речь шла о Бродском. Но обсуждение не вылилось в широкую дискуссию. Повторяю, Бродский ограничивался полупохабными эпиграммами, а в Союз ходил редко. Мой друг поэт Куклин однаж-

* Е. Воеводин (как и далее Ф. Сорокин в своей обвинительной речи) намеренно искажает смысл стихотворения И. Бродского «Люби проездом родину друзей...» (1961), в котором под «чужой родиной» подразумевается Москва.

** Вырванная из контекста строка из поэмы И. Бродского «Шествие».

ды громогласно с эстрады заявил о своем возмущении стихами Бродского.

Адвокат. Справку, которую вы написали о Бродском, разделяет вся комиссия?

Воеводин. С Эткиндо, который придерживается другого мнения, мы справку не согласовывали.

Адвокат. А остальным членам комиссии содержание вашей справки известно?

Воеводин. Нет, она известна не всем членам комиссии.

Бродский. А каким образом у вас оказались мои стихи и мой дневник?

Судья. Я этот вопрос снимаю. Гражданин Бродский, вы работали от случая к случаю. Почему?

Бродский. Я уже говорил. Я работал все время. Штатно, а потом писал стихи. (С отчаянием.) Это работа — писать стихи.

Судья. Но ваш заработок очень невелик. Вы говорите, за год получается 250 рублей, а по справке, которую представила милиция, — 100 рублей.

Адвокат. На предыдущем суде было постановлено, чтобы милиция проверила справки о заработке, а это не было сделано.

Судья. Вот в деле есть договор, который прислали из издательства. Так ведь это просто бумажка, никем не подписанная.

(Из публики посылают судье записку о том, что договор сначала подписывает автор, а потом руководители издательства.)

Судья. Прошу мне больше записок не посылать.

Общественный обвинитель Сорокин. Наш великий народ строит коммунизм. В советском человеке развивается замечательное качество — наслаждение общественно полезным трудом. Процветает только то общество, где нет безделья. Бродский далек от патриотизма. Он забыл главный принцип — кто не работает, тот не ест. А Бродский на протяжении многих лет ведет жизнь тунеядца. В 1956 году он бросил школу и поступил на завод. Ему было 15 лет. В том же году увольняется. (Повторяет послужной список и перерывы в штатной работе снова объявляет бездельем. Будто и не звучали все объяснения свидетелей защиты, что литературный труд тоже работа.)

Мы проверили, что Бродский за одну работу получил только 37 рублей, а он говорит 150.

Бродский. Это аванс! Это только аванс! Часть того, что я потом получу.

Судья. Молчите, Бродский.

Сорокин. Там, где Бродский работал, он всех возмущал своей недисциплинированностью и нежеланием работать. Статья в «Вечернем Ленинграде» вызвала большой отклик. Особенно много писем поступило от молодежи. Она резко осудила поведение Бродского. (Читает письма.) Молодежь считает, что ему не место в Ленинграде. Что он должен быть сурово наказан. У него полностью отсутствует понятие о совести и долге. Каждый человек считает счастьем служить в армии. А он уклонился. Отец Бродского послал своего сына на консультацию в диспансер, и он приносит оттуда справку, которую принял легковесный военкомат. Еще до вызова в военкомат Бродский пишет своему другу Шахматову, ныне осужденному: «Предстоит свидание с комитетом обороны. Твой стол станет надежным убежищем моих ямбов».

Бродский принадлежал к компании, которая сатанинским хохотом встречала слово «труд» и с почтением слушала своего фюрера Уманского. Бродского объединяет с ним ненависть к труду и советской литературе. Особенным успехом пользуется здесь набор порнографических слов и понятий. Шахматова Бродский называл сэром. Не иначе. Шахматов был осужден. Вот из какого зловонного местечка появился Бродский. Говорят об одаренности Бродского. Но кто это говорит? Люди, подобные Бродскому и Шахматову.

Мой сосед кричит с места: Кто? Чуковский и Маршак подобны Шахматову? (Подходят дружинники и выводят его.)

Сорокин. Бродского защищают прощелыги, тунеядцы, мокрицы, жуки... Бродский не поэт, а человек, пытающийся писать стихи. Он знает, что в нашей стране человек должен трудиться, создавать ценности: станки, хлеб. Бродского надо заставить трудиться насильно. Надо выселить его из города-героя. Он тунеядец, хам, прощелыга, идейно грязный человек. Почитатели Бродского брызжут слюной. А Некрасов сказал:

Поэтом можешь ты не быть,

Но гражданином быть обязан.

Мы сегодня судим не поэта, а тунеядца. Почему тут защищали человека, ненавидящего нашу Родину? Надо проверить моральный облик тех, кто его защищал. Он писал в своих стихах: «Люблю я родину чужую». В его дневниках есть запись: «Я уже давно думал насчет выхода за красную черту. В моей рыжей голове созревают конструктивные мысли».

* За честь К. И. Чуковского и С. Я. Маршака вступился историк и публицист Е. А. Гнедин (1898—1983) — в прошлом ответственный работник Наркомата иностранных дел, шестнадцать лет провел в сталинских лагерях и ссылке.

Он писал еще так: «Стокгольмская ратуша внушает мне больше уважения, чем пражский Кремль». Маркса он называет так: «Старый чревоугодник, обрамленный венком из еловых шишек». В одном письме он пишет: «Плевать я хотел на Москву».

Вот чего стоит Бродский и все, кто его защищает. (Затем обвинитель цитирует письмо одной девушки, которая с неуважением пишет о Ленине. Остается совершенно неясным, какое отношение это письмо имеет к Бродскому: оно не им написано и не ему адресовано.)

В эту минуту судья обращается ко мне. Прекратите записывать.

Я. Товарищ судья, я прошу разрешить мне записывать.

Судья. Нет.

Я. Я журналистка, член Союза писателей, я пишу о воспитании молодежи, я прошу разрешить мне записывать.

Судья. Я не знаю, что вы там записываете. Прекратите.

Из публики. Отнять у нее записи!

(Сорокин продолжает свою речь, потом говорит защитница, речь которой я могу изложить лишь в виде тезисов, поскольку писать мне запретили.)

ТЕЗИСЫ РЕЧИ ЗАЩИТНИЦЫ

Общественный обвинитель использовал материалы, которых в деле нет, которые в ходе дела возникают впервые и по которым Бродский не допрашивался и объяснений не давал.

Подлинность материалов, заимствованных из заслушанного в 1961 году спецдела, нами не проверена, и то, что общественный обвинитель цитировал, мы не имеем возможности проверить. Если речь идет о дневнике Бродского, то он относится к 1956 году. Это юношеский дневник. Общественный обвинитель приводит как мнение общественности письма читателей в редакцию газеты «Вечерний Ленинград». Авторы писем Бродского не знают, стихов его не читали и судят по тенденциозной и во многом неверной по фактам газетной статье. Общественный обвинитель оскорбляет не только Бродского, употребляя слова «хам», «тунеядец», «антисоветский элемент», но и лиц, вступивших за него: Маршака, Чуковского, а также уважаемых свидетелей. Таким образом, не располагая объективными доказательствами, общественный обвинитель пользуется недозволенными приемами.

Чем же вообще располагает обвинение?

а) Справка о трудовой деятельности с 1956 по 1962 год. В 1956 году Бродскому было 16 лет; он мог вообще учиться и быть по закону на иждивении родителей до 18 лет. Частая смена работ — влияние психопатических черт характера и неумение сразу найти свое место в жизни. Перерывы объясняются, в частности, сезонной работой в экспедициях. Нет причины до 1962 года говорить об уклонении от труда.

(Адвокат говорит о своем уважении к заседателям, но сожалеет, что среди заседателей нет человека, который был бы компетентен в вопросах литературного труда. Когда обвиняют несовершеннолетнего — непременно есть председатель-педагог, если на скамье подсудимых врач, среди заседателей необходим врач. Почему же этот справедливый и разумный обычай забывается, когда речь идет о литераторе?)

б) Штатно Бродский не работает с 1962 года. Однако представленные договоры с издательством от XI-62 г. и X-1963 г., справка студии телевидения, справка журнала «Костер», вышедшая книга переводов югославских поэтов свидетельствуют о творческой работе.

Качество этой работы. Есть справка, подписанная Е. Воеводиным, резко отрицательная, с недопустимыми обвинениями в антисоветской деятельности, справка, напоминающая документы худших времен культа личности. Выяснилось, что справка эта на Комиссии не обсуждалась, членам Комиссии неизвестна и, таким образом, является единоличным мнением прозаика Воеводина. Есть отзывы таких людей, лучших знатоков, мастеров перевода, как Маршак и Чуковский. Свидетели: В. Адмони — крупный литературовед, лингвист, переводчик, Е. Эткинд — знаток переводческой литературы, член бюро секции переводчиков и член Комиссии по работе с молодыми авторами; писатель и филолог Н. Грудина, которая много работала с молодыми поэтами. Все они высоко оценивают работу Бродского как переводчика и говорят о большой затрате труда, который потребовался ему, чтобы перевести то, что он перевел за 1963 год. Вывод: справка Воеводина не может опровергнуть мнение этих лиц.

в) Ни один из свидетелей обвинения Бродского не знает, стихов от него не получал и не слышал; свидетели дают показания на основании каких-то непонятным путем полученных и непроверенных документов и высказывают свое мнение,

Вечерний ЛЕНИНГРАД

ГАЗЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЛЕНИНГРАДСКОГО
СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Суд над тунеядцем Бродским

Просторный зал клуба 15-го ремонтно-строительного управления вчера заполнили трудящиеся Дзержинского района. Здесь состоялся суд над тунеядцем И. Бродским. О нем писалось в статье «Окололитературный трутень», напечатанной в № 281 нашей газеты за 1963 год.

Выездную сессию районного народного суда открыла председательствующая — судья Е. А. Савельева. Народные заседатели — рабочий Т. А. Тяглый и пенсионерка М. И. Лебедева.

Зачитывается заключение Дзержинского районного суда. Бродскому — 24 года, образование — 7 классов, постоянно нигде не работает, возмнив себя литературным гением. Неприглядное лицо этого тунеядца особенно ярко вскрывается при допросе.

— Ваш общий трудовой стаж? — спрашивает судья.

— Я этого точно не помню, — отвечает Бродский под смех присутствующих.

Где уж тут помнить, если с 1956 года Бродский переменял 13 мест работы, задерживаясь на каждом из них от одного до трех месяцев. А последние годы он вообще нигде не работал.

Рисуясь, Бродский вешает о своей якобы гениальности, произносит громкие фразы, бесстыдно заявляет, что лишь последующие поколения могут понять его стихи. Это заявление вызывает дружный смех в зале.

Несмотря на совершенно ясное для всех антиобщественное поведение Бродского, у него, как ни странно, нашлись защитники. Поэтесса Н. Грудина, старший научный сотрудник ленинградского отделения Института языкознания Академии наук В. Адмони, доцент Педагогического института

имени А. И. Герцена Е. Эткинд, выступавшие на процессе как свидетели защиты, с пеной у рта пытались доказать, что Бродский, опубликовавший всего несколько стихов, отнюдь не тунеядец. Об этом же твердила и адвокат З. Топорова.

Но свидетели обвинения полностью изобличили Бродского в тунеядстве, во вредном, тлетворном влиянии его виршей на молодежь. Об этом с возмущением говорили писатель Е. Воеводина, заведующая кафедрой Высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухоморова Р. Ромашова, пенсионер А. Николаев, трубоукладчик УНР-20 П. Денисов, начальник Дома обороны И. Смирнов, заместитель директора Эрмитажа П. Логунов. Они отмечали также, что во многом виноваты родители Бродского, потакавшие сыну, поощрявшие его безделье. Отец его А. Бродский по существу содержал великовозрастного лоботряса.

С яркой речью выступил на процессе общественный обвинитель — представитель народной дружины Дзержинского района Ф. Сорокин.

Внимательно выслушав стороны и тщательно изучив имеющиеся в деле документы, народный суд вынес постановление: в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года выселить И. Бродского из Ленинграда в специально отведенные места с обязательным привлечением к труду сроком на пять лет.

Это постановление было с большим одобрением встречено присутствовавшими в зале.

произносятся обвинительные речи. Они скорее обвинители, чем свидетели.

Другими материалами обвинение не располагает.

Суд должен исключить из рассмотрения:

1. Материалы спецдела, рассмотренного в 1961 году, по которому в отношении Бродского было вынесено постановление — дело прекратить.

Если бы Бродский тогда или позднее совершил антисоветское преступление, написал бы антисоветские стихи, — это было бы предметом рассмотрения со стороны следственных органов госбезопасности.

Бродский действительно был знаком с Шахматовым и Уманским и находился под их влиянием. Но, к счастью, он давно от этого влияния освободился. Между тем общественный обвинитель зачитывал записи тех лет, преподнося их вне времени и пространства, чем, естественно, вызвал гнев у публики по адресу Бродского. Общественный обвинитель создал такое впечатление, будто Бродский и сейчас придерживается своих давнишних взглядов, что совершенно неверно. Многие молодые люди, входившие в компанию Уманского, благодаря разумному вмешательству взрослых людей, были возвращены к нормальной жизни. То же самое происходило в последние два года с Бродским. Он стал много и плодотворно работать. Но тут его арестовали за тунеядство.

2. Вопрос о качестве стихов самого Бродского. Мы еще не знаем, какие из приложенных к делу

стихов принадлежат Бродскому, так как из его заявления видно, что там есть ряд стихотворений, ему не принадлежащих.

Для того чтобы судить о том, упадочнические это стихи, пессимистические или лирические, должна быть произведена авторитетная литературоведческая экспертиза, ни суд, ни стороны сами не в состоянии разрешить этот вопрос.

Наша задача — установить, является ли Бродский тунеядцем, живущим на нетрудовые доходы, ведущим паразитический образ жизни.

Бродский — поэт-переводчик, вкладывающий свой труд по переводу поэтов братских республик, стран народной демократии в дело борьбы за мир. Он не пьяница, не аморальный человек, не стяжатель. Его упрекают в том, что он мало получал гонорара, следовательно, и не работал. (Адвокат дает справку о специфике литературного труда, о порядке оплаты. Говорит об огромной затрате труда при переводах, о необходимости изучения иностранных языков, творчества переводимых поэтов. О том, что не все представленные работы принимаются и оплачиваются.)

Система авансов. Суммы, фигурирующие в деле, неточны. По заявлению Бродского, их в действительности больше. Надо было бы это проверить. Суммы незначительные. На что же жил Бродский? Бродский жил вместе с родителями, которые на время становления его как поэта поддерживали его материально. Никаких нетрудовых источников существования у него не было. Он жил скудно, чтобы иметь

возможность работать, заниматься любимым делом.

Выводы:

Не установлена ответственность Бродского. Бродский не тунеядец, и меры административного воздействия применять к нему нельзя.

Значение Указа от 4.V.61 г. очень велико. Он — оружие очистки города от действительных тунеядцев и паразитов. Неосновательное привлечение дискредитирует идею Указа.

Постановление пленума Верховного суда СССР от 10.III.63 г. обязывает суд критически относиться к представленным материалам, не допускать осуждения тех, кто в действительности работает, соблюдать права привлеченных, в частности, право на то, чтобы ознакомиться с делом и представить доказательства своей невиновности.

Бродский был необоснованно задержан с 13.II.64 г. и был лишен возможности представить доказательства своей невиновности.

Однако и представленных суду доказательств достаточно для вывода о том, что Бродский не тунеядец.

(Суд удаляется на совещание. Объявляется перерыв.)

РАЗГОВОРЫ В ЗАЛЕ.

— Писатели! Вывести бы их всех!
— Интеллигенты! Навязались на нашу шею!
— А интеллигенция что? Не работает? Она тоже работает.

— А ты — что? Не видел, как она работает? Чужим трудом пользуется.

— Я тоже заведу подстрочник и стану стихи переводить.

— А вы знаете, что такое подстрочник? Вы знаете, как поэт работает с подстрочником?

— Подумаешь, делов!

— Я Бродского знаю! Он хороший парень и хороший поэт.

— Антисоветчик он. Слышали, что обвинитель говорил?

— А что защитник говорил — слышали?

— Защитник за деньги говорил, а обвинитель бесплатно. Значит, он прав.

— Конечно, защитникам лишь бы денег побольше получить. Им все равно, что говорить, лишь бы денежки в карман.

— Ерунду вы говорите.

— Ругаетесь? Вот сейчас дружинника позову! Слышали, какие цитаты приводили!

— Он писал это давно.

— Ну и что, что давно!

— А я учитель. Если бы я не верил в воспитание, какой бы я был учитель?

— Таких учителей, как вы, нам не надо.

— Вот посылаем своих детей — а чему они их научат?

— Но ведь Бродскому не дали даже оправдаться!

— Хватит! Наслушались вашего Бродского!

— А вот вы, вы, которая записывали! Зачем вы это записывали?

— Я журналистка. Я пишу о воспитании, хочу и об этом написать.

— А что об этом писать? Все ясно. Все вы заодно. Вот отнять бы у вас записи!

— Попробуйте!

— А что тогда будет?!

— А вы попробуйте отнять. Тогда увидите.

— Ага! Угрожаете! Эй, дружинник! Вот тут угрожают!

— Он же дружинник, а не полицейский, чтобы хватать за каждое слово.

— Эй, дружинник! Тут вас называют полицейским! Выселить бы вас всех из Ленинграда, узнали бы, почем фунт лиха, тунеядцы!

— Товарищи, о чем вы говорите! Оправдают его! Слышали ведь, что сказала защитница.

Суд возвращается, и судья читает приговор:

Бродский систематически не выполняет обязанностей советского человека по производству материальных ценностей и личной обеспеченности, что видно из частой перемены работы. Предупреждался органами МГБ в 1961 году и в 1963-м — милицией. Обещал поступить на постоянную работу, но выводов не сделал, продолжал не работать, писал и читал на вечерах свои упадочнические стихи. Из справки Комиссии по работе с молодыми писателями видно, что Бродский не является поэтом. Его осудили читатели газеты «Вечерний Ленинград». Поэтому суд применяет Указ от 4.V.1961 г.: сослать Бродского в отдаленные местности сроком на пять лет с применением обязательного труда.

Дружинники (проходя мимо защитницы). Что? Проиграли дело, товарищ адвокат?

февраль — март 1964 года.

Публикация А. А. РАСКИНОЙ
Комментарии Э. Л. БЕЗНОСОВА

КОНЦЕРТ
ДЛЯ ДВУХ
ФИЛЬМОВ
С ДВУМЯ
ОРКЕСТРАМИ,
ДВУМЯ
СОЛИСТАМИ
И ОДНОЙ
ВЫСТАВКОЙ.
ДНЕМ —
ФИЛЬМ
«ФОНТАН»,
ВЕЧЕРОМ —
«ДНИ ЗАТМЕНИЯ»,
ПОСТОЯННО —
ВЫСТАВКА
ВЯЧЕСЛАВА
СЫСОНОВА.

СУПЕРШОУ

то не статья, не информация, не обзор и не рецензия. Это реклама. Та самая реклама, которую столько лет предавали анафеме бескорыстные служители высокого искусства.

Но служение высокому искусству возможно и с помощью рекламы.

С 1 по 9 декабря в Москве (а если повезет, получится и понаравится, то и в других городах) будет показано уникальное действо, где сольются высокие искусства: живопись и музыка с младшим своим собратом — кинематографом. Мы хотим поведать об этом событии многих людей. И привлечь их, как сказано в объявлении, в Дом культуры завода имени Владимира Ильича, что недалеко от Добрынинской площади...

Кто помнит многомесячную борьбу за программу «АССА», кто не забыл репортаж в «Огоньке» о бурных днях Арт-рок-парада в Доме культуры МЭЛЗа, может представить себе, что я имею в виду. И... ошибется.

Потому что нынешнее зрелище на то, «ассино», совсем не будет похоже... Москвичи увидят:

«ДВА ЛИКА «ЛЕНФИЛЬМА» В ВОЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ»

«Спасибо за фильм ужасов, в которых мы живем»...

«Это видишь каждый день, но так смеешься только в кино»...

«Фильм понравился, но стало жутко от того, что в нашей жизни это так. Где же выход?»

«Это наша действительная жизнь. Очень больно смотреть».

«Смеемся над собой и своей жизнью, а надо плакать. Я живу в таких же условиях... Увидела свою жизнь. Страшно».

Так отозвались зрители фестиваля «Золотой Дюк» о фильме-лауреате, получившем большинство голосов и зрительского, и профессионального жюри, — о «Фонтане» Юрия Мамина.

«Дни затмения» хочется назвать реалистической фантазмагорией, но бывает ли такой жанр?..

Так и не удается сказать, о чем же фильмы Сокурова... Пожалуй, эпиграфом к кино Сокурова могут послужить слова из его же фильма «Скорбное бесчувствие»: «Бог, может быть, и есть где-то там, но на земле все устроено так паршиво»... «Продуманный, выстраданный, активный протест может быть дороже идеи, воспринятой без сопротивления. В этом смысле кино Сокурова просто необходимо, это, может быть, недостающая грань общей культуры» — это тоже впечатление зрителя, которого авторы программы специально пригласили на служебный просмотр, чтобы понять возможную реакцию «человека со стороны».

«Дни затмения» — фильм не для всех, но про каждого — это тоже мнение зрителя.

Александр Сокуров: «...Может быть, есть в мире какое-то другое дело, занимаясь которым я был бы более органичен, достиг бы большего результата и не раздражал бы так многих, как это происходит сейчас, о чем я искренне и глубоко сожалею...»

Почему же все-таки «два лика», если нас с самого начала хотят запугать почти одинаково?

Про «два лика» совсем просто: «Фонтан» — комедия гротескная, сатирическая, злая, грустная, но неизменно смешная.

«Дни затмения» — глубоко трагичный, горький и очень многозначный фильм. Он требует от зрителя немалых усилий — доброжелательности, готовности понять, желания соразмыслить и сочувствовать. И только получив свое сполна, фильм одаривает еще большим: причастностью к мысли о судьбе человеческой...

Как ни прекрасны, как ни значимы обе картины, они станут еще прекрасней и значительнее в той культурной раме, которую предлагают организаторы программы. Вас ждет выставка Вячеслава Сысоева. Помните? Того Сысоева, которого показывали в программе «Пятое колесо», чьи картины так долго не могли пробиться к советским зрителям. За рубежом то Сысоев уже много лет известный, «музейный» и покупаемый художник. Вы увидите картины Сысоева, в которых боль и горечь от долгих «дней затмения», сковавших на десятилетия наш разум, и «фонтаном» бьющая сатирическая струя.

Сысоев так же не похож на Мамину, как Мамин на Сокурова. Это совсем разные художественные миры, но они из одной галактики. Из нашей галактики.

Четыре вечера будет звучать впервые исполняемая музыка Юрия Ханина с неожиданным названием — «Музыка собак» — вялое шоу. Вы услышите, быть может, малознакомый вам симфо-авангард, музыке завтрашнего дня, которая уже сегодня звучит в фильмах Сокурова.

В один из вечеров прозвучит голос удивительной Лины Мкртчян. Певицы, которую так высоко ценят профессионалы и настоящие любители вокального искусства. Певицу, о которой восторженно отзывались самые влиятельные наши газеты, но которую по-прежнему не любит наш привередливый Госконцерт...

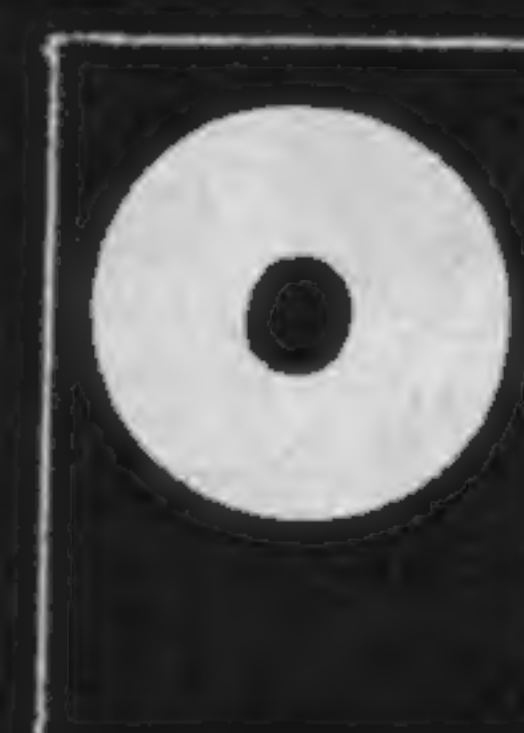
А потом, когда уедет Ханин, его место за дирижерским пультом займет Марк Пекарский, который будет дирижировать своим — тоже уникальным — ансамблем ударных инструментов.

Вот такая программа. Я уверена, это будет событием, даже для Москвы. Новая форма общения с искусством. Новое качество культуры.

Н. ЯКОВЛЕВА

НЕДЕЛЯ С

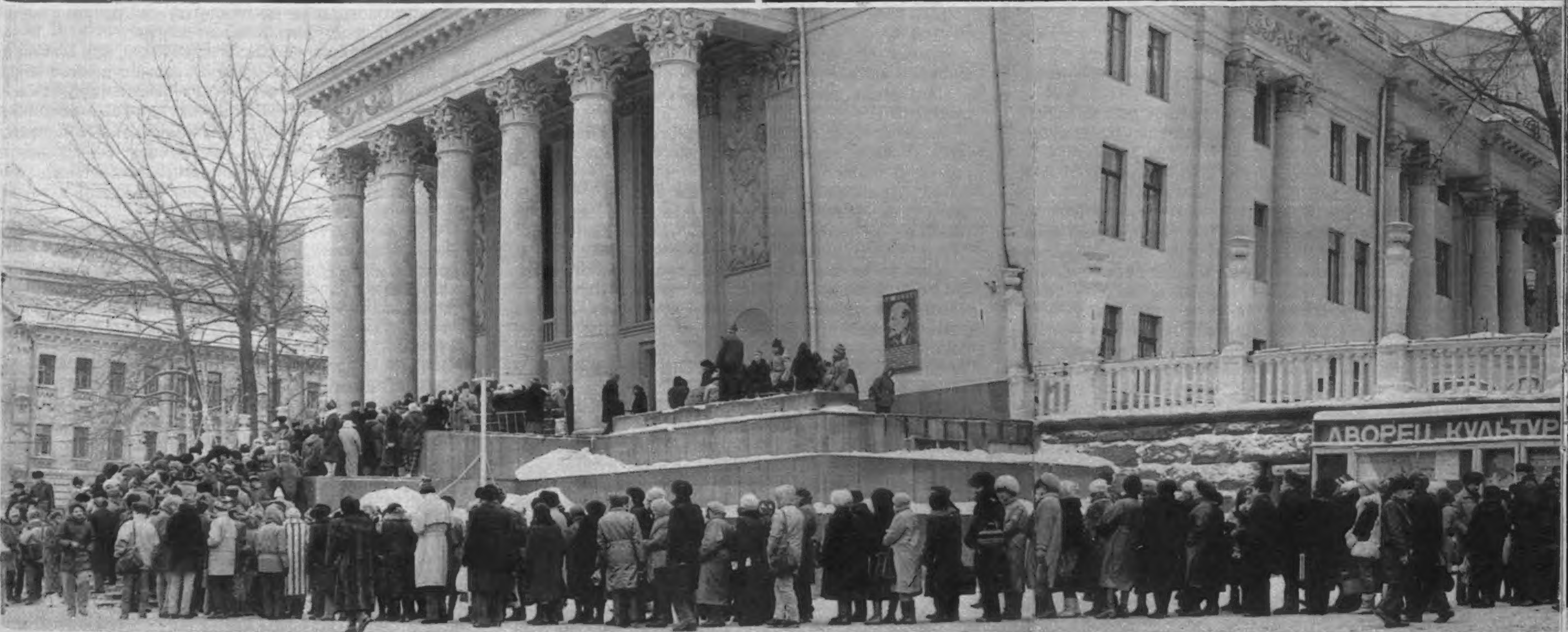
на проходила по инициативе журнала «Огонек» и была посвящена памяти жертв сталинских репрессий.

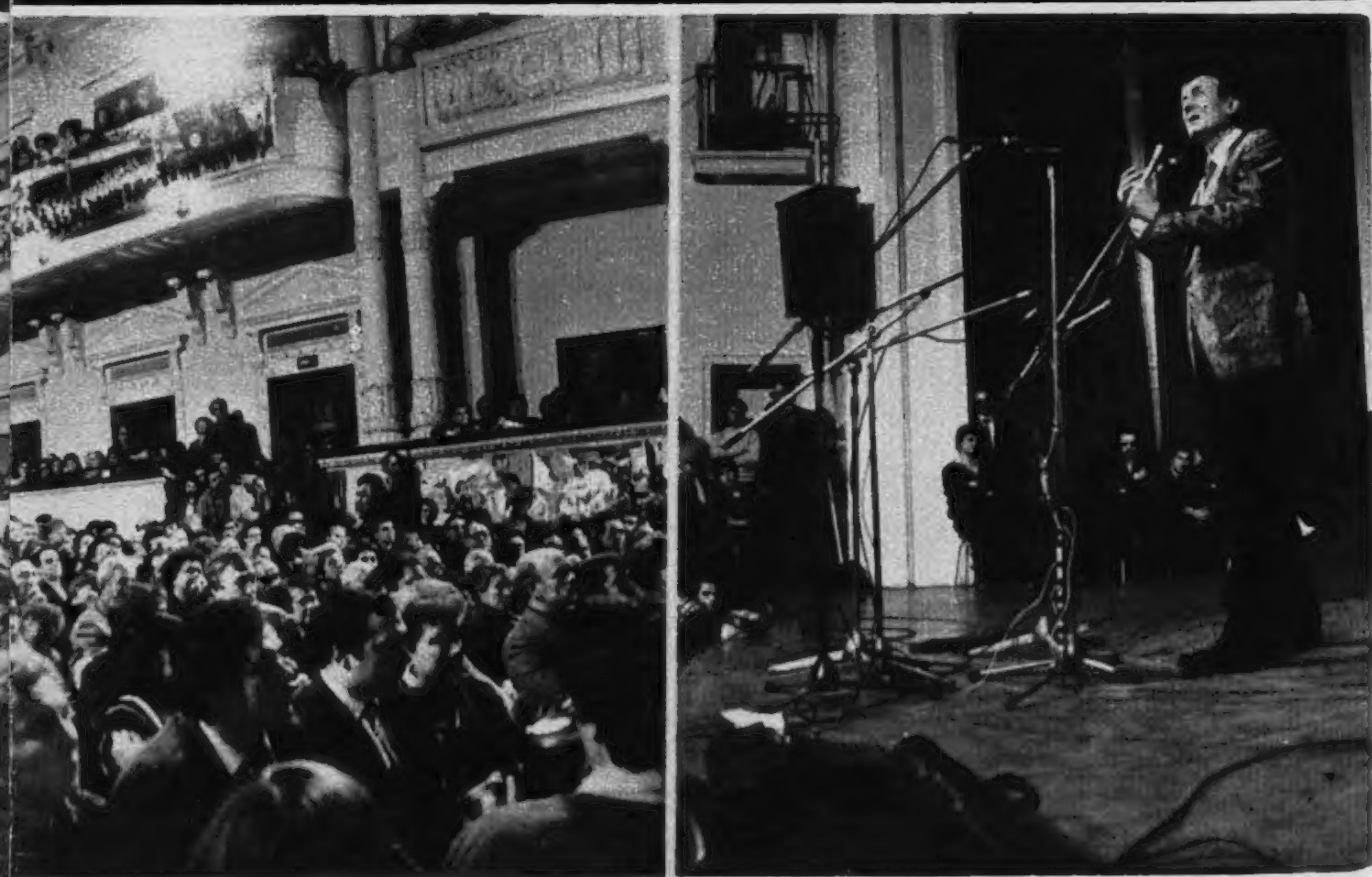
Более тридцати трех тысяч человек посетили Дворец культуры производственного объединения «Московский электроламповый завод», ставший на время прообразом будущего Мемориала. По велению души шли люди на трудную, горькую встречу с тяжелым и страшным прошлым.

Неделя совести стала общественной акцией, началом всенародного суда над Сталиным и сталищиной. Он необходим сегодня нам всем не только для того, чтобы вынести приговор террору и беззаконию, свирепой тотальной войне, которую сталинизм вел против своего народа —

против хлеборобов и ученых, актеров, писателей, рабочих, против старой ленинской гвардии. Он необходим, чтобы понять, как мы стали не свободными, как возник синдром рабской покорности, всепрощения и терпения, как заразила страну чума подозрительности, опутав всех клеветой и доносами. Чтобы восстановить справедливость, законность, гуманность. Чтобы навсегда развенчать миф о Сталине.

Он уже идет — этот суд совести, суд истории. Материалов для приговора достаточно, и мы еще не раз содрогнемся от того, что узнали. Все мы жертвы сталищины, даже если не были в лагерях. Только освободившись от нее до конца, сможем изменить нравственный климат и создать здоровую экономику. Неделя совести — лишь нача-

ОВЕСТИ

ло такого самоочищения и пробуждения.

Этой святой цели служит Мемориал жертв сталинских репрессий. Проекты и предложения по его созданию, которые прислали в ДК МЭЛЗ наши читатели, высоко оцене-

ны экспертной комиссией.

В рамках Недели совести на Калитниковском кладбище в Москве, где обнаружен ров с захоронениями жертв репрессий, состоялась церковная служба с провозглашением Вечной Памяти.

Мы благодарим рабочих производственного объединения «МЭЛЗ», работников Дворца культуры, Куйбышевский райком партии столицы, Союзы кинематографистов, театральных деятелей, архитекторов, художников, композиторов, редакции «Московских новостей», «Литературной газеты», «Юности», творческие и общественные организации Ленинграда — всех, кто принял участие в вечерах памяти. А также выступивших на вечере «Огонька» А. Адамовича, В. Богданова, Е. Евтушенко, Ю. Карякина, А. Ларину, Ю. Никулина, Н. Старостина, С. Федорова, Ю. Черниченко, Д. Шпилова, С. Хрущева, государственный квартет имени Бородина, группу «Чайф» из Свердловска.

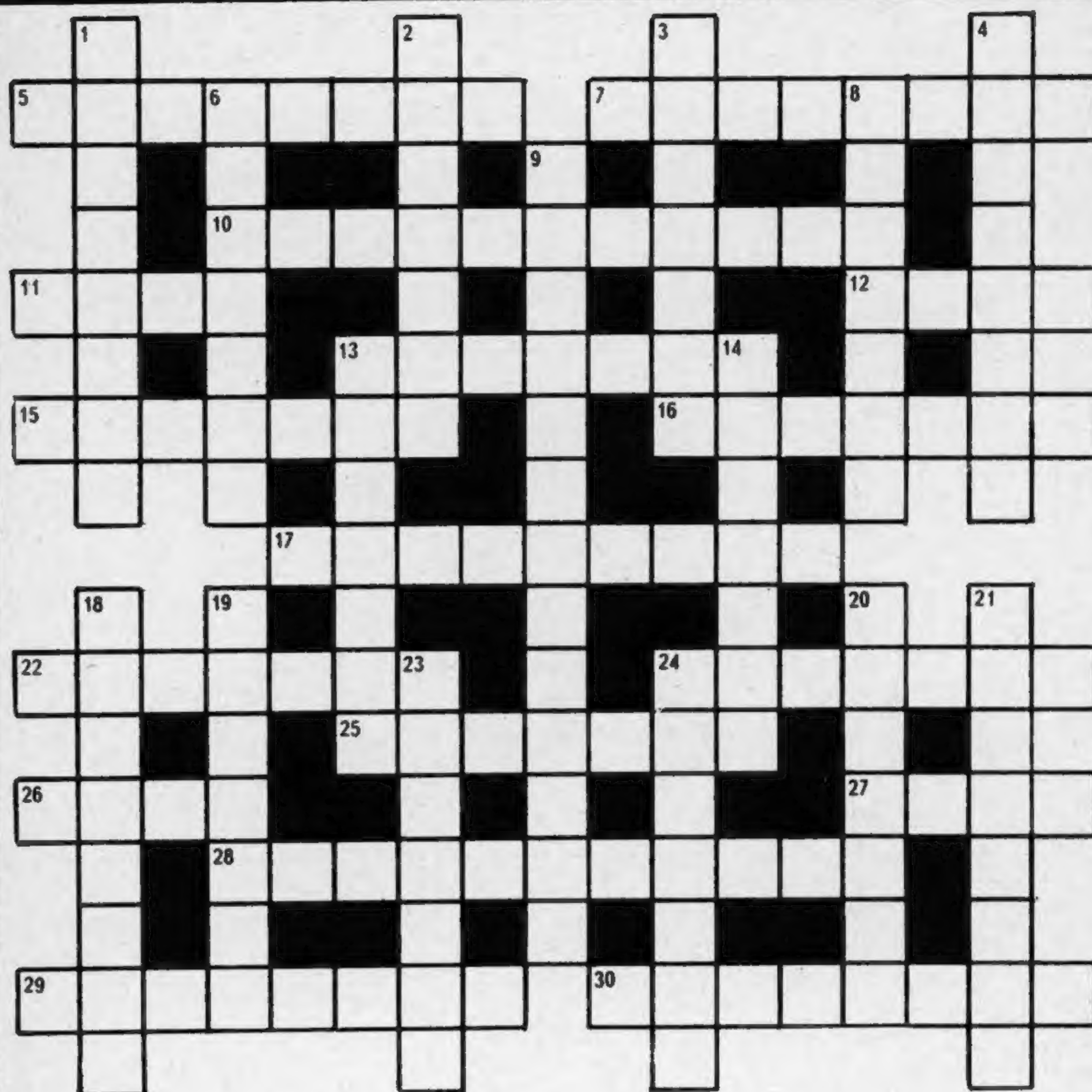
Эмоциональной атмосфере Недели способствовали художники Д. Крымов, В. Вольнов, Г. Никич-Криличевский.

Во время Недели совести на строительство Мемориала пожертвовано более 57 тысяч рублей.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и Дмитрия ДЕБАБОВА.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Русский скульптор, автор памятника А. С. Пушкину. 7. Стихотворение Н. П. Огарева. 10. Хвойное дерево, произрастающее в Сибири. 11. Французский поэт, гуманист XVI века. 12. Пушной зверек, обитающий под землей. 13. Южное эфиромасличное растение. 15. Минерал, огнеупорный материал. 16. Изобретатель машины времени в пьесе В. В. Маяковского «Баня». 17. Совокупность произведений, исполняемых в театре, на эстраде. 22. Ученый, конструктор в ракетостроении, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 24. Радиоактивный химический элемент. 25. Певчая птица. 26. Светлые круги вокруг дисков Солнца, Луны. 27. Развлечение, забава, спортивное состязание. 28. Участник массового шествия. 29. Наука о растениях. 30. Испытанный, надежный боевой товарищ.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Специалист, управляющий с пульта работой ЭВМ. 2. Действующее лицо в опере Т. Н. Хренникова «В бурю». 3. Городской округ Лондона, через обсерваторию которого условно проведен нулевой меридиан. 4. Советский физик, академик. 6. Первая русская революционная газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 8. Научное сочинение. 9. Город в Ростовской области. 13. Контролер у входа в театр, концертный зал, кино. 14. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 18. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда. 19. Планка для ношения орденов, медалей. 20. Коллегиальный орган, руководящий определенной работой. 21. Теплоизоляционный строительный материал. 23. Рассказ А. П. Чехова. 24. Русский землепроходец XVII века.

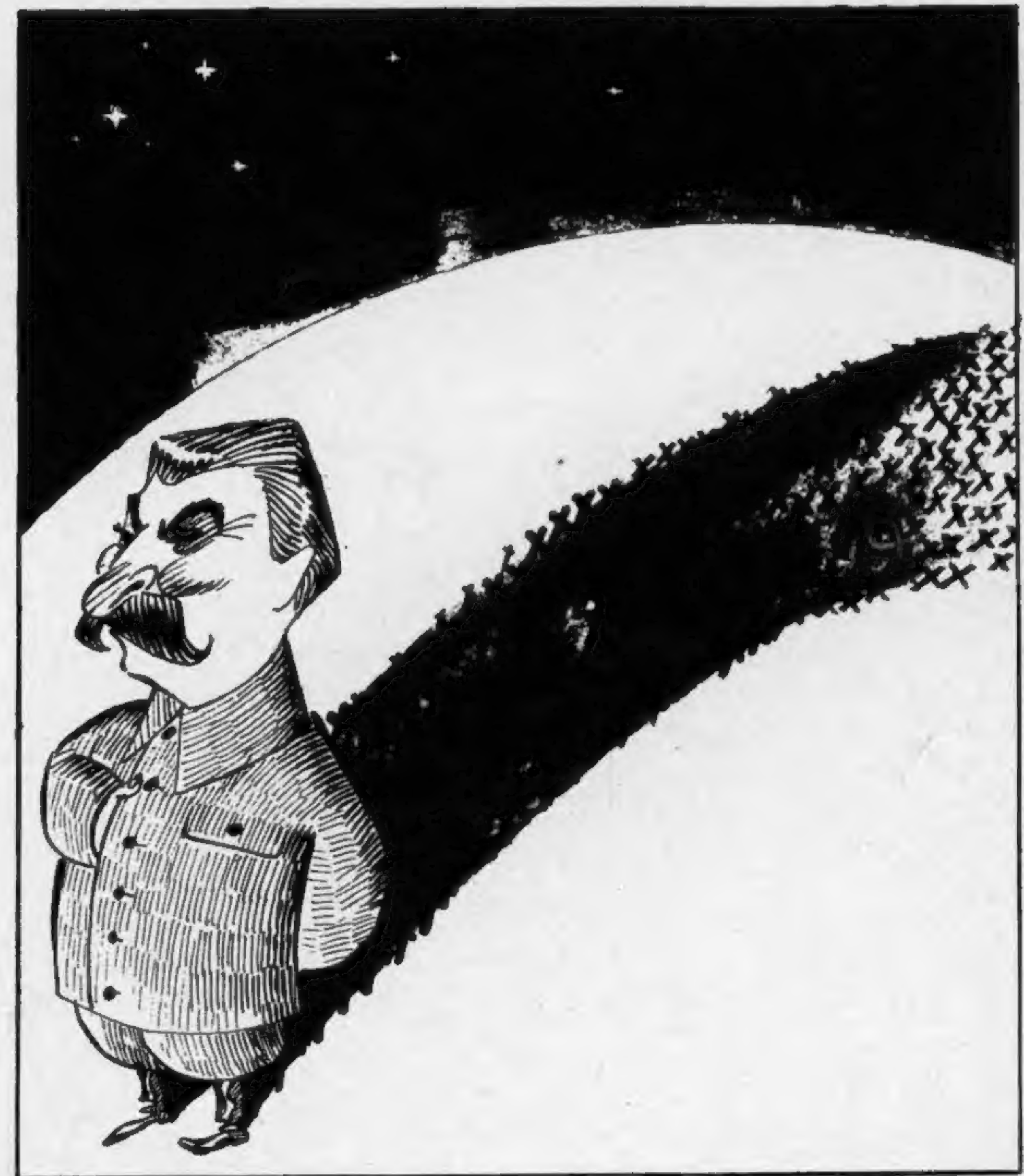
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Чумалов. 8. Малиновский. 10. Лавр. 12. Эпос. 13. Азот. 15. Арно. 16. Вокзал. 17. Алголь. 18. Иконоскоп. 19. Синтез. 20. Полова. 21. Арка. 23. Сова. 25. Нина. 27. Снег. 28. Кобылянская. 29. Боливар.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Статор. 2. Купино. 3. Боксер. 5. Катализатор. 6. Киноаппарат. 7. Гадолиний. 9. «Рославлев». 11. Розетка. 12. Энгельс. 14. Танка. 15. Аксис. 22. Крылов. 24. Оссиан. 26. «Рябина».

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК

Уже в самом названии огромного цикла скульптур, завершеного Даниэлем Митлянским в канун XIX партконференции, был оттенок дерзкого вызова: «Московская интеллигенция во время перестройки. Репортаж для «Огонька». (См. в номере материал «...Во время перестройки».)

